

Марк
Леви

Между Небом и Землёй

Только любовь летит под крыло

Annotation

Сегодня Марк Леви — один из самых популярных французских писателей, его книги переведены более чем на 30 языков и расходятся огромными тиражами. Первый же его роман «Между небом и землёй» поразил необычайным сюжетом и силой чувств, способных творить чудеса. Однажды поздним вечером в квартире одинокого архитектора появляется красивая незнакомая девушка, которая оказывается... привидением, и только он может ей помочь. Но и он был бы бессилен перед смертью, если бы не любовь.

Права на экранизацию романа приобретены Стивеном Спилбергом. Фильм поставлен одним из самых модных и популярных режиссёров Голливуда Марком Уотерсом («Дрянные девчонки», «Чумовая пятница»). В главной роли — Риз Уизерспун («Блондинка в законе», «Шоссе», «Стильная штучка»). Теперь этот фильм могут увидеть и российские зрители.

- [Марк Леви](#)
  - [ГЛАВА 1](#)
  - [ГЛАВА 2](#)
  - [ГЛАВА 3](#)
  - [ГЛАВА 4](#)
  - [ГЛАВА 5](#)
  - [ГЛАВА 6](#)
  - [ГЛАВА 7](#)
  - [ГЛАВА 8](#)
  - [ГЛАВА 9](#)
  - [ГЛАВА 10](#)
  - [ГЛАВА 11](#)
  - [ГЛАВА 12](#)
  - [ГЛАВА 13](#)
  - [ГЛАВА 14](#)
  - [ГЛАВА 15](#)
  - [ГЛАВА 16](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)

Марк Леви

Между небом и землёй

Посвящается Куй

ГЛАВА 1

ЛЕТО 1996 ГОДА

Маленький будильник на ночном столике светлого дерева прозвонил только что. Было полшестого, и комнату заливало золотистое сияние, по которому в Сан-Франциско безошибочно узнают о рассвете.

Обитатели квартиры спали — собака Кали в изножье постели на большом ковре, Лорэн — зарывшись в пуховое одеяло на большой кровати. Здесь, на последнем этаже викторианского дома по Грин-стрит, парила удивительная нега.

Жилище Лорэн состояло из столовой, как это принято в Америке, объединённой с кухней, спальни, гостиной и просторной ванной с окном. Светлый паркет устилал пол везде, кроме ванной, — там он был расчерчен по трафарету краской на чёрные и белые квадраты. Белые стены украшали старинные рисунки, раздобытые у антикваров на Юнион-стрит, потолок окаймляла деревянная резьба, искусно сработанная мастером начала века и оттенённая Лорэн краской цвета карамели.

Несколько джутовых ковров, обшитых шнуром, намечали островки в столовой и в гостиной, у камина. Напротив очага — огромный диван, обитый суровым полотном, так и манил устроиться поуютнее. Мебель терялась в свете на редкость красивых ламп с плиссированными абажурами; их Лорэн подбирала одну за другой последние три года.

Лорэн сопровождаемая безнадёжными взглядами коллег, незамедлительно занялась распределением поступивших.

С отточенной до виртуозности сноровкой она, тратя на обследование каждого пациента не более нескольких минут, прикрепляла бирку, цвет которой говорил о степени серьёзности положения, назначала первые анализы и направляла санитаров с носилками в соответствующую палату. Распределение шестнадцати человек, доставленных между полуночью и четвертью первого, закончилось ровно в двенадцать тридцать, и хирурги смогли приступить к операциям уже без четверти час.

Лорэн ассистировала профессору Фернштейну на двух операциях подряд и ушла домой только после приказания врача, давшего понять, что, когда усталость берет верх над бдительностью, здоровье пациентов может оказаться в опасности.

Выехав на своём «триумфе» с больничной стоянки, Лорэн на

приличной скорости отправилась по пустынным улицам домой. «Я слишком устала и слишком быстро еду», — повторяла она каждую минуту, чтобы побороть сон. Впрочем, одной мысли о возвращении в отделение неотложной помощи, но уже не за кулисы, а прямо на сцену, не в качестве врача, а в роли пациента, хватало, чтобы поддерживать себя в состоянии бодрствования.

Она открыла автоматическую дверь гаража и закатила свою старушку внутрь. Пройдя по коридору, поднялась по лестнице, перескакивая через ступеньки, и с облегчением вошла в квартиру.

Стрелки каминных часов показывали половину третьего. В спальне Лорэн сбросила одежду на пол. Обнажённая, подошла к стойке бара, чтобы приготовить травяной чай. Выставленных на полке стеклянных бутылей с разными сборами было так много, что казалось, они хранили травяные запахи для каждого мгновения суток.

Лорэн поставила чашку на столик у изголовья, завернулась в одеяло и мгновенно уснула. Закончившийся день был слишком, слишком длинным, а тот, который скоро начнётся, требовал встать пораньше. Лорэн решила воспользоваться тем, что два её свободных дня наконец-то совпали с уикендом, и согласилась приехать к друзьям в Кармел. Оправдываясь накопившейся усталостью, можно было бы, конечно, поспать подольше, но Лорэн ни за что не хотела отказываться от раннего подъёма. Она обожала встречать рассвет на дороге вдоль океана, которая связывала Сан-Франциско с бухтой Монтеррей.

Ещё наполовину сонная, Лорэн нащупала кнопку будильника и прервала трезвон. Протёрла глаза сжатыми кулаками и первым делом обратилась к Кали, лежащей на ковре:

— Не смотри так, меня здесь уже нет.

При звуке её голоса собака поспешно обошла вокруг кровати и пристроила голову на живот хозяйки.

— Я тебя покидаю на два дня, девочка моя. Мама заедет за тобой часов в одиннадцать. Подвинься, я встану и покормлю тебя.

Лорэн распрямила ноги, протяжно зевнула, вытянув руки к потолку, и вскочила.

Запустив обе руки в волосы, обошла стойку, открыла холодильник, снова зевнула, достала масло, джем, тосты, банку с кормом для собаки, начатую упаковку пармской ветчины, кусок сыра «гауда», две баночки молока, банку яблочного пюре, два натуральных йогурта, хлопья, половинку грейпфрута; вторая половинка осталась на нижней полке. Кали наблюдала за Лорэн, раз за разом кивая головой. Лорэн состроила собаке

страшные глаза и закричала:

— Есть хочу!

Как всегда, она начала с приготовления завтрака в тяжёлой глиняной миске для своей питомицы. Потом приготовила завтрак для себя и с подносом устроилась за письменным столом в гостиной.

Лорэн стоило чуть повернуть голову, чтобы увидеть Соссалито с его домами, рассыпанными по склонам холмов, мост Голден-Гейт, вытянувшийся соединительной линией между двумя берегами бухты, рыбный порт Тайборн и прямо под собой — крыши, уступами сбегавшие к заливу. Она распахнула окно; город был тих. Только томные гудки грузовых судов, отплывающих куда-то на восток, смешивались с криками чаек и задавали ритм утру.

Лорэн снова потянулась и с аппетитом здорового человека приступила к лёгкому гигантскому завтраку.

Накануне вечером она в больнице не ужинала, не хватило времени. Три раза пыталась проглотить бутерброд, но каждая попытка кончалась тем, что начинал дребезжать пейджер, призывая к очередному неотложному больному. Когда кто-нибудь сталкивался с Лорэн и заговаривал, она неизменно отвечала: «Спешу».

Поглотив большую часть еды, Лорэн поставила посуду в мойку и отправилась в ванную.

Скользнула пальцами по деревянным планкам жалюзи, заставив их повернуться, перешагнула через сползшую к ногам белую хлопковую рубашку и встала под душ. Под сильной струёй горячей воды Лорэн проснулась окончательно.

Выйдя из-под душа, она обернула полотенце вокруг бёдер. Перед зеркалом скорчила гримасу, слегка подкрасилась; натянула джинсы, свитер, стянула джинсы, надела юбку, сняла юбку и снова влезла в джинсы. Достала из шкафа гобеленовую сумку, бросила туда несколько вещей, несессер и почувствовала себя почти готовой к уикенду. Оценила масштаб беспорядка — одежда на полу, разбросанные полотенца, посуда в мойке, незастеленная кровать, — напустила на себя решительный вид и громко заявила, обращаясь ко всему, что находилось в квартире:

— Всем молчать, не ворчать! Вернусь завтра по раньше и устрою уборку за всю неделю!

Потом схватила карандаш, листок бумаги и написала записку, которую прикрепила к дверце холодильника большим магнитом в форме лягушки:

Мама!

Спасибо за собаку, главное — ничего не убирай, я всё сделаю, когда

вернусь.

Заеду к тебе за Кали в воскресенье около 5 часов. Я тебя люблю. Твой любимый Доктор.

Надела пальто, ласково погладила собаку по голове, поцеловала её в лоб и захлопнула за собой дверь.

— Уехала, уехала, — повторяла Лорэн, садясь в машину. — Поверить не могу, настоящее чудо, вот если б ты ещё завелась. Можешь чихнуть разок для собственного удовольствия. Я залью твой мотор сиропом, прежде чем выбросить на свалку, заменю тебя машиной, напичканной электроникой, у неё не будет ни стартера, ни капризов в холод по утрам, ты меня хорошо поняла, надеюсь?

Следует полагать, что престарелую четырехколесную англичанку потрясли доводы хозяйки, потому что мотор заработал. День обещал быть прекрасным.

ГЛАВА 2

Лорэн тронулась с места медленно, чтобы не разбудить соседей. Грин-стрит — красивая улица, обрамлённая деревьями и домами, здесь люди знали друг друга, как в деревне.

За шесть перекрёстков АО Ван-Несс, одной из крупных артерий, пересекающих город, Лорэн переключилась на максимальную скорость.

В бледном свете, с каждой минутой наполняющемся цветовыми переливами, постепенно раскрывалась ослепительная перспектива города. Машина неслась по пустынным улицам. Будто пьянея, Лорэн наслаждалась каждым мигом.

Крутой поворот на Саттер-стрит. Шум и позвякивание в рулевом управлении. Крутой спуск к Юнион-сквер. Шесть часов тридцать минут, из динамиков кассетного магнитофона гремит музыка, Лорэн счастлива впервые за долгое время. Ко всем чертям стресс, госпиталь, обязанности. Начинается уикенд, принадлежащий только ей, и ни минуты не должно пропасть.

Юнион-сквер безмолвна. Огни витрин уже потушены, кое-где на скамейках ещё спят бродяги. Сторож стоянки дремлет в будке. Через несколько часов на тротуары хлынут толпы туристов и горожан. Они стекутся за покупками в большие магазины вокруг площади. Трамваи пойдут один за другим, длинная вереница машин выстроится у въезда на подземную автостоянку, а в раскинувшемся над ней сквере уличные музыканты начнут обменивать мелодии на центы и доллары.

«Триумф» пожирает асфальт, скорость машины все выше. Светофоры горят зелёным. Лорэн бросает быстрый взгляд в зеркало заднего вида, чтобы лучше рассчитать поворот на Полк-стрит, одну из четырех улиц, идущих вдоль парка. Лорэн делает поворот перед гигантским фасадом здания магазина «Масиз». Идеальная кривая, тормоза чуть скрипят, странный звук, череда постукиваний, все происходит очень быстро, постукивания сливаются воедино, смешиваются, рассыпаются на отдельные звуки.

Внезапный треск! Диалог между дорогой и колёсами сбивается. Все связи рвутся. Машина движется боком, её заносит на ещё влажной мостовой. Лицо Лорэн искажается. Руки вцепляются в руль, и руль становится чересчур послушным, он готов бесконечно крутиться в пустоте, всасывающей весь остаток дня. «Триумф» продолжает скользить, время

словно расслабляется и вдруг потягивается, как в долгом зевке. У Лорэн кружится голова, на самом деле вокруг с поразительной скоростью вращается видимый мир. Машина решила, что она волчок. Колеса резко насакивают на тротуар, капот, приподнимаясь и обхватывая пожарный гидрант, продолжает тянуться к небу. В последнем усилии автомобиль поворачивается вокруг собственной оси и выталкивает хозяйку, вдруг ставшую слишком тяжёлой для пируэта, бросающего вызов законам гравитации. Тело Лорэн, прежде чем удариться о фасад большого магазина, взмывает в воздух. Необъятная витрина взрывается, дробясь и превращаясь в ковёр осколков.

Стеклянная простыня принимает тело молодой женщины, которая катится по полу, потом застывает, разметав волосы по куче битого стекла. А старый «триумф» заканчивает бег и карьеру, перевернувшись на спину, наполовину на тротуаре. И вот последний каприз старой англичанки — пар вырывается из её внутренностей, и она испускает прощальный вздох.

Лорэн неподвижна и безмятежна. Черты лица спокойны, дыхание медленное и равномерное. На чуть приоткрытых губах тень лёгкой улыбки, глаза закрыты; кажется, что она спит. Длинные пряди обрамляют лицо, правая рука на животе.

В будке сторож автостоянки жмурит глаза. Он все видел. Потом скажет: «Как в кино, но тут все взаправду». Он вскакивает, выбегает наружу, приходит в себя и бросается обратно, лихорадочно хватая трубку и набирает 911. Вызывает помощь, и помощь выезжает.

Столовая Мемориального госпиталя Сан-Франциско — большая комната с полом, выложенным белым кафелем, и стенами, выкрашенными жёлтой краской. Прямоугольные пластиковые столы расставлены вдоль центрального прохода, в конце которого автомат-раздатчик напитков и блюд в вакуумной упаковке.

Доктор Филипп Стерн дремал, навалившись грудью на один из столов, с чашкой холодного кофе в руках. Чуть в стороне его напарник раскачивался на стуле, уставившись в пустоту. Пейджер зазвонил в кармане доктора Филиппа Стерна. Он открыл один глаз и, ворча, глянул на часы; смена заканчивалась через пятнадцать минут.

— Надо же! Что значит не везёт! Фрэнк, вызови мне коммутатор.

Фрэнк снял трубку телефона, висящего рядом, выслушал сообщение, повесил трубку и повернулся к Стерну.

— Вставай, это нам, Юнион-сквер, код три, похоже, дело серьёзное...

Два интерна бригады скорой помощи направились к служебному входу, где их уже ждала машина с включёнными мотором и мигалкой. Два

коротких сигнала сирены отметили выезд.

Без четверти семь. На Маркет-стрит ни души, и машина на приличной скорости двинулась сквозь раннее утро.

— Паскудство, а между прочим, денёк будет неплохой...

— Чем недоволен?

— Тем, что я вымотался и засну, а хорошая погода пройдёт мимо.

— Поверни налево, поедем под кирпич.

Фрэнк послушался, «скорая помощь» поднялась вверх по Полк-стрит, направляясь к Юнион-сквер.

— Давай, жми, я их вижу.

Когда интерны въехали на большую площадь, в глаза им бросился остов старого «триумфа», обхвативший пожарный гидрант.

— Надо же, не промазал, — заметил Стерн, выпрыгивая из «скорой помощи».

Двое полицейских были уже на месте, и один из них повёл Филиппа к остаткам витрины.

— Где он?

— Там, это женщина, и она врач, вроде бы из неотложки. Может, вы её знаете?

Стерн, который уже стоял на коленях перед телом Лорэн, крикнул напарнику, чтобы тот бежал быстрее. Вооружившись ножницами, он разрезал джинсы и свитер, обнажив кожу. На стройной левой ноге видно было искривление, окружённое большой гематомой, — значит, перелом. Других ушибов на первый взгляд не было.

— Давай присоски и капельницу, у неё нитевидный пульс и нет давления, дыхание 48, рана на голове, закрытый перелом левого бедра с внутренним кровотечением. Две шины давай... Знакомая? Из наших?

— Я её видел, интерн в неотложке, работает с Фернштейном. Единственная, кто его не боится.

Филипп не отреагировал на последнее замечание. Фрэнк прикрепил семь присосок с датчиками от монитора на грудь женщины, соединил каждую из них проводом определённого цвета с портативным электрокардиографом и подключил прибор. Экран тут же засветился.

— Что на мониторе? — спросил Филипп.

— Ничего хорошего, она уходит. Давление 80 на 60, пульс 140, губы цианозные, я готовлю эндотрахеальную трубку номер семь, будем интубировать.

Доктор Стерн только что ввёл катетер и протянул бутылку с раствором полицейскому.

— Держите это повыше, мне нужны обе руки.

На секунду переключившись с полицейского на своего напарника, он велел ввести пятьсот миллиграммов адреналина в перфузионную трубку и немедленно подготовить дефибриллятор. В тот же момент температура Лорэн начала резко падать, а сигнал электрокардиографа стал неровным. В нижнем углу зелёного экрана замигало красное сердечко, мигание сопровождалось коротким повторяющимся писком — сигнал, предупреждающий о неизбежной фибрилляции.

— Ну красotka, держись! Где-то внутри кровит. Какой у неё живот?

— Мягкий, может, кровотечение в ноге. Готов к интубации?

Меньше чем за минуту Лорэн была интубирована, на дыхательную трубку надели переходник. Стерн запросил общие показатели, Фрэнк ответил, что дыхание стабильное, давление упало до 50. Не успел он закончить фразу, как вместо короткого писка аппарат разразился пронзительным свистом.

— Готово, у неё фибрилляция, давай 300 миллиампер. — Филипп схватил электроды за ручки и потёр друг о друга.

— Нормально, ток есть, — крикнул Фрэнк.

— В сторону, даю электрошок!

Под действием разряда тело резко выгнулось животом к небу и снова распласталось.

— Нет, не действует.

— Разряд 300, ещё раз.

— Подымай до 360, давай.

— В сторону!

Тело дёрнулось, выгнулось и снова упало без движения.

— Дай мне ещё пять миллиграммов адреналина и разряд на 360. В сторону!

Новый разряд, новая судорога.

— Все равно идёт фибрилляция! Мы её теряем, сделай единицу лидокаина в перфу и ещё разряд.

В сторону!

Тело подбросило.

— Впрыскиваем пятьсот миллиграммов бериллиума, и немедленно готовь разряд на 380!

Ещё один электрошок, сердце Лорэн вроде бы начало реагировать на введённые лекарства, появился стабильный ритм, но лишь на несколько мгновений: свист, оборвавшийся на несколько секунд, возобновился с новой силой.

— Остановка сердца! — крикнул Фрэнк.

Тут же Филипп исступлённо начал делать непрямой массаж сердца и искусственное дыхание.

Не прекращая попыток вернуть женщину к жизни, он умолял: «Не будь идиоткой, сегодня отличная погода, вернись, что мы тебе сделали плохого...» Потом приказал напарнику готовить разряд. Фрэнк попытался охладить его пыл брось, мол, это уже ни к чему. Но Стерн не отступал; он кричал, требуя, чтобы Фрэнк зарядил дефибриллятор. Напарник повиновался.

В который раз Филипп скомандовал: «В сторону!». Тело вновь выгнулось, но линия на электрокардиограмме осталась прямой. Филипп снова принялся за массаж, на лбу у него проступили капли пота. Он осознавал, что бессилён, и приходил от этого в отчаяние.

Фрэнк видел, что поведение Филиппа вышло за рамки логики. Уже несколько минут назад он должен был бы остановиться и зафиксировать время смерти, но вопреки всему продолжал массаж сердца.

— Ещё полмиллиграмма адреналина и подымай заряд до 400.

— Оставь, Филипп, это бессмысленно, она умерла. Что ты творишь...

— Заткнись и делай, что говорят!

Фрэнк пожал плечами, ввёл новую дозу препарата в перфузионную трубку, зарядил дефибриллятор. Он установил пороговый показатель на 400 миллиампер; Стерн, даже не сказав «В сторону», послал разряд. Под воздействием силы тока грудная клетка резко оторвалась от земли. Линия осталась безнадёжно прямой. Филипп и не глянул на неё, он и так знал это ещё до того, как в последний раз применил электрошок. Филипп ударил кулаком по груди женщины.

— Черт, черт!

Фрэнк схватил Филиппа за плечи и с силой сжал.

— Прекрати, Филипп, ты слетел с катушек, успокойся! Зафиксируй смерть, и сворачиваемся. Ты начинаешь сдавать, тебе пора отдохнуть.

Филипп был весь в поту, глаза блуждали. Фрэнк повысил голос, обхватил двумя руками голову друга, заставив того сосредоточить взгляд.

Он ещё раз приказал Филиппу успокоиться и, поскольку никакой реакции не последовало, дал ему пощёчину. Филипп покорно принял удар. Фрэнк смягчил тон: «Идём в машину, приятель, возьми себя в руки».

Филипп, стоя на коленях и скрючившись, тихо произнёс: «Семь часов десять минут, скончалась». Потом, обратившись к полицейскому, который, затаив дыхание, все ещё держал бутылку для переливания, сказал: «Увозите её, всё кончено, мы больше ничего не можем сделать». Филипп поднялся,

положил руку на плечо напарника и повёл его к машине скорой помощи. «Пошли, мы возвращаемся».

Они двинулись с места, тыкаясь в разные стороны, как будто не понимая, что делают. Полицейские проводили врачей взглядом, посмотрели, как они забираются в машину.

— Чего-то с лекарями неладно! — сказал один из полицейских.

Второй глянул на коллегу:

— Ты когда-нибудь работал по делу, где ухлопали кого-то из наших?

— Нет.

— Тогда тебе не понять, каково им. Давай, помоги мне, поднимаем её осторожно и кладем в машину.

«Скорая помощь» уже завернула за угол, когда полицейские подняли безвольное тело Лорэн, уложили на носилки и прикрыли одеялом.

Несколько задержавшихся зевак разошлись — смотреть больше было не на что.

В машине, после долгого молчания, Фрэнк заговорил первым:

— Что на тебя нашло, Филипп?

— Ей нет тридцати, она врач, она слишком красива, чтобы умереть.

— Но именно это она и сделала! Ну, красивая, ну, врач! Она могла быть уродиной и работать в супермаркете. Это судьба, и ничего тут не попишешь, пришёл её час... Вернёмся — иди поспи, постарайся выбросить из головы все это.

В двух кварталах позади них полицейские выехали на перекрёсток как раз в тот момент, когда какое-то такси решило проскочить светофор на жёлтый свет. Взбешённый полицейский ударил по тормозам и включил сирену, таксист остановился и рассыпался в извинениях. Из-за толчка тело Лорэн сползло с носилок. Надо было его поправить. Оба полицейских перебрались назад, тот, что помоложе, взял Лорэн за щиколотки, старший — за руки. Лицо его застыло, когда он глянул на грудь молодой женщины.

— Дышит!

— Что?

— Говорю тебе, дышит. Гони в больницу!

— Это ж надо! Я сразу понял, что врачи чокнутые.

— Молчи и рули. Ничего не понимаю, но они обо мне ещё услышат.

Полицейская машина вихрем обогнала «скорую помощь» под изумлёнными взглядами двух интернов — это были «их полицейские». Филипп хотел было включить сирену и пуститься вслед, но его напарник начал возражать, он был совершенно вымотан.

— С чего они так понеслись? — спросил Филипп.

— Откуда я знаю, — ответил Фрэнк, — может, это и не те. Все на одно лицо.

Десять минут спустя врачи припарковались рядом с полицейским автомобилем, дверцы которого так и остались открытыми. Филипп вышел из машины и направился в приёмный ПОКОТИ неотложки. Все убыстряя шаг, ещё не дойдя до стойки регистратора и даже не поздоровавшись, он обратился к дежурной:

— В какой она палате?

— Кто, доктор Стерн? — спросила медсестра.

— Молодая женщина, которая поступила только что.

— В третьем блоке, к ней прошёл Фернштейн.

Она вроде из его бригады.

Подошедший сзади полицейский хлопнул Филиппа по плечу:

— Вы чем думаете?

— Простите?

Простите, простите, да хоть сто раз простите! Толку-то! Как он мог заявить, что женщина мертва, если в полицейской машине она дышала? «Вы отдаёте себе отчёт, что, если бы не я, её живой запихнули бы в холодильник?» Ничего, он это дело так не оставит!

В этот момент из блока вышел доктор Фернштейн и, делая вид, что не обращает ни малейшего внимания на полицейского, обратился к Филиппу:

— Стерн, сколько доз адреналина вы ей ввели?

— Четыре раза по пять миллиграммов, — ответил интерн.

Профессор принялся его отчитывать, заявив, что подобное поведение свидетельствует об излишнем терапевтическом рвении, а затем, обратившись к полицейскому, объяснил, что Лорэн была мертва задолго до того, как доктор Стерн объявил о её кончине.

Ошибка медицинской бригады, сказал Фернштейн, заключалась в том, что они проявили излишнее упорство, занимаясь сердцем данной пациентки в ущерб прочим пользователям медицинского страхования. По его словам, введённая жидкость скопилась в области перикарда: «Когда вы резко затормозили, жидкость попала в сердце, которое отреагировало на чисто химическом уровне и забилося». Увы, это ничего не меняет в церебральной кончине жертвы. Что же касается сердца, то, как только жидкость рассосётся, оно остановится, «если это уже не случилось». Он предложил полицейскому принести извинения доктору Стерну за совершенно неуместную нервозность и пригласил последнего зайти к нему в кабинет перед уходом.

Полицейский повернулся к Филиппу и пробурчал; «Вижу, тут тоже

своих не сдают...» Затем развернулся и вышел. Хотя створки дверей приёмного покоя немедленно сомкнулись за полицейским, было слышно, как он хлопал дверцами своей машины.

Стерн остался стоять, упираясь двумя руками в стойку регистратора и разглядывая прищуренными глазами дежурную медсестру. «Что, в конце концов, происходит?» Та пожала плечами и напомнила, что Филиппа ожидает Фернштейн.

Стерн постучался в дверь начальника Лорэн. Фернштейн пригласил его войти. Стоя у письменного стола спиной к вошедшему и глядя в окно, профессор явно ждал, когда заговорит Стерн. И Филипп начал говорить. Он признался, что ничего не понял из объяснений Фернштейна. Тот сухо оборвал Стерна:

— Послушайте меня хорошенько, коллега.. Я сказал этому офицеру то, чем проще всего было заморочить ему голову, чтобы он не написал рапорт и не сломал вам карьеру. То, что вы сделали, недопустимо для человека с вашим опытом. Надо уметь мириться со смертью, когда она неизбежна. Мы не боги и не несём ответственности за судьбу. Эта женщина умерла до вашего приезда, и упрямство могло дорого вам обойтись.

— Но как вы объясняете то, что она начала дышать?

— Я никак не объясняю и не должен этого делать. Мы знаем не все. Она мертва, доктор Стерн. Другое дело, что вас это не устраивает. Но она ушла. Мне плевать, что её лёгкие работают и что сердце бьётся самостоятельно. Главное — электроэнцефалограмма прямая. Церебральная смерть необратима. Мы подождём, пока последует остальное, и отправим её вниз, в морг. Точка.

— Но вы не можете поступить так, посмотрите на факты!

Раздражение Фернштейна проявилось в наклоне головы и повышении тона. Он никому не позволит себя учить. Известна ли Стерну стоимость одного дня в реанимации? Или Стерн полагает, что больница отведёт одно койко-место ради поддержания «овоща» в состоянии искусственной жизни? Он настоятельно предлагает интерну повзрослеть. Он отказывается ставить близких перед необходимостью проводить неделю за неделей у изголовья неподвижного, лишённого разума существа, жизнь которого поддерживается исключительно аппаратами. Он отказывается брать на себя ответственность за такого рода решения только ради удовлетворения тщеславия одного врача.

Стерну было приказано отправиться под душ и исчезнуть с глаз. Интерн не двинулся с места, он остался стоять перед профессором, снова и снова повторяя свои доводы. Когда он делал заявление о смерти, сердечная

и дыхательная активность у его пациентки отсутствовала уже десять минут. Её сердце и лёгкие прекратили жизнедеятельность. Да, он проявил упорство, потому что впервые за врачебную практику ощутил, что эта женщина не намерена умирать. Филипп увидел в глубине её открытых глаз, что она борется и пытается выплыть. Тогда он стал бороться вместе с ней, пусть это и выходило за привычные рамки, и десять минут спустя, вопреки всякой логике, в противовес всему, чему его учили, сердце вновь стало биться, лёгкие — вдыхать и выдыхать воздух.

«Вы правы, — продолжал Филипп — мы врачи, и мы не знаем всего. Эта женщина — тоже врач». Он умолял Фернштейна дать ей шанс. Известны случаи, когда люди возвращались к жизни после шести месяцев комы, хотя никто ничего не понимал. Ни у кого никогда не получалось то, что получилось у неё, и неважно, сколько будет стоить её содержание в больнице. «Не позволяйте ей уйти, она не хочет, и она нам это сказала».

Профессор выдержал паузу, прежде чем ответить:

— Доктор Стерн, Лорэн была одной из моих учениц, у неё был тяжёлый характер, но был и настоящий талант, я очень уважал её и питал большие надежды в отношении её карьеры, как и в отношении вашей; разговор окончен.

Стерн вышел из кабинета, не закрыв дверь. В коридоре его ждал Фрэнк.

— Что ты тут делаешь?

— Да что у тебя с головой, Филипп, ты знаешь, с кем ты говорил в таком тоне?

— Ну и что?

— Тип, с которым ты говорил, — профессор, он знал эту женщину, он работал с ней пятнадцать месяцев, он спас больше жизней, чем ты, возможно, сумеешь спасти за всю врачебную карьеру. Ты должен научиться контролировать себя. Честное слово, иногда ты слетаешь с катушек.

— Отцепись от меня, Фрэнк, свою порцию нравоучений я уже получил.

ГЛАВА 3

Доктор Фернштейн закрыл дверь кабинета, снял трубку, заколебался, повесил её, сделал несколько шагов к окну и решительно вернулся к телефону. Попросил, чтобы его соединили с операционным блоком.

— Это Фернштейн, готовьтесь, мы оперируем через десять минут, сейчас отправлю карту.

Он аккуратно повесил трубку, покачал головой и вышел из кабинета. У двери нос к носу столкнулся с профессором Вильямсом.

— Как дела? — спросил тот. — Угостить тебя кофе?

— Нет, я не могу.

— Чем ты занят?

— Глупостью. Собираюсь сделать глупость. Мне надо бежать, я позвоню...

Фернштейн вошёл в операционный блок; зелёный халат был ему узковат в талии. Медсестра натянула ему на руки стерильные перчатки. В огромном помещении операционная бригада окружила тело Лорэн. Позади её головы монитор пульсировал в ритме её дыхания и ударов сердца.

— Как показатели? — спросил Фернштейн у анестезиолога.

— Стабильные, очень стабильные. Пульс шестьдесят пять, давление сто двадцать на восемьдесят. Она спит, газовый состав крови нормальный, можете начинать.

Профессор Фернштейн скальпелем сделал надрез на бедре вдоль перелома. Начиная раздвигать мускулы, обратился ко всей бригаде. Называя их «своими дорогими коллегами», он объяснил, что сейчас они увидят, как профессор хирургии с двадцатилетним стажем приступит к хирургическому вмешательству, которое соответствует уровню студента пятого курса: репозиции ^[1] бедра — А знаете, почему я это делаю?

Потому что ни один студент пятого курса не согласился бы провести репозицию бедра пациенту, который церебрально мёртв уже более двух часов. По этой причине он просит не задавать вопросов, дел тут максимум на пятнадцать минут, и он благодарен им за то, что они включились в игру.

Лорэн — одна из учениц Фернштейна, и все, присутствующие в операционной, понимали хирурга и готовы были его поддержать.

Зашёл рентгенолог и протянул снимки — результаты сканирования. На снимках просматривалась гематома в затылочной доле.

Было принято решение сделать пункцию, чтобы ослабить давление. В

задней части головы проделали отверстие, и тонкая игла, движение которой отражалось на мониторе, прошла сквозь мозговую оболочку. Хирург направил её в область гематомы. Мозг по видимости не был затронут. Зонд начал отсасывать кровяную жидкость. Почти немедленно внутричерепное давление стало падать. Анестезиолог тут же повысил содержание кислорода в смеси, подаваемой через интубационную трубку, чтобы увеличить насыщенность мозга кислородом. Освобождённые от давления, клетки вернулись к нормальной работе, мало-помалу выводя накопившиеся токсины.

С каждой минутой атмосфера в операционной менялась. Как будто все постепенно забывали, что оперируют клинически мёртвое человеческое существо. Каждый включился в работу, один отточенный профессиональный жест сменял другой. Операция проводилась методично и чётко.

Пять часов спустя профессор Фернштейн хлопнул перчатками, стаскивая их с рук. Он попросил зашить разрезы и перевести пациентку в послеоперационную палату. Приказал, чтобы после окончания действия анестезии вспомогательные дыхательные аппараты были отключены. Он ещё раз поблагодарил бригаду за участие в операции и заранее выразил признательность за сдержанное поведение при обсуждении данного случая в будущем. Прежде чем покинуть операционную, профессор попросил одну из медсестёр, Бетти, предупредить его, когда она отключит аппараты. Выйдя из блока, быстрым шагом направился к лифтам. Проходя через приёмный покой, обратился к дежурной и пожелал узнать, находится ли ещё доктор Стерн в больнице. Девушка ответила отрицательно: Стерн ушёл, совершенно подавленный. Профессор поблагодарил её и удалился, предупредив, что будет в своём кабинете, если понадобится.

Лорэн перевели из операционного блока в послеоперационную палату. Бетти подключила кардиомонитор, энцефалограф и интубационную канюлю для искусственного дыхания. Окруженная всем этим оборудованием, Лорэн на своём ложе походила на космонавта. Медсестра взяла анализ крови и вышла. У спящей пациентки вид был безмятежный, сомкнутые веки будто намечали контуры мира сна, сладкого и глубокого.

Прошло полчаса, и Бетти позвонила Фернштейну. Она сообщила, что действие анестезии закончилось. Профессор поинтересовался жизненными показателями. Бетти сказала то, чего он и ожидал, — показатели оставались стабильными. Она настойчиво попросила подтвердить указания относительно дальнейших действий.

— Отключайте дыхательный аппарат. Я сейчас спущусь.

И профессор повесил трубку.

Бетти зашла в палату, отсоединила трубку от канюли, предоставив пациентке возможность дышать самостоятельно. Несколько секунд спустя она убрала интубационную трубку, освободив трахею. Отвела назад прядь волос со лба Лорэн, посмотрела на неё с нежностью и вышла, погасив свет. Комната освещалась теперь только зелёным светом энцефалографа. Линия на нём оставалась прямой.

Примерно через час сигнал осциллографа дрогнул, вначале лишь чуть-чуть. Внезапно точка, обозначавшая конец линии, рванулась вверх, выписав большой пик, затем стремительно стала падать вниз и, наконец, вернулась на горизонтальную прямую.

Свидетелей этой аномалии не было, Бетти вернулась в палату только час спустя. Она сняла показатели Лорэн, развернула несколько витков регистрирующей ленты, постоянно выползающей из аппарата, обнаружила аномальный пик, нахмурила брови и просмотрела ещё несколько витков. Отметив, что дальше на ленте пиков не было, Бетти бросила ленту и не стала задаваться вопросами. Подняв трубку телефона, она вызвала Фернштейна:

— Это я, у нас случай глубокой комы со стабильными показателями. Что я должна делать?

— Найдите кровать на пятом этаже; спасибо, Бетти. — Фернштейн повесил трубку.

ГЛАВА 4

ЗИМА 1996 ГОДА

Артур нажал на пульте кнопку, открывающую дверь гаража, и закатил машину. Поднявшись по внутренней лестнице, он вошёл в свою новую квартиру. Ногой захлопнул дверь, поставил сумку, снял пальто и рухнул на диван. Пара десятков коробок, грудой наваленных посреди гостиной, взывала к его чувству долга. Он переоделся и принялся распаковывать картонки, расставляя книги по полкам. Паркет поскрипывал под ногами.

Намного позже, вечером, все закончив, он сложил пустые коробки, прошёлся пылесосом по комнатам и закончил обустройство кухонного уголка. Огляделся. «Похоже, у меня появляются маниакальные наклонности», — сказал он себе.

Отправившись в ванную, на секунду заколебался, выбирая между ванной и душем. Остановился на ванне, пустил воду, включил маленькое радио, стоящее на подоконнике рядом со стенным шкафом, разделся и с глубоким вздохом облегчения залез в воду. Без промедления несколько раз окунулся с головой, Пегги Ли пела на коротких волнах «Лихорадку». Артур удивился. Звучание было явно стереофоническим, хотя сам аппарат — моно. К тому же, прислушавшись, Артур обнаружил, что щёлканье пальцами, сопровождавшее мелодию, доносится из шкафа. Заинтригованный, он вылез из воды и подкрался к дверцам. Звук стал более отчётливым. Он замер в нерешительности, потом набрал в грудь воздуха и распахнул обе створки. И оторопел.

Среди вешалок сидела женщина, одетая в непритязательное платье, босая, глаза прикрыты. Поглощённая ритмом песни, она подпевала и щёлкала пальцами.

— Кто вы и что тут делаете? — спросил Артур. Женщина встрепенулась и распахнула глаза.

— Вы меня видите?

— Разумеется, я вас вижу.

Она казалась потрясённой тем, что он её видит.

Заверив её, что он не слепой и не глухой, Артур снова спросил, что она тут делает. Вместо ответа женщина заявила, что это потрясающе. Артур не видел ничего «потрясающего» и куда более раздражённым тоном повторил вопрос: что она делает в его ванной ночью?

— Мне кажется, вы не совсем понимаете, — заговорила она. — Прикоснитесь к моей руке!

Его это озадачило, но она продолжала настаивать:

— Прикоснитесь к моей руке. Пожалуйста!

— Не буду я вас трогать! Что происходит?

Она взяла Артура за запястье и спросила, чувствует ли он её прикосновение. С видом человека, доведённого до предела, он заверил, что почувствовал, когда она его коснулась, и что он замечательно её видит и слышит. В четвёртый раз спросил, что она делает в шкафу в его ванной. Она проигнорировала вопрос и очень радостно повторила, как «невероятно здорово», что он её видит, слышит и может коснуться.

Усталый после тяжёлого дня, Артур не был расположен шутить.

— Хватит, мисс. Это шутка моего компаньона? Кто вы? Девица в подарок на новоселье?

— Вы всегда такой грубый? Я похожа на проститутку?

Артур вздохнул.

— Нет, вы не похожи на проститутку, просто вы прятались в моём шкафу почти в полночь.

— Между прочим, голышом стоите вы, а не я!

Артур вздрогнул, схватил полотенце, обернул вокруг бёдер и постарался вернуть себе равновесие. Он повысил голос:

— Ладно, шутки в сторону. Вы сейчас вылезете, вернётесь к себе и скажете Полу, что это очень средне, очень, очень средне.

Она сказала, что незнакома с Полом и полагает, что тон лучше сбавить. В конце концов, она тоже не глухая, это другие её не слышали, она же их слышала отлично.

Он ответил, что очень устал и абсолютно не понимает, что происходит. Она выглядит крайне возбуждённой, он же только что закончил расставлять вещи и хочет, чтобы его оставили в покое.

— Будьте так любезны, идите к себе и, кстати, вылезайте в конце концов из шкафа.

— Не торопитесь, это не так легко, я ещё не достигла абсолютной точности, хотя за последние дни стало намного лучше.

— Что стало лучше за последние дни?

— Закройте глаза, я попробую.

— Вы попробуете что?

— Вылезти из шкафа, вы же этого хотите? Ну и закройте глаза, мне надо сосредоточиться. И помолчите.

— Вы совершенно спятили!

— Фу! Хватит скандалить, замолчите и закройте глаза, не будем же мы препираться всю ночь.

Обескураженный Артур повиновался.

Две секунды спустя он услышал голос из гостиной.

— Неплохо, слишком близко к дивану, но неплохо.

Он поспешно вышел из ванной и увидел молодую женщину сидящей на полу посередине комнаты. Вид у неё был такой, как будто ничего не произошло.

— Вы оставили ковры, мне это нравится, но вон та картина на стене отвратительна.

— Я вешаю картины, какие мне хочется, и там, где хочется, и я собираюсь отправиться спать, так что если вы не желаете сказать, кто вы, то и не надо. Уходите! Убирайтесь домой!

— Но это и есть мой дом! То есть был. Все так запутано...

Артур покачал головой. Объяснил, что снял эту квартиру десять дней назад и что это его дом.

— Да. Я знаю, вы мой посмертный квартиросъёмщик; ситуация забавная.

— Что вы несёте? Агент по недвижимости говорил мне, что владелица квартиры — женщина лет под семьдесят. И что такое — «посмертный квартиросъёмщик»?

— Ей было бы приятно услышать — ей уже семьдесят два, это моя мать, и сейчас она мой официальный опекун. Настоящая владелица — я.

— У вас есть официальный опекун?

— Да, ввиду сложившихся обстоятельств мне было бы крайне затруднительно подписывать бумаги.

— Вы находитесь на лечении в больнице?

— Да, это самое меньшее, что можно сказать.

— Они там, наверное, очень беспокоятся. Какая это больница, я вас провожу.

— Скажите на милость, вы меня действительно принимаете за сбежавшую сумасшедшую?

— Да нет...

— Сначала шлюха, теперь сумасшедшая — не слишком ли для первого знакомства?

Ему было глубоко плевать, девица она по вызову или натуральная сумасшедшая, он совершенно вымотан и хочет спать.

Однако она не обращала внимания на его слова и продолжала в том же духе.

- Как вы меня видите? — поинтересовалась она.
- Я не понимаю вопроса.
- Какая я? Я не вижу себя в зеркале, какая я?
- Возбуждённая. Вы очень возбуждены.
- Я имела в виду — физически.

Артур замешкался, потом описал её: высокая шатенка с длинными волосами, очень большие глаза, красивый рот, лицо нежное, в отличие от поведения; упомянул о грациозной пластике и тонких руках с Минными пальцами.

— Если бы я вас спросила, как пройти к метро, вы бы мне рассказали о всех пересадках?

- Простите, я не понял.
- Вы всегда так приглядываетесь к женщинам?
- Как вы вошли, у вас что, дубликат ключей?
- Они мне не нужны. Это так невероятно, что вы меня видите.

Она ещё раз повторила, какое для неё чудо, что её видят. Заявив, что ей понравилось то, как он её описал, она предложила ему присесть рядом.

— То, что я сейчас расскажу, непросто представить и невозможно допустить, но если вы согласитесь выслушать мою историю, если вы согласитесь отнестись ко мне с доверием, тогда, может быть, в конце концов мне удастся все объяснить, а это очень важно, потому что, сами того не зная, вы — единственный человек в мире, с которым я могу поделиться тайной.

Артур понял, что у него нет выбора. И хотя единственным его желанием было отправиться спать, он сел рядом с женщиной и выслушал самую невероятную историю из всех, слышанных когда-либо.

Её звали Лорэн Клайн, она была врачом-интерном и шесть месяцев назад попала в серьёзную автомобильную аварию.

— С тех пор я в коме. Нет, подождите, дайте объяснить.

Она ничего не помнила об аварии. Пришла в себя в палате, после операции. Ощущения были самые странные: она слышала все, что говорилось вокруг, но не могла ни шевельнуться, ни заговорить.

Сначала она решила, что это последствия наркоза.

— Я ошибалась, часы шли, а мне не удавалось прийти в себя.

Она продолжала все чувствовать, но была неспособна общаться с внешним миром. Решив, что её парализовало, она пережила самый большой страх в жизни.

— Вы не представляете, через что мне пришлось пройти. Остаться на всю жизнь пленницей собственного тела...

Она из всех сил стремилась умереть, но трудно покончить с жизнью, когда не можешь двинуть и пальцем. Мать сидела у её постели. Она мысленно умоляла мать удушить её подушкой.

А потом в палату вошёл врач, она узнала его голос, это был её профессор.

Миссис Клайн спросила у него, может ли её дочь что-либо слышать, когда к ней обращаются. Фернштейн ответил, что не знает, но исследования показывают, что люди в её положении могут улавливать сигналы из внешнего мира, поэтому следует крайне тщательно относиться ко всему, что говорится в присутствии больной.

— Мама хотела узнать, вернусь ли я когда-нибудь. Профессор спокойно ответил, что и этого не знает, нельзя терять надежды, известны случаи, когда больные возвращались после нескольких месяцев — такое случалось очень редко, но случалось. «Всё возможно, — сказал он, — мы не боги, мы знаем не все. — И добавил: — Глубокая кома — загадка для медицины».

Как ни странно, она почувствовала облегчение — её тело было в порядке. Диагноз не слишком утешительный, но зато и не окончательный.

— Полный паралич необратим. А в случае глубокой комы всегда есть надежда, пусть самая маленькая, — добавила Лорэн.

Неделя сменялась неделей, и каждая была длиннее предыдущей. Она проживала их, питаясь воспоминаниями и мыслями о мире вокруг. Однажды ночью, когда Лорэн грезилась о жизни по ту сторону двери палаты, она представила коридор, медсестёр, бегающих с охалками медицинских карт или толкающих тележки, коллег, переходивших из одной палаты в другую...

— И тогда это случилось в первый раз: я оказалась посреди коридора, который с такой силой представляла. Сначала я подумала, что воображение сыграло со мной такую шутку — я хорошо знала обстановку, ведь это больница, где я работаю. Но все вокруг потрясало реальностью. Я видела, как ходят люди, как Бетти открыла шкаф, достала оттуда компрессы и снова закрыла, как прошёл Стефан, потирая голову. У него нервный тик, он всегда так делает.

Она слышала шум лифта, чувствовала запах еды, которую разносили дежурные.

Лорэн же не видел и не слышал никто. Люди проходили рядом, даже не пытаясь обогнуть её, совершенно не замечая её присутствия. Почувствовав усталость, она вернулась в своё тело.

В следующие дни Лорэн научилась передвигаться по госпиталю. Она

подумала о столовой и тут же очутилась там, вспомнила о приёмном отделении — и оп! она уже там. После трех месяцев упражнений она уже могла удаляться от госпитального комплекса. Так она разделила ужин с французской парой в одном из своих любимых ресторанов, посмотрела половину фильма в кинотеатре, провела несколько часов в квартире матери.

— Больше я этого не делала; было слишком тяжело находиться рядом и не иметь возможности ничего сказать.

Кали чувствовала её присутствие и, поскуливая, бегала кругами; это доводило Лорэн до безумия.

Тогда она вернулась сюда: в конце концов, это её дом, и здесь она чувствовала себя лучше всего.

— Я живу в абсолютном одиночестве. Вы не представляете, что это значит — не иметь возможности ни с кем поговорить, быть совершенно прозрачной, не существовать ни в чьей жизни. Теперь понимаете, как я была удивлена и взбодоражена, когда вы заговорили со мной там, в шкафу, и когда я поняла, что вы меня видите? Не знаю, почему так случилось... Но только бы это продолжалось, только бы я могла общаться с вами, у меня накопилось столько всего, что я хотела бы высказать!

Лихорадочный поток фраз сменился тишиной. Слезы заблестели в уголках её глаз. Она посмотрела на Артура, провела рукой себе по щеке и под носом.

— Вы, наверно, принимаете меня за сумасшедшую?

Артур успокоился; волнение женщины трогало, а поразительный рассказ захватил его.

— Нет, все это, как бы сказать, волнующе, удивительно, непривычно. Я не знаю, что говорить. Я хотел бы вам помочь, но не представляю, что делать.

— Позвольте мне остаться здесь, я буду как мышка, я вас не побеспокою.

— Вы действительно верите во все, что рассказали?

— А вы ни одному слову не поверили? Вы говорите себе, что напротив сидит совершенно рехнувшаяся девица? Тогда у меня нет ни единого шанса.

Артур предложил Лорэн несложный ход,. Если бы она в полночь очутилась нос к носу с возбуждённым мужчиной, который прятался в её шкафу в ванной и пытался объяснить, что является чем-то вроде привидения человека, находящегося в коме, — что бы она подумала и как бы реагировала?

Лицо Лорэн смягчилось, сквозь слёзы пробились улыбка. Наконец она

признала, что первым делом она бы безусловно заорала; так что у него есть смягчающие обстоятельства.

Он поблагодарил.

— Артур, умоляю вас, вы должны мне поверить. Такое нельзя выдумать.

— Вовсе нет, мой компаньон вполне способен сочинить штуку и похлеще.

— Да забудьте, наконец, про своего компаньона! Он здесь ни при чём, это не розыгрыш...

Когда Артур поинтересовался, откуда она знает его имя, она ответила, что была здесь задолго до его переезда. Так, она видела его во время осмотра квартиры и когда он с агентом по недвижимости подписывал арендный договор на кухне. Она была здесь и когда доставили ящики, и когда, распаковывая их, он сломал макет самолёта. Справедливости ради она должна признать, что, несмотря на сочувствие, тогда её здорово позабавило его негодование. Она видела и то, как он вешал эту бездарную мазню.

— Вы чокнутый: двадцать раз двигать диван, прежде чем поставить на единственное подходящее место... Так и хотелось подсказать... Я здесь с вами с первого дня. Всё время.

— И когда я под душем, и когда в постели?

— Подглядывать не люблю. Но могу сказать, что вы хорошо сложены. Даже очень, если, конечно, не обращать внимания на лишний жирок.

Артур нахмурил брови. То, что она говорила, — убеждало. Однако Артуру казалось, что он ходит кругами; история женщины не лезла ни в какие ворота. Ей хочется верить в свою историю? Пожалуйста. С какой стати он должен разубеждать её? Он же не психиатр.

У Артура слипались глаза, и, чтобы покончить со всем этим, он предложил женщине остаться на ночь — он ляжет в гостиной на диване, «который с таким трудом поставил на нужное место», а ей постелет в спальне. А завтра она вернётся к себе, в больницу, или куда заблагорассудится, и их пути разойдутся.

Но Лорэн не согласилась. Она встала, полная решимости сделать так, чтобы он выслушал её, и на одном дыхании перечислила все, чему была свидетельницей в последние дни.

Она пересказала позавчерашний телефонный разговор Артура с Кэрол Энн. «Кэрол Энн бросила трубку сразу после того, как вы выдали сентенцию, кстати весьма напыщенную, объясняя, почему не желаете возвращаться к выяснению отношений. Поверьте мне!»

Она напомнила о двух чашках, которые он разбил, распаковывая ящики. «Поверьте мне!»

Она напомнила, как он проспал, а потом ошпарился под душем. «Поверьте мне!»

Она напомнила и о том, как он, свирепея, долго искал ключи от машины. «Да поверьте же мне, черт побери!»

Кстати, на её взгляд, он очень рассеян, ключи лежали на столике у входа.

«А когда вы ели сэндвич с салями, вы посадили пятно на пиджак, и вам пришлось переодеваться перед выходом. Теперь вы мне верите?»

— Почему вы шпионите за мной?

— При чём тут «шпионите», тоже мне, Уотергейт! Может, «жучки» начнёте искать?

— Почему бы и нет! По крайней мере, это логичнее, чем ваша история... Ну правда?

— Берите ключи от машины!

— Куда мы едем?

— В госпиталь, посмотреть на меня.

— Сейчас?! Почти час ночи, а я заявлюсь в больницу на другом конце города и попрошу дежурную медсестру оказать любезность: отвести в палату к женщине, призрак которой появился в мою квартиру. А ещё добавлю, что я эту женщину знать не знаю, и что она очень упрямая, и что я хочу спать, и что это единственный способ отвязаться от неё...

— Вы знаете какой-нибудь другой?

— Что «другой»?

— Другой способ. Вы же все равно не уснёте.

— Боже, за что? Почему это случилось именно со мной?

— Вы не верите в Бога, вы сами сказали по телефону вашему компаньону, когда обсуждали контракт: «Пол, я не верю в Бога. Если мы заполучим этот подряд, то исключительно потому, что были лучшими, а если упустим, тогда надо будет разобраться и понять, в чём мы не правы». Так вот, подумайте пять минут, в чём вы можете быть не правы, это все, чего я прошу. Поверьте мне! Вы мне нужны, вы единственный человек!..

Артур снял трубку и набрал номер телефона компаньона.

— Я тебя разбудил?

— Да нет, всего час ночи, и я ждал твоего звонка, чтобы отправиться спать, — ответил Пол.

— Почему? Я должен был позвонить?

— Нет, ты не должен был звонить; да, ты меня разбудил. Чего ты

хочешь?

— Хочу передать трубку кое-кому и сказать тебе, что твои шутки становятся все глупее и глупее.

Артур протянул трубку Лорэн и попросил поговорить с его компаньоном. Она не могла взять трубку и объяснила ему, что не может ничего удержать в руках. Полу надоело ждать, и он поинтересовался, с кем Артур разговаривает. Артур ухмыльнулся и с видом победителя нажал на аппарате кнопку «громкая связь».

— Ты меня слышишь, Пол?

— Да, я тебя слышу. Скажи: что ты затеял? Я бы хотел поспать.

— Я бы тоже хотел поспать, помолчи секунду. Говорите с ним, Лорэн, вот теперь говорите!

Она пожала плечами.

— Как вам угодно. Здравствуйте, Пол. Вы меня, конечно, не слышите...

— Ладно, Артур, сейчас слишком поздно, чтобы звонить и молчать в трубку.

— Ответь ей.

— Кому?

— Особе, которая только что с тобой разговаривала.

— Ты — та особа, которая только что со мной разговаривала, и я тебе отвечаю.

— Ты не слышал никого другого?

— Скажи, ты, случаем, не Жанна д.Арк, которая слышала голоса, призывающие её спасти короля и Францию?

Лорэн смотрела на Артура с сочувствием.

Артур покачал головой; что ж, даже если эти двое сговорились, купить его оказалось нелегко.

По «громкой связи» было слышно, как Пол снова спросил, с кем Артур разговаривает. Артур попросил Пола забыть обо всём и извинился за поздний звонок. Обеспокоенный Пол осведомился, все ли в порядке и не нужно ли приехать. Артур заверил, что все в порядке, и не забыл поблагодарить.

— Ладно, не за что, красавчик; буди меня когда хочешь, из-за любой фигни и без всяких колебаний, мы с тобой компаньоны в радости и в горе. Так что, если у тебя приключится горе вроде теперешнего, буди меня, и мы его разделим. Ну так я могу спать или у тебя ещё что-нибудь?

— Спокойной ночи, Пол.

Оба повесили трубки.

— Отвезите меня в госпиталь, мы бы уже давно там были.

— Никуда я вас не повезу. Я не верю в ваши фантазии. Я устал, мисс, я хочу спать... Так что либо вам спальня, а мне — диван, либо вы отправляетесь восвояси. Это моё последнее предложение.

— Ну что ж, вы ещё упрямей, чем я. Ступайте в свою спальню, мне не нужна кровать.

— А вы что будете делать? — Вас это волнует?

— Да, волнует, и точка.

— Я останусь здесь, в гостиной.

— Только до завтрашнего утра, а потом...

— Да, до завтрашнего утра, спасибо за гостеприимство.

— А вы не будете за мной шпионить?

— Если вы мне действительно не верите, достаточно запереть дверь на ключ. Кстати, если вы беспокоитесь, потому что спите голышом, то, знаете ли, я вас уже видела!

— Разве вы любите подглядывать?

Она напомнила ему, что недавно в ванной комнате и подглядывать не надо было, следовало просто ослепнуть. Он покраснел и пожелал ей спокойной ночи.

— Именно, спокойной ночи, Артур, приятных вам снов.

Артур удалился в спальню, хлопнув дверью. «Просто сумасшедшая, — проворчал он. — Дичь какая-то». Он разделся и упал на кровать. Зелёные светящиеся цифры радио-будильника показывали половину второго. Он разглядывал их до двух часов одиннадцати минут. Потом вскочил, оделся и без стука вошёл в гостиную.

Лорэн сидела на подоконнике. Не оборачиваясь, она заговорила:

— Я люблю этот вид. А вам нравится? Из-за него я и соблазнилась этой квартирой. Я люблю смотреть на мост, а летом люблю открывать окно и слушать сигнальные гудки грузовых судов. Я всегда мечтала сосчитать волны, которые разбиваются об их форштевни, пока они проходят под мостом Голден-Гейт.

— Ладно, поехали, — вот все, что он сказал в ответ.

— Правда? С чего вы вдруг решились?

— Вы угробили мне ночь; что пропало, то пропало, но лучше разобраться сейчас, завтра я на работе. У меня важная встреча днём, и я должен постараться поспать хотя бы часа два, так что поехали. Может, поторопитесь?

— Ступайте, я к вам присоединюсь.

— Где присоединитесь?

— Говорю же, присоединюсь. Поверьте мне хоть на две минуты.

Артуру казалось, что, имея в виду ситуацию, он и так доверился ей куда больше, чем следовало.

Перед тем как покинуть квартиру, он ещё раз поинтересовался фамилией Лорэн. Она сообщила и фамилию, и этаж, и номер палаты, где должна была пребывать, — этаж пятый, палата 505. И добавила: «Запомнить легко — одни пятёрки».

Он не видел ничего лёгкого в том, что предстояло. Артур захлопнул за собой дверь, спустился по лестнице и вошёл в гараж. Лорэн уже сидела на заднем сиденье машины.

— Не знаю, как вам это удаётся, но впечатляет. Вам бы с Гудини работать!

— Кто это?

— Фокусник.

— У вас обширные познания.

— Пересядьте вперёд, это не такси.

— Будьте хоть немного снисходительны, я же предупредила, что мне пока не хватает точности. Заднее сиденье — не так уж плохо, я могла бы приземлиться и на капот. Вообще-то я постаралась сконцентрироваться на внутренней части машины. Уверяю вас, я делаю большие успехи.

Лорэн села рядом с Артуром. Машина тронулась. Лорэн смотрела в окно, Артур — на ночную дорогу. Потом поинтересовался, как вести себя в госпитале, чтобы проникнуть в палату в неположенное время. Лорэн предложила Артуру представиться кузенком из Мексики, который, узнав о несчастье, провёл за рулём весь день и всю ночь, а на рассвете должен улетать на полгода в Англию. По совести говоря, Артур не видел себя типичным южноамериканцем и сомневался, что кто-то клюнет на такую байку.

Лорэн нашла ход его мыслей излишне пессимистическим и сказала, что в случае неудачи они спокойно пройдут в палату утром.

«Сааб» въехал на территорию госпиталя. Лорэн велела повернуть направо, потом на вторую аллею слева и посоветовала встать сразу за серебристой сосной. Когда машина была припаркована, Лорэн указала на ночной звонок, заметив, что не надо звонить слишком долго.

— Это их злит, — сказала она.

— Кого? — спросил он.

— Медсестёр, они ведь не умеют телепортироваться, а идти часто приходится с другого конца коридора. А сейчас вам пора бы проснуться...

— Я бы не возражал, — ответил Артур.

ГЛАВА 5

Артур вышел из машины и сделал два коротких звонка. Ему открыла невысокая женщина в черепаховых очках, спросила, что нужно. Он, как сумел, изложил свою легенду. Медсестра довела до его сведения, что существует распорядок, и раз уж кто-то дал себе труд таковой установить, то, безусловно, для того, чтобы соблюдать, поэтому остаётся только отложить отъезд и вернуться утром.

Он взмолился; напомнил, что исключение только подтверждает правило; сделал вид, что готов подчиниться, но подчиниться с глубокой скорбью; увидел, что медсестра дрогнула, глянула на часы. Наконец она сказала:

— Я иду на обход, ступайте за мной, не шумите, ничего не трогайте, и чтоб через пятнадцать минут вас здесь не было.

Артур взял её руку и благодарно поцеловал.

— В Мексике все такие? — поинтересовалась она, чуть улыбнувшись. Потом впустила Артура внутрь и велела следовать за ней.

Они направились к лифтам и поднялись на пятый этаж.

— Я проведу вас в палату, сделаю обход и вернусь. Ничего не трогайте.

Медсестра открыла дверь с номером 505. За дверью царил полутьма. На кровати, вытянувшись, лежала женщина. В свете ночника казалось, что она крепко спит. Издали Артур не мог различить черты лица. Медсестра заговорила приглушённым голосом:

— Проходите, она не проснётся, но если вздумаете говорить — выбирайте слова. Когда пациент в коме, все может быть... По крайней мере, так говорят врачи; что бы я сказала — дело другое...

Артур на цыпочках двинулся вперёд. Лорэн уже стояла у окна; она позвала его: «Подойдите поближе, я не кусаюсь».

Артур продолжал спрашивать себя, что он здесь делает. Он подошёл к кровати и опустил глаза. Сходство поражало. Недвижная женщина была бледнее, чем её двойник, который улыбался Артуру, но помимо этой детали их черты были идентичны. Он отступил на шаг.

— Это невозможно... Вы её сестра-близнец?

— Вы безнадежны! У меня нет сестры. Это я тут лежу, я. Помогите мне и постарайтесь допустить недопустимое. Это не трюк, и вы не спите. Артур, у меня есть только вы, и вы должны мне поверить, вы не можете

отвернуться от меня. Я нуждаюсь в вашей помощи, вы единственный человек на земле, с которым я за последние шесть месяцев смогла говорить, единственный человек, который ощущает моё присутствие и слышит меня.

— Почему я?

— Не имею ни малейшего понятия, в этом нет никакой логики.

— Это довольно страшно.

— Вы думаете, мне не страшно?

Что до страха, то Лорэн могла продавать его оптом. Она видела, как её тело вянет день ото дня; тело, сросшееся сейчас с мочевым катетером и питательной капельницей. У Лорэн не было ответа ни на один из вопросов, которые задавал он и которые она сама себе задавала ежечасно с момента катастрофы. «У меня возникают вопросы, которые вам и в голову не приходили». Как долго ещё продлится все это? Сможет ли она хоть на несколько дней вернуться к нормальной жизни, в которой ходят на своих ногах и обнимают тех, кого любят? Зачем она много лет изучала медицину, если ей суждено кончить так? Сколько осталось дней до минуты, когда её сердце откажется биться? Она наблюдала за собственной смертью, и её охватывал дикий страх.

— Я — призрак, Артур.

Он опустил глаза, не желая встречаться с ней взглядом.

— Чтобы умереть, надо уйти, а вы ещё здесь.

Идём, пора возвращаться, я устал, и вы тоже. Я вас отвезу. Одной рукой он обнял её за плечи и прижал к себе, будто желая утешить. Обернувшись, Артур оказался нос к носу с медсестрой, с удивлением разглядывавшей его.

— У вас руку свело?

— Нет, а что?

— Вы держите руку на весу, а кисть сжата, это не судорога?

Артур резко отпустил плечи Лорэн.

— Вы её не видите, а? — спросил он медсестру.

— Кого?

— Никого!

— Может, вы немного отдохнёте? Что-то вид у вас странный...

Медсестра попыталась подбодрить Артура: «это всегда действует, как шок», «это нормально», «это пройдёт».

Артур отвечал очень медленно, будто растерял все слова и теперь пытается их отыскать:

— Нет, все в порядке, я пойду.

Медсестра забеспокоилась, найдёт ли Артур дорогу. Он успокоил её.

— Тогда я оставляю вас здесь, у меня ещё полно работы. В соседней палате небольшая неприятность, надо сменить постель.

Артур поблагодарил и отправился назад по коридору. Медсестра видела, как его рука снова приняла горизонтальное положение, и слышала, как он пробормотал: «Я верю вам, Лорэн, я вам верю». Она нахмурилась и отправилась в соседнюю палату. «Да уж! На некоторых это так действует, что не приведи Господь...»

Артур и Лорэн вошли в лифт. Артур не поднимал глаз. Он молчал, она тоже. Они покинули госпиталь.

В бухту проник северный ветер, принеся с собой мелкий секущий дождь и собачий холод. Артур поднял воротник пальто и открыл дверцу Лорэн.

— Давайте пока отложим в сторону фокусы вроде «человек проходит сквозь стены», пожалуйста!

Она села в машину обычным способом и смущённо улыбнулась ему.

Обратный путь прошёл в полной тишине. Артур сосредоточился на дороге, Лорэн разглядывала в окно тучи. Только когда они подъехали к самому дому, она вновь заговорила, не отрывая глаз от неба:

— Я так любила ночь — тишину, силуэты без теней, взгляды, каких не встретишь днём. Как будто два мира делят между собой город, не зная друг друга, не имея представления друг о друге. Множество человеческих существ появляются в сумерках и исчезают на рассвете. Никто не знает, куда они уходят.

— И всё-таки это дикая история. Согласитесь.

— Да, только не надо заикливаться и остаток ночи повторять одно и то же.

— Не надо о том, что осталось от моей ночи...

— Паркуйте машину, я вас жду наверху.

Артур припарковал машину на улице, чтобы не будить соседей грохотом гаражной двери, пошёл в дом. Когда он появился в квартире, Лорэн уже сидела посреди гостиной на ковре.

— Целились на диван? — со смехом спросил он.

— Нет, я целилась на ковёр и именно на нём оказалась.

— Врунья! Я уверен, что вы целились на диван.

— Ля вам говорю, что целилась на ковёр!

— Шулера из вас не получилось бы...

— Я хотела приготовить вам чай, но... лучше сразу отправиться в кровать, у вас осталось не так много времени на сон.

Он расспросил её об аварии, она рассказала о капризе «старой англичанки», то бишь о «триумфе», который так любила, рассказала об уикенде в Кармеле в начале лета, который закончился на Юнион-сквер. Она не знала, что произошло.

— А ваш друг?

— Что мой друг?

— Вы ехали к нему?

— Задайте вопрос по-другому, — с улыбкой сказала Лорэн. — Вопрос: «Есть ли у вас друг?»

— Был ли у вас друг?

— Спасибо за прошедшее время; да, такое со мной случалось.

— Вы не ответили.

— Вас это касается?

— Нет. И в конце концов, я не понимаю, зачем вмешиваюсь.

Артур развернулся и отправился в спальню; но сначала ещё раз предложил Лорэн занять кровать — сам он может спать в гостиной. Она поблагодарила за галантность, но ей и на диване хорошо.

Спать он пошёл слишком усталый, чтобы размышлять обо всём, что принёс этот вечер, — поговорить можно и завтра. Перед тем как закрыть дверь, он пожелал ей доброй ночи, она же спросила, как будто попросила о последнем одолжении: «Не хотели бы вы поцеловать меня в щеку?»

Артур удивлённо наклонил голову.

— У вас сейчас вид десятилетнего мальчика, а я всего лишь попросила вас поцеловать меня в щеку.

Меня уже шесть месяцев никто не целовал и не обнимал, Он вернулся, приблизился к ней, взял за плечи и поцеловал в обе щеки. Она положила голову ему на грудь. Артур почувствовал себя неуклюжим и растерянным. Неловко обхватил руками её узкие бедра. Она потёрлась щекой о его плечо.

— Спасибо, Артур, спасибо за все. А теперь постарайтесь заснуть, вы совершенно измотаны. Я вас скоро разбужу.

Он ушёл в спальню, быстро разделся и нырнул под одеяло. Сон сморил его в несколько минут.

Когда он заснул, Лорэн, оставшаяся в гостиной, закрыла глаза, сосредоточилась и приземлилась в хрупком равновесии на подлокотник кресла, напротив постели. Она смотрела, как он спит. Лицо Артура было безмятежно, она даже различила улыбку, таившуюся в уголках губ. Долгие минуты она глядела на него, пока сон не овладел и ею.

Впервые после аварии Лорэн спала.

Когда около 10 часов Лорэн проснулась, Артур ещё крепко спал.

— О, чёрт! — вскрикнула она. Присев у кровати, Лорэн с силой потрясла Артура за плечо. — Просыпайтесь, уже очень поздно.

Он повернулся на другой бок и проворчал:

— Кэрол Энн, не так сильно.

— Очень, очень любезно... Пора просыпаться. Это не Кэрол Энн, и уже пять минут одиннадцатого.

Артур сначала приоткрыл глаза, потом вытаращил их и рывком сел в кровати.

— Сравнение шокирует? — спросила она.

— Вы здесь, это был не сон?

— Могли бы и воздержаться, уж слишком все банально. Поторопились бы, уже начало одиннадцатого.

— Что? — закричал он. — Вы же обещали меня разбудить!

— Я не глухая. Что, Кэрол Энн этим страдала? Простите, я заснула, со мной такого не случилось с того дня. как я попала в госпиталь. Между прочим, я надеялась отпраздновать это с вами, но вижу, вы не в настроении. Идите-ка собирайтесь.

— Слушайте, что это за тон?.. Вы испортили мне ночь и продолжаете в том же духе утром, я бы попросил!..

— А вы с утра потрясающе милы; спящим вы мне нравитесь намного больше.

— Вы устраиваете сцену?

— И не мечтайте, одевайтесь, а то получится, что я опять буду виновата.

— Разумеется, это вы виноваты, и будьте так любезны, выйдите, а то я под одеялом голый.

— А... Теперь у вас приступ целомудрия?

Артур попросил избавить его от семейной сцены, добавив в конце тирады «потому что иначе...».

— Иначе — это часто лишнее слово! — парировала Лорэн. Она пожелала ему всего хорошего и исчезла.

Артур огляделся вокруг и, поняв, что допустил оплошность, после секундного колебания позвал:

— Лорэн? Хватит, я же знаю, что вы здесь. Ну и характер у вас... Да вылезайте же, это глупо...

Стоя голым и размахивая руками, он вдруг столкнулся взглядом с соседом в окне дома напротив, который с изумлением наблюдал за происходящим. Артур рухнул на кровать, схватил одеяло, обернул его вокруг бёдер и направился в ванную, бормоча: «Стою голышом посреди

комнаты, опаздываю дальше некуда и разговариваю с самим собой — ну что за дичь!»

Войдя в ванную, он открыл дверцу шкафа и тихонько спросил: «Лорэн, вы здесь?» Ответа не было, и он почувствовал разочарование. Быстро ополоснулся под душем. Потом кинулся в спальню, проделал тот же опыт со шкафом и, убедившись в неудаче, начал одеваться.

Артуру пришлось трижды перевязывать узел галстука, наконец он взорвался: «Не руки, а крюки!»

Он зашёл в кухню, порылся в ящике в поисках ключей. Ключи лежали в кармане. Он торопливо выскочил из квартиры, застыл на месте, развернулся и снова открыл дверь: «Лорэн, вы где?» Несколько секунд тишины, и он запер замок на два оборота.

На улице Артур поднял глаза к окну соседа и снова встретился с ним взглядом. Послал соседу смущённую улыбку, неловко вставил ключ в дверцу машины и стартовал как ракета.

Когда Артур прибыл в архитектурное бюро, совладельцем которого он был, компаньон ждал его в холле.

При виде Артура Пол покачал головой, скорчил гримасу и лишь затем сказал:

— Может, тебе взять отгул?

— Бери сам что хочешь и не доставай меня сегодня.

— Мило, очень АЛИЛО.

— Что, и ты туда же?

— Ты с Кэрол Энн встречался, что ли?

— Нет, я не встречался с Кэрол Энн, с Кэрол Энн всё кончено, и тебе это прекрасно известно.

— Чтобы довести тебя до такого состояния, существуют только две возможности: либо Кэрол Энн, либо новенькая.

— Нет никакой новенькой, отойди, я и так опаздываю.

— Да не может быть, всего-то без четверти одиннадцать. Как её зовут?

— Кого?

— Ты свою физиономию в зеркале видел?

— А что такого с моей физиономией?

— На тебя посмотреть, так ты провёл ночь с атакующим танком...

Хоть расскажи!

— Нечего мне рассказывать.

— А ночной звонок и чушь, которую ты нёс, — это что такое?

Артур посмотрел на компаньона.

— Слушай, я съел какую-то гадость вчера вечером, ночью меня

мучили кошмары, я почти не спал.

Пожалуйста, я не в настроении, дай мне пройти, я правда опаздываю.

Пол посторонился. Когда Артур проходил мимо, он легонько похлопал его по плечу: «Я твой друг, так?» Артур обернулся, и Пол добавил:

— Если у тебя неприятности, ты же мне скажешь?

— Да с чего ты взял? Я просто плохо спал, вот и все... Не навешивай.

— Ладно, ладно. Встреча в час дня, они нас ждут в гостинице «Хайат», если хочешь, поедem вместе, потом я вернусь в бюро.

— Нет, у меня ещё встреча.

— Как хочешь.

Артур зашёл в свой кабинет, поставил сумку, сел, вызвал секретаршу, попросил кофе, развернулся в кресле лицом к окну, откинулся назад и принялся размышлять.

Несколько секунд спустя Морин постучала в дверь — папка с исходящими бумагами в одной руке, в другой чашка и пирожок, балансирующий на краешке блюдца.

— Я добавила молока. По-моему, это ваша первая чашка сегодня.

— Морин, у меня на лбу ничего не написано?

— Написано: «Сегодня я ещё не пил кофе».

— Сегодня я ещё не пил кофе!

— Вам оставили много сообщений, позавтракайте спокойно, ничего срочного нет, я вам оставлю бумаги на подпись. У вас все в порядке?

— Да, у меня все в порядке, просто я очень устал. Именно в этот момент в комнате появилась Лорэн, чуть промахнувшись и задев угол стола. Она тут же исчезла из поля зрения Артура, упав на ковёр. Он вскочил:

— Вы не ушиблись?

— Нет, нет, все в порядке, — сказала Лорэн.

— Почему я должна была ушибиться? — спросила Морин.

— Да нет, не вы, — отмахнулся Артур. Морин обвела глазами комнату:

— Нас здесь не очень много.

— Я думал вслух.

— Вы подумали вслух, что я ушиблась?

— Да нет же, я думал о другом человеке и сказал вслух. С вами такого никогда не случалось?

Лорэн уселась, нога на ногу, на краешек стола и обратилась к Артуру:

— Вам совсем не обязательно сравнивать меня с кошмаром!

— Но я вас и не называл кошмаром.

— Ну вот, только этого не хватало! Поищите другие кошмары, которые

будут готовить вам кофе, — обиженно ответила Морин.

— Морин, я не к вам обращаюсь!

— В этой комнате присутствует призрак или на меня напала частичная слепота и я чего-то не замечаю?

— Извините меня, Морин, это смешно, я смешон, я выдохся и разговариваю вслух, у меня мысли где-то...

Морин поинтересовалась, не слышал ли он о депрессивном переутомлении?

— Вы в курсе, что надо начинать лечить при первых же проявлениях, иначе уйдут месяцы, чтобы прийти в себя?

— Морин, у меня нет никакого депрессивного переутомления, я плохо провёл ночь, вот и все.

Лорэн подхватила:

— Ага! Вот видите, плохая ночь, кошмары...

— Погодите, ну пожалуйста, так нельзя, дайте мне хоть минуту.

— Да я и слова не сказала! — воскликнула Морин.

— Морин, оставьте меня одного, я должен сосредоточиться, я сейчас немного расслаблюсь, и всё будет нормально.

— Вы хотите расслабиться? Артур, вы меня пугаете. Вы меня очень пугаете.

— Да нет, все хорошо.

Он попросил ни с кем не соединять, ему нужен покой. Морин неохотно покинула кабинет. В коридоре она столкнулась с Полом и попросила уделить ей несколько минут для приватного разговора.

Когда Морин вышла, Артур внимательно посмотрел на Лорэн.

— Вы не можете появляться так неожиданно, вы меня ставите в нелепое положение.

— Я хотела извиниться за сегодняшнее утро, я была не в духе.

— Это я был в отвратительном настроении.

— Не будем все утро извиняться друг перед другом; я хотела поговорить с вами.

Пол зашёл без стука.

— Я могу сказать тебе пару слов?

— Ты уже это делаешь.

— Я сейчас поговорил с Морин. Что с тобой?

— Оставьте меня в покое; только потому, что я раз в жизни опоздал и устал, мне поставили диагноз «депрессия».

— Я не говорил, что у тебя депрессия.

— Нет, но Морин мне намекнула, что у меня бредовый вид.

— Не вид бредовый, а вид человека в бреду.

— А я и есть в бреду.

— Почему? Ты встретил кого-нибудь?

Артур широко развёл руки и кивнул головой с плутоватым видом.

— Ага, видишь, тебе ничего не удастся от меня скрыть, я был уверен. Я её знаю?

— Нет, исключено.

— Ты мне о ней расскажешь? Кто она? Когда я её увижу?

— Вот это будет крайне сложно. Она — призрак. В моей квартире водятся привидения, что я вчера случайно и обнаружил. Это женщина-фантом, которая жила в шкафу в ванной. Я провёл с нею ночь... Но не то, что ты подумал... Она очень красива для фантома, вовсе не... (Он изобразил монстра) Нет, правда, очень симпатичное потустороннее существо, кстати, не совсем, по сути, потустороннее, она скорее из категории задержавшихся, поскольку она ещё не совсем ушла, в этом-то и дело. Теперь тебе всё ясно?

Пол с сочувствием оглядел друга.

— Давай я тебя отправлю к врачу...

— Брось, Пол, я в полном порядке.

И, обратившись к Лорэн, Артур произнёс:

— Это будет нелегко.

— Что будет нелегко? — спросил Пол.

— Я говорил не с тобой.

— Ты говорил с фантомом, он здесь, в комнате?

Артур напомнил ему, что речь идёт о женщине, и сообщил, что она сидит совсем рядом с ним, на краешке стола. Пол с сомнением посмотрел на неё и очень медленно провёл ладонью по столу своего компаньона.

— Слушай, я знаю, что часто изводил тебя своими глупостями, но на этот раз, Артур, ты меня пугаешь. Ты себя не видишь, но похоже, ты вот-вот спишишь окончательно.

— Я устал, я мало спал и, конечно, плохо выгляжу, но внутренне я в форме. Уверяю тебя, все отлично.

— Внутренне ты в форме? Зато внешне дело швах. А как, интересно, по бокам?

— Пол, дай мне работать. Ты мой друг, а не психиатр; и, кстати, психиатр мне не нужен.

Пол попросил его не ехать на сегодняшнюю встречу по подписанию контракта: «Если поедешь — потеряем контракт. Ты не отдаёшь себе отчёта, в каком ты состоянии, ты меня пугаешь». Артур клянул на

наживку, встал, подхватил сумку и направился к двери.

— Ладно, я пугаю, я в бреду, в таком случае пойду, что ли, домой; подвинься, дай выйти. Идёмте, Лорэн. Мы уходим!

— Ты гений, Артур, отколоть такой грандиозный номер.

— Нет никакого номера, Пол, просто твой ум слишком, как бы сказать, скован условностями, чтобы вообразить, что я сейчас переживаю. Заметь, я вовсе на тебя не в обиде, я сам невероятно переменился со вчерашнего вечера.

— Но ты бы послушал, что несёшь, это колоссально!

— Да, ты уже говорил. Главное — не беспокойся ни о чём. Берёшь подписание на себя — очень хорошо... Я действительно мало спал, пойду отдохну. А тебе — огромное спасибо. Вернусь завтра, и всё будет в норме.

Пол предложил Артуру взять отгулы, хотя бы до конца недели; переезд всегда выматывает. И предложил свои услуги на уикенд, если что-нибудь понадобится. Артур с комичными ужимками поблагодарил, вышел из кабинета и сбежал по ступенькам. На улице он стал отыскивать Лорэн.

— Вы здесь?

Лорэн появилась сидящей на капоте машины.

— Я создаю вам кучу проблем, простите.

— Не за что. В конце концов, я этого не делал уже так давно.

— Чего?

— Не прогуливал.

Стоя у окна, Пол, наморщив лоб, наблюдал, как его компаньон на улице разговаривает сам с собой, распакивает дверцу с пассажирской стороны, потом захлопывает её, обходит свой кабриолет и усаживается за руль. Глядя на Артура, Пол убеждался, что у его друга не только депрессивное переутомление, но и мозговые нарушения.

Артур положил руки на руль и глубоко вздохнул. Он внимательно посмотрел на Лорэн и улыбнулся. Она, смутившись, вернула ему улыбку.

— Когда тебя принимают за сумасшедшего, это раздражает, правда? Куда мы едем?

— Позавтракаем как следует, и вы мне все ещё раз подробно расскажете.

Из окна своего кабинета Пол продолжал наблюдать за другом, который сидел в припаркованном внизу «саабе». Увидев, как Артур, в полном одиночестве, разговаривает, обращаясь к невидимому и воображаемому собеседнику, Пол решил позвонить ему на мобильный телефон. Когда Артур отозвался, Пол попросил не уезжать, он сию минуту спустится, им нужно поговорить.

— О чём? — спросил Артур.

— Для того я и спускаюсь!

Пол слетел по лестнице, пересёк двор, добрался до «сааба», распахнул водительскую дверцу и уселся чуть ли не на колени своему лучшему другу.

— Подвинься!

— Да сядь с другой стороны, черт тебя побери!

— Ты не очень против, если поведу я?

— Я не понимаю, мы собираемся разговаривать или ехать?

— И то и другое, живо, двигайся!

Пол подпихнул Артура и устроился за рулём, повернул ключ, и машина двинулась. Добравшись до первого перекрёстка, Пол резко затормозил.

— Маленький предварительный вопрос: твой призрак в данный момент с нами, в машине?

— Да, она на заднем сиденье, уж больно ты лихо влез.

— Будь так любезен, попроси своего Каспера оставить нас вдвоём и выйти. Мне необходимо с тобой поговорить наедине. Встретитесь у тебя дома!

Лорэн появилась у пассажирской дверцы.

— Заезжай за мной в Норс-Пойнт, — она впервые обратилась к Артуру на «ты», — я пойду там погуляю. Послушай, если это слишком сложно, ты не обязан говорить ему правду, я не хочу ставить тебя в нелепое положение!

— Он мой компаньон и друг, я не хочу ему врать.

— Тебе больше делать нечего, кроме как разговаривать обо мне с приборной доской?! — взвился Пол. — Знаешь, вчера я открыл холодильник, увидел свет, зашёл и полчаса побеседовал о тебе с маслом и салатом.

— Я не с доской о тебе разговариваю, а с ней!

— Отлично, тогда попроси леди Каспер пойти погладить свою простыню, чтобы мы могли немного поговорить!

Она исчезла.

— Он ушёл? — поинтересовался Пол, ёрзая.

— Это Она, а не Он! Да, она ушла. Ты был так груб! Ладно, что за игру ты выдумал?

— Игру? — повторил Пол, скорчив гримасу, и вновь тронул машину с места. — Вовсе нет, просто я предпочёл остаться с тобой с глазу на глаз, я хотел поговорить о личном.

— О чём?

— О вторичных последствиях, которые иногда проявляются через много месяцев после разрыва.

Пол разразился длинной тирадой: Кэрол Энн совершенно Артуру не подходила, он полагает, что она заставила Артура много страдать из-за чепухи и что она того не стоила. В конечном счёте эта женщина страдала атрофией чувства счастья. Пол призвал Артура обратиться к здравому смыслу. Кэрол Энн не достойна переживаний, которые мучили Артура после разрыва. Со времён Карин Артура не видели до такой степени раздавленным.

— А по сравнению с Карин, сам понимаешь, эта твоя Кэрол Энн...

Артур напомнил Полу, что во времена пресловутой Карин он был совсем молодым, а кроме того, он никогда с ней не флиртовал. Это Пол вот уже двадцать лет постоянно о ней заговаривает, и только потому, что познакомился с ней первым!

Пол отрицал, что он вообще о ней раньше упоминал.

— Как минимум, два-три раза в год! — возразил Артур.

— Вот ещё! Она просто всплыла из старых воспоминаний. Я даже лица её не могу припомнить!

Неожиданно возбудившись, Пол начал размахивать руками.

— Но почему ты мне никогда не говорил о ней правды? Признайся, черт побери, что ты с ней гулял, поскольку, как ты сам заметил, время ушло, и все списано за давностью!

— Пол, хватит меня допекать, ты что, тащишь меня через весь город только потому, что тебе приспичило поговорить о Карин Ловенски! Кстати, куда мы едем?

— А фамилию-то ты, оказывается, не забыл!

— В этом и заключался твой важный разговор?

— Нет, я с тобой говорю о Кэрол Энн.

— А почему ты со мной о ней говоришь? И уже третий раз за сегодняшнее утро. Я её больше не видел, и мы с ней не созванивались. Если именно это тебя волновало, то не стоит катить на моей машине до Лос-Анджелеса, потому что между делом мы уже проехали порт. Что случилось? Что, она тебя пригласила поужинать?

— Да как ты можешь вообразить, чтобы я захотел ужинать с Кэрол Энн? Ещё в те времена, когда вы были вместе, мне это удавалось с трудом, а ведь ты сидел рядом.

— Тогда о чём речь, зачем ты меня провёз через полгорода?

— Незачем; чтобы поговорить с тобой, чтобы ты со мной поговорил.

— О чём?

— О тебе!

Пол свернул налево и вырулил на стоянку возле большого четырехэтажного здания с фасадом, отделанным белой плиткой.

— Пол, я знаю, что тебе это покажется бредом, но я действительно познакомился с призраком!

— Артур, я знаю, что тебе это покажется бредом, но я действительно привёз тебя сюда, чтобы ты прошёл медицинское обследование!

Артур резко повернулся и уставился на вывеску на фасаде здания:

— Ты привёз меня в клинику? Ты серьёзно? Ты мне не веришь?

— Да нет же, верю! И поверю ещё больше, когда тебе просканируют мозг!

— Ты хочешь, чтобы я прошёл сканирование?

— Слушай меня внимательно, длинная жирафа! Если в один прекрасный день я появлюсь в бюро с видом человека, который месяц не слезал с движущегося эскалатора, если я, который никогда не терял спокойствия, вылечу из бюро в ярости, если ты из своего окна увидишь, как я иду по улице, подняв руку под углом в девяносто градусов, потом распахиваю дверцу машине и я скажу тебе, что повстречался с привидением, то надеюсь, ты будешь так же беспокоиться за меня, как я в данный момент беспокоюсь за тебя.

Артур улыбнулся.

— Когда я обнаружил её в своём шкафу, то подумал, что это одна из твоих шуточек.

— А сейчас ступай за мной и дай мне возможность успокоиться!

Артур позволил втянуть себя за руку в приёмный покой клиники. Девушка в регистратуре проводила их взглядом. Пол усадил Артура на стул и приказал не двигаться с места. Он вёл себя с ним, как с не очень послушным ребёнком, который может сбежать. Затем Пол направился к стойке и, обратившись к девушке, отчеканил:

— Срочный случай!

— Какого типа? — тут же отозвалась она с некоторой расслабленностью в голосе, хотя тон Пола ясно свидетельствовал о его нетерпении и нервозности.

— Того типа, который сидит вон там!

— Нет, я спрашиваю, в чём причина срочности?

— Черепная травма!

— Как это случилось?

— Любовь слепа, а посох слепого всё время бьёт его по голове, вот в результате голова и не выдержала!

Ответ показался девушке весьма забавным, хотя она не была уверена, что уловила смысл. Но если нет предварительной записи, она ничем не может помочь, о чём глубоко сожалеет.

«Ещё будет время сожалеть!» И это время придёт, когда он закончит говорить, заявил Пол и начальственным голосом осведомился, эта ли клиника является клиником доктора Бресника? Девушка кивнула. С тем же напором Пол объяснил, что в стенах именно этого заведения шестьдесят сотрудников его архитектурного бюро ежегодно проходят диспансеризацию, здесь же они производят на свет своих младенцев, сюда же они приводят детей на прививки и лечение простуд-гриппов, ангин и прочих мерзостей.

Не переводя дыхания, он продолжил, что за всех этих славных пациентов — и, не будем забывать, клиентов данного медицинского учреждения — несёт ответственность психопат, который стоит в данный момент перед её носом, а также господин, что сидит с потерянным видом на стуле напротив.

— Итак, мисс, либо доктор Бресник сейчас же займётся моим компаньоном, либо я гарантирую, что больше ни один из наших сотрудников не перетупит надраенный порог вашей роскошной клиники, даже чтобы заклеить прыщ пластырем!

Спустя четверть часа Артур в сопровождении Пола был подвергнут манипуляциям, имеющим целью полное медицинское обследование. Начали с электрокардиограммы в состоянии физической нагрузки (Артуру облепили грудь электродами и заставили минут двадцать крутить педали вело-тренажёра), потом взяли анализ крови (Пол вышел из палаты). Затем врач провёл серию неврологических тестов (Артура попросили поднимать ногу с открытыми глазами и с закрытыми глазами, били маленьким молоточком по локтям, коленям и подбородку, даже щекотали свод стопы), наконец, под нажимом Пола, Артура согласились сделать сканирование мозга.

Лабораторная палата была разделена на две части большой стеклянной перегородкой. С одной стороны возвышался внушительный агрегат цилиндрической формы с полый сердцевиной, что позволяло пациенту вытянуться внутри во весь рост (по этой причине агрегат часто сравнивали с гигантским саркофагом), с другой стороны располагалось техническое помещение, заставленное пультами и мониторами, соединёнными между собой толстыми пучками чёрных проводов. Артур был уложен и пристегнут ремнями за голову и бедра к узкой платформе, покрытой белой простыней, доктор нажал на кнопку, направляя платформу внутрь агрегата.

Расстояние между кожей пациента и внутренней поверхностью саркофага не превышало нескольких сантиметров, двинуться Артур не мог. Его предупредили, что он может испытать острое чувство клаустрофобии.

На время исследования Артур должен был оставаться один, но мог в любой момент поговорить с Полом и врачом, которые находились по другую сторону стеклянной перегородки. Полость, куда поместили Артура, была снабжена двумя громкоговорителями. Нажимая на маленькую пластиковую грушу, вложенную в руку, Артур приводил в действие микрофон и мог общаться. Дверь закрыли, и машина начала издавать череду прерывистых звуков.

— Это очень трудно вытерпеть? — поинтересовался развеселившийся Пол.

Врач пояснил, что процедура не из приятных. Многие пациенты, подверженные приступам клаустрофобии, не выдерживают и требуют прервать сеанс.

— Это совсем не больно, но изоляция и звук тяжело действуют на нервы.

— А поговорить с ним можно? — не унимался Пол. Когда они вышли из клиники, Артур нёс под мышкой десяток конвертов из крафтовой бумаги с результатами обследования — все результаты были абсолютно нормальны.

— Теперь ты мне веришь? — спросил Артур.

— Забрось меня в бюро и отправляйся домой отдыхать, как и собирался.

— Ты уходишь от вопроса. Веришь ли ты мне теперь, когда знаешь, что никакого рака у меня в голове нет?

— Слушай, езжай отдохни, может, все это от переутомления.

— Пол, я сыграл в твою игру и согласился на обследование, теперь сыграй ты в мою!

— Не уверен, что твоя игра покажется мне забавной! Поговорим об этом позже, мне пора на встречу. Возьму такси. Я тебе позвоню.

Оставшись один, Артур отправился в Норс-Пойнт. В глубине души ему начинала нравиться и сама история, и её героиня, и все эти бестолковости и несуразности.

ГЛАВА 6

Ресторан для туристов прилепился к скале, нависающей над Тихим океаном. Зал был почти полон. Два телевизора над баром позволяли клиентам следить сразу за двумя бейсбольными матчами.

Лорэн и Артур сидели у застеклённого проёма.

Только Артур собрался заказать каберне-совиньон, как его пробрала дрожь. Он ощутил, что Лорэн гладит его ногу своей босой ногой. При этом Лорэн победно улыбалась, а глаза её лукаво поблёскивали. Задетый за живое, он поймал её щиколотку и провёл рукой вверх по ноге.

— Я тебя тоже чувствую.

— Я хотела быть в этом уверена.

— Можешь не сомневаться.

Официантка, которая собиралась принять заказ, спросила Артура с сомнением:

— Вы чувствуете что?

— Ничего, я ничего не чувствую.

— Вы только что мне сказали «я тебя тоже чувствую».

Артур повернулся к широко улыбавшейся Лорэн:

— Видишь, как просто — скоро я окажусь в дурдоме.

— Возможно, там вам будет лучше, — ответила официантка, пожимая плечами и отходя от столика.

— А мой заказ? — крикнул он вслед.

— Я вам пришлю Боба. Может, вы и его почувствуете...

Боб явился через несколько минут, едва ли не более женственный, чем его коллега. Артур заказал яичное суфле с лососиной и томатный сок со специями.

На этот раз, прежде чем обратиться к Лорэн, Артур подождал, пока официант отойдёт. И попросил её рассказать о последних шести месяцах жизни.

Боб, замерев посреди зала, смотрел, как Артур беседует сам с собой. Посетители тоже уставились на странного человека, разговаривающего с пустотой.

Лорэн осеклась на середине фразы и спросила, нет ли у Артура мобильного телефона.

Не понимая, в чём дело, он тем не менее кивнул.

— Достань его и делай вид, что говоришь по телефону, иначе тебя и

правда упекут в дурдом.

Артур схватил мобильный телефон, сделал вид, что набирает номер, и очень громко произнёс «Алло!». Ещё несколько секунд люди продолжали его разглядывать, но ситуация стала почти нормальной, и они вернулись к еде.

Лорэн рассказывала. Первые дни положение фантома её забавляло. Ощущение абсолютной свободы. Не надо думать, что надеть, как причесаться, как ты выглядишь, похудела ты или наоборот — никто на тебя не смотрит. Никаких обязательств, никаких ограничений, не надо стоять в очереди в магазине — подходишь первым, и никто не возмущается, никто не осуждает. Не нужно скромничать — слушай чьи угодно разговоры, смотри на что хочешь, будь там, где не имеешь права быть.

— Я могла сесть на уголок стола в Овальном кабинете Белого дома и оказаться в курсе государственных секретов, могла посидеть на коленях у Ричарда Гира или принять душ с Томом Крузом.

Все или почти всё было доступно ей — бродить по закрытым музеям, проходить в кино без билета, спать во дворцах, летать на истребителе, наблюдать за самыми сложными хирургическими операциями или за исследованиями в лабораториях, перепрыгивать с опоры на опору моста Голден-Гейт.

Не отрывая уха от трубки, Артур поинтересовался, пробовала ли она делать что-нибудь из этого.

— Нет, у меня головокружение от высоты, я боюсь самолётов, Вашингтон слишком далеко, я не умею переноситься на такие расстояния, вчера я первый раз спала, так что дворцы мне были ни к чему, а что до магазинов, то какой в них толк, если ни к чему не можешь прикоснуться?

— А Ричард Гир и Том Круз?

— Та же проблема, что и в магазинах! Быть фантомом вовсе не забавно. Скорей уж это надрывает душу. Все доступно, но все недостижимо.

Ей не хватало людей, которых она любила. Она больше не могла контактировать с ними.

— Я больше не существую. Я могу их видеть, но от этого ещё хуже. Может быть, это и есть Чистилище — вечное одиночество.

— Ты веришь в Бога?

— Нет, но в моём положении появляется некоторая склонность к пересмотру того, во что верить или не верить. Я ведь и в фантомов не верила.

— И я тоже, — сказал он.

— Ты не веришь в призраки и привидения?

— Но ты же не призрак.

— Ты находишь?

— Ты не умерла, Лорэн, твоё сердце бьётся внутри, а сознание существует... где-то. Они разделились на время, вот и все. Надо понять, почему это произошло и как их соединить.

— Заметь, что с такой точки зрения это развод с тяжёлыми последствиями...

Артур ничего не смыслил в медицине, но не собирался признать этот факт и опустить руки. По-прежнему говоря в телефон, он настойчиво повторял: нужно искать и найти способ, который бы вернул Лорэн в её тело, она должна выйти из комы. Эти два явления связаны, добавил он.

— Извини, но мне кажется, что ты сильно продвинулся в своих изысканиях.

Артур пропустил мимо ушей саркастическое замечание Лорэн и предложил вернуться домой, чтобы начать поиски в Интернете. Он намеревался собрать о коме все: научные исследования, медицинские отчёты, библиографию, исторические факты, свидетельства разного рода. Особенно Артура интересовали случаи длительной комы, закончившиеся благополучно. «Мы должны найти и расспросить тех, кто вышел из комы. Их свидетельства могут быть крайне важными».

— Почему ты все это делаешь?

— Потому что у тебя нет выбора.

— Отвечай на мой вопрос. Ты осознаешь, что лично будешь втянут в эту историю? Ты представляешь, сколько времени это займёт? У тебя ведь есть своя работа и свои обязательства.

— Ты весьма противоречивая женщина.

— Я стараюсь мыслить здраво. Разве ты не заметил, как все на тебя косо смотрели, потому что ты разговаривал с пустотой; знаешь ли ты, что в следующий раз, когда тебе вздумается зайти в этот ресторан, тебе скажут, что мест нет, потому что люди не любят странных, потому что, когда кто-то громко разговаривает и жестикулирует, сидя один, это беспокоит остальных?

— В городе больше тысячи ресторанов, так что выбор есть.

— Артур, ты милый, ты действительно милый человек, но ты теряешь ощущение реальности.

— Не хочу тебя задеть, но что касается потери ощущения реальности, то в твоём нынешнем положении ты мне можешь дать фору.

— Не играй словами. И не давай легковесных обещаний, тебе никогда

не разрешить эту загадку.

— Я никогда не бросаю обещаний на ветер, и я не милый человек.

— Не обнадёживай меня напрасно, тебе просто не хватит времени.

Артур сделал вид, что закончил разговор, и внимательно посмотрел на Лорэн. Потом набрал номер компаньона. Поблагодарил за потраченное на него время и за заботу. Успокоил, объяснил, что действительно чувствует себя на грани срыва от переутомления, и сказал, что для фирмы будет лучше, если он на несколько дней прервётся. Ввёл Пола в курс нескольких текущих дел и предупредил, что Морин будет в полном его распоряжении. Добавил, что чувствует себя слишком усталым, чтобы ехать куда бы то ни было, и будет сидеть дома.

— Вот так, отныне я свободен от любых профессиональных обязательств и предлагаю начать наши исследования немедленно.

— Я не знаю, что сказать.

— Для начала помоги мне профессиональными познаниями.

Боб принёс счёт, не спуская глаз с Артура. Тот скорчил страшную гримасу, высунув язык, и вскочил. Боб отступил на шаг.

— Я ждал от вас большего, Боб, вы меня очень разочаровали. Идём, Лорэн, это заведение нас не достойно.

В машине Артур объяснил Лорэн метод, который собирался применить для изысканий. Они обсудили детали и вместе выработали план кампании.

ГЛАВА 7

Вернувшись к себе, Артур уселся за компьютер и подключился к Интернету. «Информационные автострады» позволяли ему немедленно войти в сотни баз данных по интересующему вопросу. Он сформулировал запрос в поисковой программе, просто впечатав слово «кома» в соответствующем окне, и Web-сервер предложил множество адресов сайтов, которые содержали публикации, свидетельства, отчёты и сообщения по нужной теме.

Лорэн присела на краешек стола.

В первую очередь они связались с сервером Мемориального госпиталя, открыв рубрику «Нейропатология и церебральный травматизм». Недавняя публикация профессора Сильверстоуна по церебральным травмам позволила обнаружить классификацию различных типов комы по шкале Глазго: три цифры отражали реактивность по отношению к визуальным, аудитивным и сензитивным стимулам.

Лорэн соответствовала классам 1.1.2, сложение этих цифр давало характеристику комы класса 4, иначе её называли «продвинутая кома».

Сервер отослал их к другому блоку, обозначив коды информационных полей, содержащих данные статистического анализа по изменению состояния пациентов в каждом виде комы. Стало ясно, что никто никогда ещё не возвращался из путешествия «четвёртым классом»...

Многочисленные диаграммы, аксонометрические разрезы, рисунки, обобщающие выкладки и тому подобное были загружены в компьютер Артура и затем распечатаны. В итоге получилось около семисот страниц классифицированной, отобранной и распределённой по степени важности информации. Артур сказал:

— Теперь дело за малым — осталось только все это прочитать.

Лорэн снова спросила его, зачем он это делает.

— Из чувства долга по отношению к человеку, который очень быстро научил меня очень многому, а особенно — стремлению к счастью. Знаешь, — добавил он, — все мечты имеют цену.

И он принялся за чтение, отмечая то, чего не понимал, то есть почти все, и обращаясь за пояснениями к Лорэн.

Спустя несколько часов Артур расстелил большой чертёжный лист бумаги на столе. Разбив информацию на группы, он обвёл каждую рамкой и начал соединять по уровням связи. Постепенно стала проявляться

гигантская диаграмма, переползшая на второй лист, где рассуждения слагались в выводы. На столе все это уже не помещалось, и Артур перебрался на пол. Два дня и две ночи были отданы попыткам представить, понять, что может стать ключом к заданной загадке.

Два дня и две ночи были отданы тому, чтобы прийти к заключению — кома остаётся и ещё на несколько лет останется для исследователей туманной областью, где тело существует отделённым от сознания.

Измотанный, с покрасневшими глазами, Артур заснул прямо на полу; Лорэн разглядывала диаграмму, водя пальцем по стрелкам и не без удивления отмечая, что бумага морщится под её прикосновениями.

Лорэн присела рядом с Артуром, потёрла рукой ковер. Потом провела ладонью по руке Артура, волосы на его руке встопорщились. Лорэн чуть заметно улыбнулась, погладила Артура по голове и прилегла рядом.

Он проснулся семь часов спустя. Лорэн сидела за столом.

Он протёр глаза и послал ей улыбку, которую она ему тут же вернула.

— В кровати тебе было бы удобнее, но ты спал так сладко, что я не решилась будить.

— Я долго спал?

— Долго, но недостаточно, чтобы восполнить упущенное.

Он собрался выпить кофе и вновь приняться за дело, но она остановила его порыв. Его энтузиазм глубоко тронул её, но это напрасная трата сил. Он не врач, а она всего лишь интерн, и оба они не сумеют разрешить проблему комы.

— Что ты предлагаешь?

— Выпей кофе, прими душ, и пойдём побродим. Ты не можешь жить отшельником из-за того, что приютил фантом.

Сначала он выпьет кофе, а там видно будет. И что она заладила «фантом», «фантом». Она похожа на кого угодно, но только не на фантом.

Она поинтересовалась, что имеется в виду под «кем угодно», но он отказался отвечать: «Я начну говорить любезности, а потом ты на меня рассердишься».

Лорэн вопросительно подняла брови, интересуясь, что это за «любезности». Артур взмолился, прося забыть все, что он сказал. Но, как он и боялся, попытка не удалась. Лорэн, встав и подбоченившись, переспросила:

— Так какие именно любезности?

— Забудь, что я сказал. Ты не привидение, вот и все.

— А что я тогда?

— Женщина, очень красивая женщина, а теперь я пошёл под душ.

Он вышел из комнаты, не оглянувшись. Лорэн ещё раз провела рукой по ковру, она была в полном восторге.

Полчаса спустя Артур захотел пойти поесть «настоящего мяса». Она обратила его внимание, что ещё нет и десяти утра, но он возразил, что в Нью-Йорке сейчас время обедать, а в Сиднее — ужинать.

— Да, но мы не в Нью-Йорке или Сиднее, мы в Сан-Франциско.

— Это никак не повлияет на вкус мяса.

Лорэн сказала, что ей хотелось бы, чтобы Артур вернулся к своей настоящей жизни. А Артур сказал, что ему повезло, что именно такой жизнью он сейчас живёт и что он собирается этим воспользоваться. Он не имеет права бросать все. Он не намерен слушать её стенания. В конце концов, он всего-то взял несколько дней из положенных ему отгулов, а она почему-то уверена, что он затевает опасную игру, которая заведёт его в тупик. Он взорвался:

— Поразительно слышать такое из уст врача. Все на свете возможно, и, пока есть жизнь, есть и надежда. Почему я в это верю больше, чем ты?

— Именно потому, что я врач, — ответила она. — Я стремлюсь сохранить здравомыслие и убеждена, что мы теряем время — твоё время. Ты не должен привязываться ко мне, мне нечего тебе предложить, нечем поделиться, нечего дать, я не могу даже приготовить тебе кофе!

— Какого черта! Если ты не можешь приготовить мне кофе, значит, у нас нет никакого будущего? Я не привязываюсь к тебе, Лорэн, ни к тебе, ни к кому другому. Я не собирался находить тебя в своём шкафу, просто ты там была, и это уже случилось. Никто, кроме меня, тебя не слышит, никто не видит, никто не может с тобой общаться.

Она права, продолжил он, заниматься её проблемой рискованно, причём для них обоих, для неё — из-за несбыточных надоед, которые это может породить, для него — из-за времени, которое это занимает, и из-за неразберихи, которую это вносит в жизнь, но жизнь именно такая и есть. У него не остаётся выбора Она здесь, рядом, в его квартире, «которая и твоя квартира», она в сложном положении, и он о ней заботится, «как и положено поступать в цивилизованном мире, даже если рискуешь».

Подать доллар бродяге, выходя из супермаркета, — дело пустяковое и ничего не значит. «Только когда даёшь то, чего у тебя самого мало, даёшь по-настоящему».

Она о нём почти ничего не знает, но он считает себя человеком цельным и полон решимости идти до конца, чего бы это ни стоило.

Он просит признать за ним право помочь ей. Он настаивал на этом праве, говоря, что от настоящей жизни ей осталось единственное —

возможность принять его помощь. Она права, если полагает, что он не подумал, прежде чем влезть в эту историю. Он абсолютно не думал. «Потому что именно пока ты подсчитываешь, прикидываешь все за и против, жизнь проходит мимо».

— Я не знаю как, но мы тебя вытащим. Если бы ты должна была умереть, это бы уже случилось. Я оказался тут, как раз чтобы поддержать тебя.

Под конец Артур попросил Лорэн не перечить, если не ради неё самой, то ради тех, кого она будет лечить через несколько лет.

— Ты мог бы стать адвокатом.

— А ты должна стать врачом.

— Почему ты им не стал?

— Потому что мама умерла слишком рано.

— Сколько лет тебе было?

— Слишком рано, и мне не хотелось бы говорить на эту тему.

— Почему ты не хочешь об этом говорить?

Он заметил с ехидцей, что она была интерном, а не психоаналитиком. Что он не хочет об этом говорить, потому что это причиняет ему боль и сама тема для него слишком печальная. «Прошное таково, каково оно есть, вот и все». Он руководит архитектурным бюро и вполне этим счастлив.

— Мне нравится то, что я делаю, и люди, с которыми работаю.

— Это твоя тайна?

— Нет. Не настаивай, это принадлежит только мне. Он потерял мать рано, а отца ещё раньше. Они дали ему все лучшее, что в них было, — за то время, которым располагали. Так сложилась жизнь, в этом были и преимущества, и неудобства.

— Я по-прежнему ужасно хочу есть, хоть мы и не в Сиднее, так что поджарю-ка яйца с беконом.

Артур отправился на кухню. Лорэн пошла за ним — А кто тебя растил после смерти родителей?

— Ну что ты пристаёшь? Это совсем не интересно. У нас есть занятия поважнее.

— А меня интересует.

Артур возился с плитой, Лорэн стояла рядом.

— Что тебя интересует?

— Что произошло в твоей жизни, из-за чего ты способен на подобные вещи.

— Способен на что?

— Плюнуть на все из-за тени женщины, которую ты даже не знаешь, и

даже не ради её попки — меня это заинтриговало.

Артур начал есть.

— Не устраивай мне сеанса психоанализа, у меня нет ни желания, ни потребности. Не ищи во мне сумеречных зон, их нет, поняла? Существует прошлое, самое что ни на есть конкретное и неизменяемое, поскольку оно прошлое.

— Значит, у меня нет права знать тебя?

— Да нет же, право у тебя есть, конечно есть, но ведь сейчас ты хочешь узнать моё прошлое, а не меня.

— Думаешь, мне будет трудно слушать?

— Нет, но это очень личное, и не слишком весёлое, и долгий разговор, и не тема для обсуждений.

— А мы не опаздываем на поезд. Мы работали два дня и две ночи без передышки, так что можем сделать паузу.

— Тебе бы стать адвокатом!

— Да, но я врач! Отвечай мне.

Он молча доел яичницу, положил тарелку в мойку и направился в гостиную. Обернулся к Лорэн, уже сидевшей на диване.

— В твоей жизни было много женщин? — спросила она, не поднимая головы.

— Когда любят, то не считают!

— И ты ещё утверждаешь, что не нуждаешься в психоаналитике! А тех, кто «считается», у тебя было много?

— А у тебя?

— Вопрос задала я.

Он ответил, что любил трижды, один раз подростком, второй — когда был молодым человеком, и ещё раз, уже «менее молодым человеком», в момент, когда тот превращается в мужчину, но до конца ещё мужчиной не стал, иначе они и по сегодняшний день оставались бы вместе. Она сочла ответ чистосердечным, но тут же поинтересовалась, почему все сорвалось. Потому что он был слишком цельным человеком. «Собственником?» — уточнила она, но он настаивал на слове «цельность».

— Моя мать обучала меня с помощью историй об идеальной любви, а наличие идеалов создаёт серьёзные затруднения.

— Почему?

— Ты ставишь планку слишком высоко.

— Для другого?

— Нет, для себя.

Ей бы хотелось получить более подробные объяснения, но он

воздержался из боязни показаться старомодным и смешным. Она всё же предложила ему рискнуть. Зная, что никакая удача не поможет сменить тему, он согласился.

— Разглядеть счастье, когда оно лежит у твоих ног, иметь смелость и решимость нагнуться, подобрать его, прижать к себе... сохранить. Это разум сердца. Просто разум, без разума сердца — всего лишь логика, и она недорого стоит.

— Значит, это она тебя бросила! Артур ничего не ответил.

— А ты так до конца и не исцелился.

— Вовсе нет, я исцелился, хотя и не болел.

— Ты не сумел любить её?

— У счастья нет владельца. Иногда нам выпадает шанс взять его в аренду, стать его квартиросъёмщиком. И надо быть очень аккуратным с квартплатой, иначе мигом выставят за дверь.

— Звучит обнадеживающе.

— Все боятся каждодневное™, как будто она несёт в себе фатальную неизбежность, чреватую скукой, привычкой; я в эту неизбежность не верю...

— А во что ты веришь?

— Я верю, что каждодневность — источник взаимопонимания, даже соучастия, и, в отличие от привычек, именно она позволяет нащупать сочетание блеска и банальности, обособленности и близости.

Он заговорил о несобранных плодах, которые так и были оставлены гнить на земле. «Нектар счастья, который никогда не будет выпит — из-за равнодушия и невнимания, из-за привычки, уверенности или самодовольства».

— Ты пробовал?

— По-настоящему никогда, всего лишь робкие попытки применить теорию на практике. Я верю, что страсть может развиваться.

Для Артура не существовало ничего более завершённого, чем супружеская пара, которая проходит сквозь время, смиряясь с тем, что страсть сменяется нежностью. Но можно ли так прожить жизнь, если стремишься к абсолюту? Он не считал зазорным хранить в себе нечто детское, какую-то частицу мечты.

— В конце концов мы становимся разными, но все мы изначально были детьми. А ты любила? — спросил он.

— Ты знаешь много людей, которые не любили? Ты хочешь знать, люблю ли я сейчас? Нет, да и нет.

— Много обид было в твоей жизни?

— Для моего возраста — да, немало.

— Ты не слишком разговорчива; кто это был?

— Он не умер. Ему сейчас тридцать восемь лет, он киношник, красавец, много работает; немного эгоист, идеальный парень...

— И что?

— И в тысяче световых лет от того, что ты считаешь любовью.

— Знаешь, каждому свой мир! Главное — пустить корни в подходящую почву.

— Ты всегда прибегаешь к метафорам?

— Часто, некоторые вещи мне так легче выразить. Ну, так где твоя история?

Четыре года она делила жизнь с киношником, четыре года примирений и ссор, когда действующие лица разбивали друг друга на кусочки и затем склеивали осколки. На её взгляд, эта связь, замешанная на тщеславии и лишённая всякого интереса, держалась только на страсти.

— Физическое для тебя очень важно? Она нашла вопрос нескромным.

— Ты не обязана отвечать.

— А я и не собираюсь! Он порвал со мной за два месяца до аварии. Тем лучше для него, по крайней мере, сегодня он никому ничего не должен.

— Ты жалеешь?

— Нет. Жалела в момент разрыва, а сегодня говорю себе, что главное качество для жизни вдвоём — великодушие.

Она получила свою порцию любовных историй. Все они кончались по одной и той же причине: некоторые с возрастом перестают быть идеалистами. У Лорэн было наоборот.

— Я решила: если думаешь, что способен разделить какую-то часть своей жизни на двоих, не уверяй себя и другого, будто можно начать что-то серьёзное, если не готов по-настоящему отдавать. Счастье не трогают потихоньку. Либо отдаёшь, либо получаешь. Я отдаю, ещё ничего не получив.

В конце концов она пришла к заключению, что пора определить, чего ждёт от жизни, сообразуясь с собственными правилами.

— Я поставила крест на эгоистах, на сложных личностях и на тех, у кого чересчур скупое сердце, чтобы дать волю желаниям и надеждам.

Артур отметил её горячность.

— Меня слишком долго привлекало то, что полностью противоречило моим мечтам, привлекали антиподы тех, кто мог принести мне радость, вот и все, — ответила она.

Лорэн захотела подышать воздухом. Они отправились на машине к

океану.

— Я люблю бывать у воды, — сказал Артур, чтобы прервать затянувшееся молчание.

Лорэн, взглядываясь в горизонт, ответила не сразу. Она взяла Артура за руку.

— Что произошло в твоей жизни? — спросила она — Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты не такой, как другие.

— Тебя смущает, что у меня два носа?

— Ничего меня не смущает, просто ты отличаешься от других.

— Отличаюсь? Но я никогда не чувствовал отличий, и потом — чем, от кого?

— Ты безмятежный!

— Это недостаток?

— Вовсе нет, но это сбивает с толку. Такое ощущение, что для тебя не существует проблем.

— Я люблю находить решения, поэтому не боюсь проблем.

— Нет, тут что-то другое.

— Ага, опять психоанализ.

— Ты имеешь право не отвечать. Но и я имею право что-то чувствовать.

— Мы разговариваем, как семейная пара со стажем. Мне нечего скрывать, Лорэн, никаких сумеречных зон, никаких травм. Я такой, какой есть, с массой недостатков.

Он относится к себе без особой любви, но и без неприязни, ценит в себе независимость от установленных обычаев. Может быть, в этом они похожи.

— Я не принадлежу системе, я всегда боролся против этого. Я вижусь с людьми, которых люблю, хожу туда, куда хочу, читаю книгу, потому что она мне интересна, а не потому, что её обязательно надо прочесть, и так всю жизнь. Я делаю то, что мне нравится, не задаваясь тысячью вопросов «почему» и «как». А остальное меня не заботит.

— Я не хотела добавлять тебе забот.

Они замолчали.

Разговор возобновился чуть позже, когда Артур и Лорэн вошли в жаркую духоту прибрежного отеля. Артур пил капучино и грыз песочное печенье.

— Обожаю такие места, — сказал он. — Это семейный отель, а я люблю смотреть на семьи.

На диване мальчик лет восьми свернулся клубочком в кольце материнских рук. Она держала большую открытую книгу с картинками и что-то рассказывала. Пальцем левой руки она медленно гладила щеку ребёнка движением, исполненным тягучей нежности. Когда она улыбалась, на щеках вспыхивали две ямочки, как два маленьких солнца.

Артур долго не отводил от них глаз.

— Что ты разглядываешь? — спросила Лорэн.

— Момент истинного счастья.

— Где?

— Вон тот мальчик. Посмотри на его лицо, он в сердцевине мира, его собственного мира.

— Тебе это что-то напоминает?

Вместо ответа он только улыбнулся.

Она захотела узнать, хорошие ли у него были отношения с матерью.

— Мама умерла вчера, вчера много лет назад.

Знаешь, больше всего меня поразило на следующий день после её ухода, что дома по-прежнему стояли на своих местах по краям улиц, машины ездили как ни в чём не бывало и что люди шли, как будто знать не знали, что мой собственный мир вдруг исчез. Я-то узнал это по безмолвной пустоте, в которую провалилась моя жизнь. Вдруг стихли все шумы, словно в одну минуту звезды разлетелись вдребезги или потухли. В день её смерти — клянусь, это правда — садовые пчелы не вылетели из ульев, ни одна из них не собирала мёд у нас в саду, будто они знали... Я бы хотел хоть на пять минут превратиться в маленького мальчика, спрятавшегося ото всех в кольце её рук, убаюканного звуком её голоса. Ещё раз почувствовать, как бегут по спине мурашки при пробуждении от сна, когда она зовёт меня, проводя пальцем по подбородку. И быть уверенным, что больше ничего плохого со мной случиться не может — нет ни верзилы Стива Хаченбаха, который преследовал меня в школе, ни криков учителя Мортон, ругающего за невыученный урок, ни едких запахов школьной столовой. Я скажу тебе, почему я «безмятежный», как ты выразилась. Потому что все пережить нельзя, важно пережить главное, и это главное у каждого своё.

— Хотела бы я, чтобы небеса тебя услышали и чтобы моё главное оказалось ещё впереди.

— Именно потому, что оно главное, мы не будем опускать руки. Давай вернёмся и засядем за работу.

Артур расплатился, и они направились к стоянке. Перед тем как сесть в машину, Лорэн поцеловала его в щеку.

— Спасибо за все, — сказала она.

Артур улыбнулся, покраснел и распахнул дверцу, не говоря ни слова.

ГЛАВА 8

Артур почти три недели провёл в городской библиотеке, внушительном здании в неоклассическом стиле, построенном в начале века. Там в дюжине залов с величественными сводами царит особая атмосфера, отличная от многих подобных мест. К примеру, в отделе городских архивов часто можно встретить солидных францисканцев бок о бок с престарелыми хиппи. И те и другие ищут утраченную молодость, прикрываясь анекдотами и спорами об «отдельных аспектах истории города».

Артур — абонент зала № 27, где собраны материалы по медицине, сектора 48, «неврологического», — тысячами поглощал страницы с описаниями случаев комы, бессознательного состояния и черепных травм.

При этом Артур решительно возражал, чтобы Лорэн его сопровождала. Её присутствие не даст ему сосредоточиться, объяснил он.

Чтение, конечно, просвещало его, но ни на шаг не приближало к решению проблемы. Закрывая один том, Артур надеялся найти путеводную идею в следующем. Он являлся каждое утро к открытию, обкладывался горами книг и погружался в «уроки». Случалось, он покидал своё место и отправлялся к информационному монитору, откуда посылал сообщения, напигованные множеством вопросов, известным профессорам медицины. Некоторые отвечали, заинтригованные целью изысканий. Затем он вновь взгромождался на свой стул и принимался за чтение.

Он позволял себе небольшой перерыв на обед в кафетерии, куда приносил то, что можно было вынести из читального зала. Он заканчивал трудовой день в десять часов вечера, в момент закрытия библиотеки.

Возвращался к Лорэн и за ужином давал отчёт о дневных исследованиях. Начинались бурные споры, в которых Лорэн забывала, что Артур — не студент медицинского факультета. Доводы и контрдоводы сменяли друг друга или сталкивались, иногда до исхода ночи или, во всяком случае, сил. Ранним утром за завтраком он делился с ней планами — по какому следу направится сегодня.

Артур не позволял себе падать духом при Лорэн. Но каждая затягивавшаяся пауза заставляла их чувствовать, что они по-прежнему далеки от успеха.

В пятницу, завершившую третью неделю поисков, Артур ушёл из библиотеки пораньше. В машине слушая музыку Барри Уайта, Артур

включил радио на полную громкость, а потом свернул на Калифорния-стрит, решив кое-что купить. Захотелось устроить праздничный ужин. Он накроет стол, зажжёт свечи и заполнит квартиру музыкой; он пригласит Лорэн танцевать и воспретит любые медицинские разговоры.

Пока по бухте растекался чудный сумеречный свет, Артур припарковал машину у дверей дома. Отбивая ритм, поднялся по лестнице, совершил несколько акробатических движений, чтобы попасть ключом в замок, и с кучей пакетов в руках зашёл внутрь. Прикрыв дверь ногой, сложил пакеты на стойку в кухне, снял пальто и, войдя в гостиную, весело окликнул Лорэн.

Она сидела на подоконнике и не обернулась, продолжая разглядывать открывающийся вид. Спустя секунду Лорэн исчезла. Артур услышал, как она пробурчала: «Я даже не могу хлопнуть дверью!»

— Что-нибудь не так, Лорэн?

— Оставь меня в покое!

Прошла ещё минута, и Артур увидел, что Лорэн стоит у окна, прислонившись к стеклу и спрятав лицо в ладонях.

— Ты плачешь?

— У меня нет слез, как же ты хочешь, чтобы я плакала?

— Ты плачешь! Что такое?

— Ничего, абсолютно ничего.

— Посмотри на меня, Лорэн!

Она ещё раз повторила: «Оставь меня». Медленно приблизившись, он обнял её и повернул к себе, чтобы увидеть лицо.

Лорэн опустила голову, он кончиком пальца приподнял её подбородок.

— Что случилось?

— Они собираются покончить со всем!

— Кто собирается покончить и с чем?

— Утром я отправилась в госпиталь, мама была там. Они убедили её применить эвтаназию.

— Что за дикость? Кто кого убедил?

Как и каждое утро, мать Лорэн пришла в тот день в Мемориальный госпиталь. У изголовья кровати её ждали трое врачей. Когда она вошла в палату, один из докторов, женщина средних лет, подошла к ней и сказала, что необходимо поговорить. Психолог, которую пригласили специально для этого случая, ухватила миссис Клайн за локоть и предложила сесть.

Начались долгие подробные объяснения, все аргументы которых были призваны убедить согласиться на невозможное. Лорэн была всего лишь телом без души. За телом ухаживают, но это стоит огромных денег

обществу. Конечно, легче поддерживать любимое существо в состоянии искусственной жизни, чем принять его смерть. Но какова цена? Следует решиться и допустить недопустимое, не испытывая чувства вины. Всё было испробовано. Никакого предательства нет. Надо набраться мужества признать очевидное.

Доктор Кломб особо подчеркнула, что миссис Клайн культивирует в себе чувство зависимости от тела дочери.

Миссис Клайн, вырвав руку, затрясла головой в знак категорического отказа. Она не может и не хочет делать ничего подобного. Но минута шла за минутой, и тщательно подобранные аргументы психолога расшатывали чувства, подталкивая к разумному и гуманному решению; утончённая риторика доказывала, что отказ был бы несправедлив, жесток — и для самой Лорэн, и для её близких; наконец, он был бы проявлением эгоизма.

Начало проклёвываться сомнение. С большой деликатностью, усиленной ещё более убедительными доводами, были произнесены осторожные слова об ответственности — но очень мягко.

Место, которое её дочь занимала в отделении реанимации, лишало другого пациента надежды выжить, лишало другую семью обоснованных надежд. Одно чувство вины подменялось другим... и сомнение набирало силу. Лорэн, объятая ужасом, присутствовала при этом и видела, как мало-помалу решимость матери таяла.

К концу долгой беседы сопротивление миссис Клайн было сломлено, и она, обливаясь слезами, признала, что доводы врачей справедливы. Она согласилась подумать о возможной эвтаназии дочери. Она поставила единственное условие — скорее, это было не условие, а просьба — подождать несколько дней, «чтобы быть уверенной».

Сегодня пятница, так что до понедельника не надо ничего делать. Она должна подготовиться сама и подготовить близких.

Медики сочувственно закивали, выказывая полное понимание и скрывая глубокое удовлетворение тем, что мать позволила найти им решение проблемы, непреодолимой для всей их науки: что делать с человеческим существом, если оно не мертво и не живо?

Гиппократ не мог предположить, что в один прекрасный день медицина столкнётся с такого рода драмами. Врачи вышли из палаты, оставив миссис Клайн наедине с дочерью. Она взяла дочь за руку, уронила голову ей на живот и, рыдая, попросила прощения. «Я больше не могу, моя дорогая, моя маленькая девочка. Я хотела бы быть на твоём месте». Лорэн, охваченная смесью страха, печали и отвращения, смотрела на мать из другого угла палаты. Спустя минуту она подошла и обняла мать за плечи. А

мать ничего не почувствовала.

Покинув мать и собственное тело, Лорэн сразу вернулась на подоконник гостиной своего дома, решив напоследок напиться светом, пейзажем, всеми запахами и трепетаниями города.

В лифте доктор Кломб, обратившись к коллегам, поздравила с общей победой.

— Вы не боитесь, что она передумает? — спросил Фернштейн.

— Нет, не думаю. И потом, мы поговорим с ней ещё раз, если нужно.

Артур обнял Лорэн, пытаясь выразить охватившую его нежность.

— Даже когда ты плачешь, ты красивая. Вытри слезы, я им не позволю.

— Как? — спросила она.

— Дай подумать.

Она отвернулась к окну.

— Зачем? — спросила она, разглядывая уличный фонарь. — Может, так и лучше, может, они правы.

— Что значит — «может, так и лучше»?

Вопрос, заданный Артуром агрессивным тоном, остался без ответа. Она, обычно такая сильная, сейчас смирилась. Если уж быть честной, то она жила полужизнью, разрушая жизнь матери, и к тому же «никто не ждал её у выхода из туннеля».

— Если бы я могла проснуться... но на это надежды меньше всего.

— Неужели ты хоть на секунду способна поверить, что твоей матери станет легче, если ты совсем умрёшь?

— Ты очень мил, — перебила она его.

— А что я такого сказал?

— Нет, ничего, просто твоё «совсем умрёшь» показалось мне очень милым, особенно в нынешних обстоятельствах.

— Ты думаешь, она сумеет заполнить пустоту, которую ты оставишь вместо себя? Ты думаешь, для неё лучше всего, если ты отступишься? А я?

Она бросила на него вопросительный взгляд.

— Что ты?

— Я буду ждать тебя при пробуждении; может, для других ты и невидима, но не для меня.

— Это признание? — Её тон стал насмешливым.

— Не будь самонадеянной, — сухо ответил он.

— Почему ты делаешь все это? — спросила она почти с гневом.

— Почему ты агрессивна и провоцируешь меня?

— Почему ты здесь, ходишь вокруг меня кругами, из сил

выбиваешься? Что у тебя с головой? — Она уже кричала. — Что тебе нужно?

— А теперь ты становишься злой.

— Скажи, скажи честно!

— Сядь рядом и успокойся. Я расскажу тебе одну историю, и ты все поймёшь. Однажды у нас дома, недалеко от Кармела, на обед были приглашены гости. Мне тогда было от силы лет семь...

Артур пересказал ей один случай, о котором услышал от старого друга своих родителей во время того обеда. Доктор Миллер был крупным хирургом-офтальмологом. В тот вечер он вёл себя странно, словно был взволнован или смущён; на него это было не похоже — и до такой степени, что мать Артура забеспокоилась и спросила, что с ним. Он стал рассказывать.

Пятнадцать дней назад он оперировал маленькую девочку, слепую от рождения. Она не знала, как выглядит сама, как выглядит её мать, не понимала, что такое небо, не имела представления о цвете... Внешний мир был ей заказан, ни один зрительный образ ни разу не отпечатался в её мозгу. Всю жизнь она угадывала формы и контуры, но не могла связать ни одну картинку с тем, что рассказывали ей руки.

А потом Коко — так все звали хирурга — сделал «невозможную» операцию, поставив на карту все.

Утром того дня, когда он был приглашён на обед, хирург, оставшись один в палате с девочкой, снял повязки.

— Ты начнёшь что-то видеть ещё до того, как я сниму бинты. Приготовься!

— Что я увижу? — спросила она.

— Я тебе уже объяснял, ты увидишь свет.

— А что такое свет?

— Это жизнь; подожди ещё секунду...

Как и обещал Коко, через несколько секунд дневной свет проник в глаза девочки. Он хлынул сквозь веки, быстрее, чем река, прорвавшаяся сквозь брешь в плотине, промчался через два кристаллика и принёс в глубину каждого глаза миллиарды частиц информации, носителем которой был.

Получившие стимул, впервые с момента рождения этого ребёнка, миллионы клеток двух её сетчаток возбудились, вызывая химическую реакцию изумительной сложности, чтобы закодировать образы, которые на них отпечатывались. Коды были мгновенно восприняты двумя оптическими нервами, которые пробудились от долгого сна, пришли в

активное состояние и начали передавать прибывающий поток данных в мозг.

В тысячные доли секунды мозг декодировал полученные данные, преобразовал их в ожившую картинку, предоставив сознанию выработку ассоциаций и трактовок. Самый древний графический процессор, самый сложный и миниатюрный в мире, был внезапно связан с оптической системой и приступил к работе.

Девочка, охваченная одновременно нетерпением и страхом, взяла Коко за руку и сказала: «Подожди, я боюсь».

Коко остановился, обнял её и ещё раз рассказал, что произойдёт, когда он снимет последние бинты, — появятся сотни новых частиц информации, которые ей предстоит впитать, понять, сравнить с тем, что создало её воображение.

Первое, что увидела девочка, открыв глаза, были руки хирурга; она принялась вертеть их, как игрушку. Она наклоняла голову, улыбалась, смеялась, плакала и не могла оторвать взгляда от его десяти пальцев, будто пытаясь укрыться от всего, что её окружало и стало реальным, — возможно, потому, что боялась. Потом она перевела взгляд на свою куклу, которая сопровождала её все непроглядно тёмные дни и ночи.

В другом конце просторной палаты открылась дверь, и зашла её мать, не говоря ни слова. Девочка подняла голову и посмотрела на неё. Она никогда ещё её не видела! В долю секунды лицо девочки стало вновь лицом младенца. Она протянула руки и без малейшего колебания назвала незнакомку мамой.

— Когда Коко замолчал, я понял, что он обрёл смысл жизни, он мог сказать себе, что сделал не что важное. Ты просто скажи себе: «Все, что Артур делает для меня, — это в память о Коко Миллере». А теперь, если ты успокоилась, дай мне подумать.

Лорэн ничего не ответила, только неслышно пробормотала что-то.

Артур устроился на диване и принялся грызть карандаш. Потянулись долгие минуты, потом он вскочил, уселся за стол и начал что-то чиркать на листке бумаги. Все это время Лорэн смотрела на него с тем вниманием, с каким кошка разглядывает бабочку или муху. Она наклоняла голову, с интересом следя за каждым движением Артура всякий раз, когда он принимался писать или застывал, вгрызаясь в карандаш. Закончив, он обратился к ней с очень серьёзным видом:

— Что делают с твоим телом?

— Кроме гигиенических процедур?

Она перечислила: внутривенные вливания, поскольку иначе она

питаться не может. Три раза в неделю профилактически вводят антибиотики. Массаж бёдер, локтей, коленей и плеч, чтобы не было пролежней. В остальном уход состоял из проверки жизненных показателей и измерения температуры. Искусственного дыхания не требовалось.

— Я вполне автономна, в этом вся их проблема, иначе им достаточно было бы отключить аппарат. Вот, собственно, и все.

— Тогда почему они утверждают, что это так дорого стоит?

— Из-за места, которое я занимаю.

И она подробно объяснила, почему место в больничном отделении стоит целого состояния.

— Возможно, нам удастся одним махом разрешить и их проблему, и нашу собственную, — заявил Артур.

— Что ты придумал?

— Тебе приходилось ухаживать за такими пациентами, как ты?

Да, она занималась такими пациентами, но только когда их привозила «скорая помощь», на короткий срок, и ни разу — на протяжении длительного времени.

— Но если бы пришлось этим заняться?

Она предположила, что проблем не возникло бы, практически такая работа входила в обязанности медсестёр, кроме случаев, когда возникали внезапные осложнения.

— Значит, сумеешь?

Она не понимала, к чему он клонит.

— А внутривенное вливание — это очень сложно?

— В каком смысле?

— В смысле — можно купить всё необходимое в аптеке?

— В больничной аптеке — да.

— А в обычной аптеке?

Она поразмыслила и согласилась, что можно сделать жидкость для внутривенного вливания, купив глюкозу, некоторые антикоагулянты, физиологический раствор и смешав их. Значит, это возможно. Кстати, для пациентов, проходящих лечение на дому, этот состав готовили медсёстры, заказывая необходимые компоненты в аптеке.

— А теперь я должен позвонить Полу, — сказал он.

— Зачем?

— Чтобы найти машину скорой помощи.

— Какую машину? Что ты придумал? Я имею право знать?

— Мы тебя похитим!

Она не могла понять, чего он хочет, но начала беспокоиться.

— Мы тебя похитим. Нет тела — нет эвтаназии!

— Ты совершенно спятил!

— Не преувеличивай!

— Каким образом мы тебя похитим? Где спрячем тело? Кто за ним будет ухаживать?

— По одному вопросу за раз!

Она сама будет заниматься своим телом. Нужно только найти способ раздобыть запас жидкости для внутривенного вливания, но, по её же словам, это не слишком сложно. Возможно, придётся менять время от времени аптеку, чтобы не привлекать внимания.

— По каким рецептам? — спросила она.

— Это часть первого вопроса — каким образом?

— Ну и каким?

Отчим Пола был механиком и специализировался на починке машин срочных служб: пожарных, полицейских, неотложек. Они позаимствуют карету скорой помощи, украдут халаты и отправятся за ней, якобы чтобы перевезти в другую больницу.

Она нервно рассмеялась.

— Но это происходит совсем не так!

Она стала подробно объяснять Артуру, что в госпиталь нельзя войти, как в супермаркет. Чтобы осуществить перевод, или перекидку, как говорили профессионалы, требовалась куча административных действий и бумаг. Нужны были: свидетельство об ответственности от принимающей службы, разрешение на выезд, подписанное лечащим врачом, сертификат на перевозку от компании карет скорой помощи, путевой листок, где должны быть указаны специфические условия транспортировки.

— Вот тут в игру и вступаешь ты, Лорэн, — поможешь мне добыть нужные документы.

— Но я не могу. Чего ты от меня хочешь? Я же не могу ничего взять в руки, даже с места сдвинуть...

— Но ты же знаешь, где они лежат?

— Да, ну и что?

— Я их украду. Тебе формуляры знакомы?

— Конечно, я их подписывала каждый день, особенно в нашем отделении.

Она подробно описала бумаги. Речь шла о типовых бланках, отпечатанных на белой, розовой и синей бумаге с шапками и логотипами различных больниц либо компаний по перевозке.

— Тогда мы их скопируем, — заключил он. — Идём со мной.

Артур взял куртку, ключи; он действовал, словно автомат, и был исполнен такой решимости, что у Лорэн оставалось немного времени на выискивание слабых мест этого дерзкого плана.

Наступила ночь. Город был спокоен — в отличие от Артура, который на полной скорости мчался с Лорэн к Мемориальному госпиталю. Он поставил машину на служебной стоянке отделения скорой помощи. Лорэн спросила, что он собирается делать, но он лишь улыбнулся уголком рта: «Иди за мной, только не смейся!»

Зайдя в тамбур приёмного покоя, он сложился пополам и так, скрючившись, добрался до стойки регистратора. Дежурный спросил, что с ним. Артур описал жесточайшие колики, которые начались через два часа после еды, пару раз повторил, что у него уже удалён аппендикс, но что с тех пор у него несколько раз случались такие же невыносимые боли. Ассистент врача предложил ему лечь на носилки и подождать, пока им займутся.

Присев на подлокотник кресла-каталки, Лорэн начала улыбаться. Артур великолепно ломал, комедию.

— Ты сам не понимаешь, что творишь, — пробормотала она, но тут к нему подошёл врач.

Доктор Спачек предложил Артуру проследовать за ним в одну из палат, расположенных вдоль коридора и отделённых друг от друга занавесками. Он уложил Артура на смотровой стол и начал расспрашивать о болях, просматривая карту, где содержались все записи, сделанные в регистратуре. Кроме упоминания о возрасте, когда он потерял невинность, в записях содержалась почти полная информация об Артуре, недаром опрос напоминал полицейское дознание.

Артур утверждал, что у него чудовищные спазмы.

— Где именно у вас чудовищные спазмы? — спросил врач.

— Везде в животе, и больно ужасно.

— Не переживай, — подсказала Лорэн, — иначе тебе предстоит укол обезболивающего, ночь здесь, в госпитале, а утром клизма с барием перед фиброскопией и прочими анализами.

— Не надо укола! — невольно вырвалось у Артура.

— Но я ничего не говорил об уколе, — произнёс доктор, подымая голову от медкарты.

— Нет, но лучше предупредить заранее — я не переношу уколы.

Врач поинтересовался, не относится ли Артур к нервическим типам, и Артур согласно кивнул.

— Сейчас я вас прощупаю, а вы должны сказать, где боль сильнее.

Артур снова кивнул.

Врач положил руки ему на живот, ладонь на ладонь, и начал осмотр.

— Здесь больно?

— Да, — неуверенно ответил Артур.

— А здесь?

— Нет, в этом месте болеть не должно, — подсказала, улыбаясь, Лорэн.

Артур тут же заверил, что там, где сейчас нажимал врач, ничего не болит.

Она подсказывала ему ответы на протяжении всего осмотра, и в результате врач диагностировал колит на нервной почве, что требовало приёма антиспазматика; получить его можно в госпитальной аптеке по рецепту, который он уже выписывает.

Два рукопожатия, затем три «Спасибо, доктор», и Артур лёгким шагом направился по коридору, ведущему к лабораториям. В руках он нёс три различных документа, каждый с шапкой и логотипом Мемориального госпиталя. Один синий, другой розовый, третий зелёный.

Первая бумага представляла собой рецепт, вторая — квитанцию об оплате, и последняя — открепительная на выход с крупной надписью «Разрешение на перевозку / Разрешение на выход» и припиской курсивом «Ненужное зачеркнуть». На лице его играла широкая улыбка, он был очень доволен собой. Лорэн шла рядом. Артур взял её под руку.

— Из нас получается неплохая команда, верно?

Вернувшись в квартиру, он вложил три документа в сканер своего компьютера и снял копии. С этого момента он располагал неиссякаемым источником печатных бланков всех форм и цветов с официальной атрибутикой Мемориального госпиталя.

— Ну ты силён, — сказала ему Лорэн, увидев, как из цветного принтера выползают первые формуляры.

— Через час позвоню Полу, — ответил он.

— Давай сначала поговорим о твоём плане.

Лорэн права, признал Артур, ему необходимо подробно расспросить её обо всём, что касается процедуры перевозки. Но она хотела поговорить совсем не об этом.

— А о чём?

— Артур, я очень тронута тем, какой план ты придумал, но, прости, он совершенно нереальный, безумный и слишком опасный для тебя. Тебя отправят в тюрьму, если засекут, и почему, во имя чего, черт побери?

— Может, потому, что для тебя куда опаснее, если мы не попробуем? И

у нас только три дня!

— Ты не можешь этого сделать, Артур, я не имею права тебе позволить. Прости.

— У меня была одна знакомая, она добавляла «прости» через слово и так всех достала, что её приятели не смели предложить ей стакан воды из боязни, как бы она не начала извиняться за то, что хочет пить.

— Артур! Не строй из себя дурака, ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать, это совершенно дикий план!

— Сама ситуация дикая, Лорэн! Я не могу предложить другого выхода.

— А я не позволю тебе так рисковать ради меня.

— Лорэн, лучше бы ты мне помогала, а не заставляла терять время; речь идёт о твоей жизни.

— Должен быть какой-то другой выход.

Артур видел только одну альтернативу своему плану — поговорить с матерью Лорэн и постараться убедить отказаться от эвтаназии. Но как это сделать? Они никогда не виделись, и шансов добиться встречи было мало. Она не согласится говорить об этом с незнакомцем. Он мог бы выдать себя за близкого друга её дочери. Но по мнению Лорэн, это насторожит мать — она знала всех близких друзей дочери. Может быть, он сумеет встретить её как бы случайно, там, где она часто бывает. Надо вычислить удобное место.

Лорэн ненадолго погрузилась в размышления.

— Каждое утро она выгуливает собаку на набережной.

— Да, но тогда и мне потребуется собака для выгула.

— Зачем?

— Затем, что если я буду прогуливать поводок без собаки, меня это сразу выдаст.

— Ты можешь совершать там утренний моцион.

Идея показалась Лорэн соблазнительной. Ему оставалось только пройти вдоль набережной в час прогулки Кали, залюбоваться собакой, погладить её, а там и завязать разговор с матерью. Артур согласился попробовать, он отправится туда завтра же.

Артур встал рано утром, надел спортивные брюки и фужайку, перед уходом попросил Лорэн обнять его покрепче.

— Что на тебя нашло? — смущённо спросила она — Ничего, нет времени объяснять, это из-за собаки. Она послушалась, положила голову на его плечо и глубоко вздохнула.

— Отлично, — проговорил он бодрым голосом, высвобождаясь из её рук, — я побежал, а то я её упущу.

Дверь закрылась за ним, и Лорэн со вздохом пожала плечами: «Он

обнимает меня из-за собаки».

Стоял туман. Вода, скованная границами бухты, была спокойна, чайки описывали широкие круги, выискивая рыбу, просторные лужайки, окружавшие набережную, ещё хранили брызги ночной влаги, тихонько покачивались суда, пришвартованные к причалам. Всё было мирно.

Артур увидел мать Лорэн издалека — она была точно такой, как её описала дочь. Кали трусила в нескольких шагах рядом. Миссис Клайн была погружена в мысли и, казалось, с трудом тащила на себе тяжесть навалившегося горя. Собака поравнялась с Артуром и странным образом застыла на месте, втянула воздух, поводя носом и головой. Потом приблизилась к Артуру, обнюхала края его брюк и тут же легла, поскуливая, хвост лихорадочно заметался в воздухе, животное дрожало от радости и возбуждения. Артур опустил на колени и начал тихонько поглаживать собаку. Кали немедленно принялась лизать его руку, поскуливание стало громче и настойчивей. Мать Лорэн подошла, очень удивлённая.

— Она вас знает?

— Почему вы так решили?

— Обычно она такая пугливая. Никто к ней и подойти не может, а перед вами она просто стелется.

— Не знаю, возможно; она невероятно похожа на собаку одной моей подруги, которая мне очень дорога.

— Правда? — сказала миссис Клайн, и сердце её забило сильнее.

Собака уселась у ног Артура и затаивалась, давая ему лапу.

— Кали! Оставь человека в покое.

Артур протянул руку и представился, женщина заколебалась, но тоже протянула руку. Она извинилась за собаку.

— Ничего страшного, я обожаю животных, а она очень симпатичная.

— Обычно она дичится; такое ощущение, что она вас действительно знает.

— Собаки всегда ко мне ластятся, думаю, они чувствуют, когда их любят. А у неё и правда очень милая морда.

— Настоящая дворняга, наполовину спаниель, наполовину Лабрадор.

— Просто невероятно, как она похожа на собаку Лорэн.

Миссис Клайн покачнулась, черты лица исказились.

— Вам нехорошо, мэм? — спросил Артур, беря её под руку.

— Вы знакомы с моей дочерью?

— Так это собака Лорэн, а вы её мать?

— Вы с ней знакомы?

— Да, и очень хорошо; мы были довольно близки.

Она никогда ничего о нём не слышала и захотела узнать, как они познакомились. Артур объяснил, что он архитектор и встретил Лорэн в госпитале. Она зашила ему очень неприятную рану от резака для ватмана. Они симпатизировали друг другу и часто виделись, «я иногда заезжал к ней в неотложку, и мы шли обедать, а иногда ужинали вместе, когда она вечером заканчивала пораньше».

— У Лорэн никогда не хватало времени на обед, а заканчивала она всегда поздно...

Артур молча наклонил голову.

— Но Кали вроде бы хорошо вас знает...

— Я очень переживаю из-за того, что с ней случилось, миссис; я часто бывал у неё в госпитале после аварии.

— Я вас там ни разу не видела.

Он предложил немного пройтись. Они зашагали вдоль края воды, и Артур рискнул спросить, как дела у Лорэн, сославшись на то, что некоторое время не мог её навещать. Миссис Клайн ответила, что положение без перемен и надежды больше нет. Она ничего не сказала о принятом решении, но в её словах сквозила безнадежность.

Артур помолчал и начал речь во славу надежды. «Врачи ничего не знают о коме»... «Коматозные больные слышат нас»... «Были случаи, когда люди приходили в себя после семи лет»... «Нет ничего более святого, чем жизнь, и если она теплится вопреки здравому смыслу — это знак, который надо уметь воспринять...» Он упомянул даже Бога — «поскольку Он один вправе распоряжаться жизнью и смертью».

Миссис Клайн внезапно остановилась и пристально посмотрела Артуру в глаза.

— Вы не случайно встретились со мной; кто вы и чего хотите?

— Я просто гулял тут, мэм, и если вы находите, что наша встреча — не случайна, то и задайтесь вопросом, почему... собака Лорэн сама подошла ко мне.

— Чего вы хотите от меня? И что вы знаете, чтобы читать мне нотации? Вы не знаете ничего, вы не знаете, каково это — сидеть там день за днём и видеть её абсолютно неподвижной, так что ни одна ресница не дрогнет, видеть, как приподнимается её грудь, а лицо остаётся непроницаемым.

В порыве гнева она рассказала, как проводила дни и ночи, разговаривая с Лорэн в надежде, что та её слышит; что жизнь для неё с момента ухода дочери больше не существует; об ожидании звонка из

госпиталя, сообщаящего, что всё кончено.

Она дала ей жизнь. Будила утром, одевала, каждый вечер убаюкивала, рассказывая сказку. Прислушивалась к каждому её дню, к каждому чувству.

— Когда она превратилась в подростка, я мирилась со вспышками несправедливого гнева, делила с ней первые любовные переживания, просиживала с ней ночи, когда она училась, проверяла все контрольные работы. Я умела отойти в сторону, когда это требовалось, и знали бы вы, как мне её не хватало, когда она ещё была жива. Каждый день я просыпалась с мыслью о ней и засыпала, думая о ней...

Миссис Клайн замолчала, не в силах продолжать из-за подступивших слез.

Артур коснулся её плеча и попросил прощения.

— Я больше не могу, — сказала она тихо. — Простите меня. А сейчас уходите, мне не следовало говорить с вами.

Артур ещё раз извинился, погладил по голове собаку и медленно двинулся прочь. Сел в машину. Отъезжая, увидел в зеркальце мать Лорэн, глядевшую ему вслед.

Когда Артур вернулся в квартиру, Лорэн балансировала, стоя на низком столике.

— Что ты делаешь?

— Тренируюсь.

— Вижу.

— Как все прошло?

Артур подробно рассказал о встрече; он был разочарован тем, что не смог поколебать позицию её матери.

— Шансов у тебя было немного, она никогда не меняет своих решений; она упряма как осел.

— Не будь жестокой, она переживает настоящую пытку.

— Из тебя получился бы идеальный зять.

— И в чем же глубокий смысл этого замечания?

— Ни в чём — просто ты из тех мужчин, которых тёщи обожают.

— Твоё замечание кажется мне двусмысленным; не думаю, что это тема для разговора.

— Нет уж, я должна сказать! Ты овдовел бы ещё до того, как женился.

— Что означает твой кислый тон?

— Ничего; ничего он не означает. Ладно, пойду-ка я погляжу на океан, пока у меня ещё есть такая возможность.

Она внезапно исчезла, оставив озадаченного Артура одного. «Что на неё нашло?» — спросил он сам себя. Потом включил компьютер и стал

просматривать свои записи. В машине, когда ехал с набережной, он принял решение. Альтернативы не было, и действовать следовало быстро. Начиная с понедельника медики в любой момент могли усыпить Лорэн.

Он составил список предметов, необходимых для осуществления своего плана, и снял трубку, чтобы позвонить Полу.

— Мне нужно срочно тебя увидеть.

— Где ты хочешь встретиться?

— Где тебе удобней!

— Приезжай ко мне.

Через полчаса Артур уже был у него.

— Что у тебя стряслось?

— Мне нужно, чтобы ты оказал мне услугу, не задавая вопросов. Помоги мне украсть тело из госпиталя.

— Это что, от призрака ты перешёл к трупу? Могу предоставить тебе мой собственный, скоро он будет в твоём распоряжении, если ты намерен продолжать в том же духе!

— Это не труп.

— А, это больной в отличной форме?

— Я вполне серьёзен, Пол, и очень спешу.

— Я не должен задавать вопросы?

— Тебе будет довольно сложно понять ответы!

— Я что, слишком глуп?

— Просто никто не поверит в то, что мне приходится сейчас переживать.

— Попробуй счастья.

— Я хочу, чтобы ты помог мне похитить тело молодой женщины в коме; в понедельник её подвергнут эвтаназии. А я этого не хочу.

— Ты влюбился в женщину в коме? В этом суть твоей истории с призраком?

Артур ответил неопределённым «гм-гм», Пол сделал глубокий вдох и откинулся на спинку дивана.

— Эта история заинтересует любого психоаналитика. Ты хорошо подумал, решение окончательное?

— С тобой или без тебя, но я это сделаю.

— Послушай! Ты бог знает сколько не подавал признаков жизни, ты похож на черт знает кого; ты просишь меня рискнуть десятью годами тюрьмы за похищение тела из госпиталя. Это все, что тебе нужно?

Артур изложил план и перечислил, что должен будет раздобыть Пол, и главное — машину скорой помощи, позаимствовав её в гараже отчима.

— Ага, и к тому же я должен обворовать мужа моей матери! Счастлив нашим знакомством, старина, без тебя я многое пропустил бы в жизни.

— Я знаю, что прошу у тебя слишком...

— Нет, ты не знаешь! И когда все это нужно?

«Скорая помощь» нужна к вечеру воскресенья.

Операция начнётся в одиннадцать часов, за полчаса до того Пол должен заехать за ним домой. Утром он позвонит и уточнит детали.

Весьма озабоченный, Пол проводил друга до машины.

— Спасибо, Пол, — сказал Артур, высовывая голову в окошко.

— Для того и существуют друзья; может, в конце месяца ты мне понадобишься — я собираюсь поехать в горы постричь ногти одному медведю-гризли, так что буду держать тебя в курсе. Давай, катись. Сдаётся мне, у тебя ещё куча дел.

Машина исчезла за углом, и Пол, воздев руки к небу, возопил: «Ну почему я, Господи?» Несколько секунд он в тишине разглядывал облака и, не дождавшись ответа, пожал плечами и пробормотал: «Знаю, знаю! А почему бы и не я?!»

Остаток дня Артур провёл, бегая по аптекам и забивая лекарствами багажник машины. Вернувшись в квартиру, он застал Лорэн спящей на кровати. С величайшей осторожностью присел рядом и легонько провёл рукой над её волосами, не прикасаясь к ним. Потом прошептал: «Теперь ты научилась спать. Ты действительно очень красива».

Затем он встал, тоже очень осторожно, и отправился в гостиную. Едва он вышел из комнаты, Лорэн приоткрыла один глаз и хитро улыбнулась.

Артур придвинул к себе бланки, распечатанные накануне, и принялся их заполнять. Некоторые пункты он оставил пустыми.

Потом Артур поехал в Мемориальный госпиталь. Припарковался на стоянке у отделения скорой помощи, оставил дверцу приоткрытой и направился в приёмный покой. Видеокамера наблюдения следила за коридором, но он её не заметил. Артур прошёл по коридору АО большой палаты, служившей столовой. Его окликнула дежурная медсестра:

— Что вы здесь делаете?

Он хочет устроить сюрприз одной своей давней знакомой, которая работает здесь, возможно, сестра её знает — Лорэн Клайн. Несколько секунд медсестра пребывала в замешательстве.

— Вы давно её видели?

— Как минимум, месяцев шесть назад!

Он выдал себя за фотографа-репортёра, который только что приехал из Африки и хочет поприветствовать одну из кузин жены.

— Мы с ней были очень близки. Она что, здесь больше не работает?

Медсестра уклонилась от ответа и пригласила пройти в регистратуру, где ему все объяснят. Ей очень жаль, но здесь его родственницы нет.

Артур притворился обеспокоенным и спросил, не случилось ли чего.

Явно смущённая, медсестра настоятельно предложила пройти в регистратуру госпиталя.

— Я должен выйти из здания?

— В принципе да, но вам придётся сделать большой круг... — И объяснила, как пройти в регистратуру через внутренние переходы.

Он поблагодарил её и попрощался, сохраняя на лице выражение беспокойства.

Убедившись, что медсестра его больше не видит, Артур пустился в блуждания по коридорам, пока не наткнулся на то, что требовалось, — через приоткрытую дверь он увидел на вешалке два белых халата. Зашёл, схватил их и, свернув в комок, сунул под куртку. В кармане одного халата успел нащупать фонендоскоп.

Выскочил в коридор и вышел из госпиталя через главный вход. Обогнув здание, вернулся на стоянку к машине и отправился домой.

Лорэн, сидя у компьютера, даже не стала дожидаться, пока он войдёт в комнату, чтобы воскликнуть: «Ты совершенно спятил!» Он не ответил, подошёл к столу и бросил перед ней два халата.

— Ты и впрямь рехнулся; «скорая помощь» уже здесь?

— Пол заедет за мной на ней завтра в половине одиннадцатого.

— Где ты их взял?

— У тебя в больнице!

— Как ты умудряешься все это проворачивать? Что-нибудь может тебя остановить? Покажи мне карточки на халатах.

Артур развернул халаты, надел тот, что побольше, и повернулся, изображая манекенщика на подиуме.

— Как ты меня находишь?

— Ты свистнул халат Броневика!

— Кто это?

— Известный кардиолог. Представляю, что теперь будет там твориться — докладные посыплются дождём. Это самый сварливый и невыносимый тип во всём госпитале.

— Какова вероятность, что меня опознают?

Она успокоила его, заверив, что риск крайне невелик, понадобится особое невезение — в госпитале работают две сменные бригады, воскресная и ночная. Он не рискует нарваться на члена её команды.

Вечером воскресенья это совсем другой госпиталь, с другими людьми и иной атмосферой.

— Посмотри, у меня даже фонендоскоп есть.

— Повесь его на шею! Он послушался.

— Знаешь, в обличье доктора ты ужасно сексуален, — сказала она очень нежно и очень по-женски.

Артур покраснел. Она взяла его руку и погладила пальцы. Потом подняла глаза и продолжила тем же тоном:

— Спасибо за все, что ты делаешь для меня, никто никогда обо мне так не заботился.

— Я Зорро!

Она встала, лицо её приблизилось к лицу Артура. Они посмотрели друг другу в глаза. Он обнял её, провёл рукой по затылку и притянул к себе, так, что её голова легла на его плечо.

— Нам ещё многое надо сделать, — проговорил он. — Я должен работать.

Артур отстранился и направился к столу. Лорэн проводила его внимательным взглядом и молча ушла в спальню, оставив дверь открытой. Он работал до поздней ночи, прервавшись, только чтобы перекусить; не отрываясь от экрана, печатал строчку за строчкой, полностью поглощённый записями.

Он услышал, как включился телевизор.

— Как ты сумела? — громко спросил он.

Она не ответила.

Артур заглянул в приоткрытую дверь. Лорэн лежала на кровати, растянувшись на животе. Она отвела взгляд от экрана и задорно улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ и снова уселся за клавиатуру.

Убедившись, что Лорэн поглощена фильмом, встал и подошёл к секретеру. Достал шкатулку, поставил перед собой на стол и долго смотрел на неё, прежде чем открыть. Шкатулка была квадратная, размером с коробку из-под обуви, обтянута выцветшей от времени тканью. Он затаил дыхание и поднял крышку; там лежала пачка писем, перевязанная тонким шпагатом. Взял конверт, отличающийся от других внушительной толщиной, и открыл его.

Оттуда выпали запечатанное письмо и тяжёлая связка старых ключей. Он подхватил ключи, повертел в руке и молча улыбнулся; не стал читать письмо, но положил его в карман куртки вместе с ключами. Поставил шкатулку на место и вернулся к столу.

Наконец он выключил компьютер и направился в спальню. Лорэн сидела на полу и смотрела какой-то сериал. Она казалась спокойной и умиротворённой.

— Все готово, насколько это возможно, — сказал он.

— Ещё раз — почему ты все это делаешь?

— Какая разница, зачем тебе нужно все знать?

— Просто так.

Он пошёл в ванную.

Услышав шум душа, она тихонько погладила ковёр. Под её рукой ворсинки поднялись, как от действия статического электричества.

Артур вернулся, завернувшись в банный халат.

— Теперь я должен заснуть, завтра мне нужно быть в форме.

Она подошла к нему и поцеловала в лоб. «Спокойной ночи, до завтра». И вышла из спальни.

Следующий день прошёл в ритме минут, медленно текущих сквозь воскресную лень. Солнце играло в прятки с грибным дождём. Разговаривали они мало. Время от времени Лорэн устремляла на Артура пристальный взгляд, очередной раз спрашивая, уверен ли он, что следует продолжать, — вопрос, который оставался без ответа. В середине дня они пошли прогуляться по берегу океана.

— Давай подойдём поближе к воде, я хочу сказать тебе одну вещь. — Он обнял рукой её плечи, прежде чем продолжить.

Они приблизились к самой кромке, где волны уходили в песок.

— Посмотри хорошенько на все, что нас окружает: бурлящие волны и безразлично принимающий их берег, нависающие горы, деревья, свет, в каждую секунду дня меняющий интенсивность и цвет, птицы, мятущиеся над нашими головами, рыбы, что стремятся не стать добычей чаек, пока они сами охотятся за другими рыбами. Удивительная гармония волн, гармония звуков, ветра, песка; и посреди невероятной симфонии жизни и материи существуем ты, я и все люди, которые нас окружают. Многие ли среди них замечают то, что я тебе описал?

Многие ли каждое утро осознают, какой это дар — проснуться и увидеть, почувствовать, прикоснуться, услышать, ощутить?

Многие ли из нас способны хоть на миг отвлечься от суеты ради этой невероятной картины? Меньше всего человек размышляет о жизни. Ты осознала это в опасности. Твоя уникальность в понимании — для ощущения собственной жизни необходимы другие люди; у тебя просто нет выбора.

Так вот, я отвечу на твой вопрос, который ты мне постоянно

задаёшь, — если я сейчас не рискну, то вся красота, энергия, вся жизнью дышащая материя станут для тебя недоступны. Вернуть тебя в мир — это то, что придаёт смысл моей жизни. Предложит ли жизнь мне ещё хоть раз что-нибудь подобное?

Лорэн не сказала ни слова, только опустила глаза, устремив их в песок. Бок о бок они вернулись к машине.

ГЛАВА 9

Пол припарковал «скорую помощь» на стоянке у дома Артура и позвонил в дверь.

— Я готов, — сказал он. Артур протянул ему сумку:

— Вот, надень халат и очки, стекла простые.

— Накладной бороды у тебя нет?

— Я объясню все по дороге, пошли, нам надо быть на месте к моменту смены бригад, то есть ровно в одиннадцать. Лорэн, ты идёшь с нами, будешь нужна.

— Говоришь со своим фантомом? — поинтересовался Пол.

— С тем, кто рядом с нами, но ты её не видишь.

— Это все шутка, Артур, или ты правда спятил?

— Ни то ни другое. Это невозможно понять, а значит, бесполезно и объяснять.

— В идеале мне бы превратиться в шоколадку — и время прошло бы быстрее, и в фольге как-то спокойнее...

— Идея неплохая, давай, шевелись.

Переодевшись врачом и водителем «скорой помощи», Артур и Пол направились к машине.

Пол сел за руль, Артур пристроился рядом, а Лорэн между ними.

— Прикажете включить мигалку и сирену, доктор?

— Попробуй стать серьёзным, а?

— Ну уж нет, чего не надо, того не надо; если я попробую всерьёз осознать, что я в позаимствованной машине скорой помощи еду со своим компаньоном красть труп из госпиталя, я рискую проснуться, а тогда весь твой план провалится в тартарары. Поэтому я буду делать все от меня зависящее, чтобы оставаться как можно менее серьёзным, что и позволит мне пребывать в уверенности, будто я вижу сон, переходящий в кошмар. Однако во всём этом есть и положительный момент: воскресные вечера всегда казались мне жутко пресными, а так мы хоть остроты добавили.

Лорэн засмеялась.

— Тебе смешно? — спросил Артур.

— Кончай свои штучки, прекрати разговаривать сам с собой.

— Я не разговариваю сам с собой.

— Ах да, тут привидение! Все равно, хватит вести с ним секретные переговоры, меня это нервирует.

— Это она!

— Что — она?

— Это женщина, и она слышит все, что ты говоришь!

— Мог бы поделиться с другом той травкой, которой ты накурился!

— Рули!

— Вы так всё время общаетесь? — поинтересовалась Лорэн.

— Часто.

— Что — часто? — спросил Пол.

— Я не с тобой говорил. Пол резко затормозил.

— Что с тобой?

— Прекрати! Честное слово, меня это достало!

— Да что именно?

— Что именно, — передразнил Пол, гримасничая. — Твоя дурацкая манера разговаривать с самим собой.

— Я говорю не с собой, Пол, я говорю с Лорэн. Прошу, поверь мне.

— Артур, ты окончательно рехнулся. Пора завязывать, тебя надо спасать.

Артур повысил голос:

— Тебе все надо повторять по сто раз. К чёрту, я просто прошу мне поверить!

— Ты объяснишь мне немедленно, если хочешь, чтоб я тебе верил! — зарычал Пол. — Потому что на данный момент ты похож на психа и действуешь как псих: разговариваешь сам с собой, веришь в дешёвые истории про привидения и готов втянуть меня черт знает во что.

— Поезжай, умоляю тебя, я постараюсь тебе объяснить, а главное — ты постарайся понять.

И пока «скорая помощь» катила через город, Артур объяснял необъяснимое. Рассказал все с самого начала, то есть со шкафа в ванной, и до сегодняшнего вечера.

Как будто забыв о присутствии Лорэн, Артур рассказывал о ней, её взглядах, жизни, сомнениях, о её силе, о своих разговорах с ней, о сладости минут, проведённых вместе, об их перепалках.

Пол прервал его:

— Если она действительно здесь, тебе каюк!

— Почему?

— Потому что ты только что признался в любви. — Пол пристально посмотрел на друга. Потом продолжил с удовлетворённой улыбкой: — Во всяком случае, ты в эту историю веришь.

— Ну разумеется, верю, а что?

— Да ничего, просто ты по-настоящему покраснел. А я никогда в жизни не видел, чтобы ты краснел... — И далее напыщенно произнёс: — Мисс, чьё тело мы собираемся похитить, если вы и вправду здесь, должен сказать вам, что мой приятель влип по уши, никогда раньше я не видел его таким!

— Заткнись и крути баранку.

— Я поверю в твою историю, потому что мы друзья и потому что ты не оставил мне выбора. Если уж дружба не годится для того, чтобы делить с другом любой бред, то что она вообще такое, я спрашиваю?

Вон он, твой госпиталь. Куда теперь?

— Подъезжай к отделению скорой помощи и паркуйся. Включи мигалку.

Все трое вышли и направились в приёмный покой. Медсестра встретила их вопросом:

— Что привезли?

— Ничего, мы приехали забрать кое-кого, — уверенно отозвался Артур.

— Кого именно?

Артур представился доктором Броневиком; ему только что была поручена пациентка, некая Лорэн Клайн, которую следовало перевезти сегодня вечером.

Медсестра потребовала предъявить акты о переводе. Артур протянул пачку документов. Она скорчила недовольную физиономию — надо же им появиться как раз к смене бригад! Возни полчасика, как минимум, а дежурство кончается через пять минут.

Артур пробурчал, что до этого у них были другие пациенты.

— Мне от этого не легче, — снова завелась медсестра. Она подпишет документы и оставит их, уходя, на сиденье «скорой помощи», а сменщицу предупредит. В конце концов, сейчас не лучшее время для перевода больных!

Артур не удержался от замечания, что хорошего времени вообще не бывает: «всегда слишком рано или слишком поздно».

— Пойду за каталкой, — сказал Пол, чтобы положить конец перебранке. — Я присоединюсь к вам наверху, доктор.

Медсестра сквозь зубы предложила помочь, но Артур отклонил предложение, попросив только найти медкарту Лорэн и положить в машину вместе с остальными документами.

— Карту отправят по почте, вам следовало бы это знать, — сказала медсестра, и внезапно её охватили сомнения.

— Я в курсе, мисс, — торопливо ответил Артур, — я говорю только о данных последних анализов.

— А ты разбираешься, — заметила Лорэн, — откуда ты все это знаешь?

— Видел по телевизору, — шёпотом отрезал Артур.

Вся информация есть в палате; медсестра предложила проводить его. Артур поблагодарил и заверил, что она может закончить дежурство в намеченное время, он вполне разберётся сам. Всё-таки сегодня воскресенье, и она вполне заслужила отдых.

Пол, который как раз вернулся с каталкой, ухватил Артура за локоть и потянул в коридор. Лифт доставил всех троих на пятый этаж. Артур спросил у Лорэн:

— Пока все идёт нормально?

— Да! — ответили хором Лорэн и Пол.

— Ты ко мне обращаешься? — спросил Пол.

— К вам обоим.

Двери одной из палат распахнулись и оттуда пулей выскочил практикант. Пробегая мимо, он вдруг затормозил, глянул на халат Артура и схватил за плечи. «Вы врач?» Артур удивился.

— Нет, то есть да, да, а что такое?

— Идёмте со мной, у меня проблема в пятьсот восьмой. Господи, как вы вовремя!

Студент-медик побежал обратно к палате, из которой только что выскочил.

— Что делать? — спросил Артур в панике.

— Ты меня спрашиваешь? — ответил Пол, тоже трясаясь от ужаса.

— Нет, я спрашиваю Лорэн!

— Идём, выбора нет, я помогу тебе, — сказала та.

— Идём, выбора нет, — громко повторил Артур.

— То есть как это — идём? Ты же не врач, прекрати, пока кого-нибудь не угробил!

— Она нам поможет.

— А, ну раз она поможет! — зашипел Пол, воздевая руки к небу. — Но почему я? Почему?

Втроём они зашли в палату 508. Практикант стоял у изголовья кровати, медсестра ждала рядом. Практикант в панике обратился к Артуру:

— Началась сердечная аритмия, а у больного диабет, я никак не могу привести его в чувство, я всего на третьем курсе.

— Да, парню не позавидуешь, — пробурчал Пол.

— Оторви бумажную ленту, которая ползёт из кардиомонитора, и просмотри её так, чтобы я могла прочесть, — сказала Лорэн на ухо Артуру.

— Зажгите-ка свет в палате, — произнёс Артур властным тоном.

Он обошёл кровать и одним движением оторвал ленту электрокардиограммы. Развернув её как можно шире, он повернулся, прошептав: «Так тебе видно?»

— Это желудочковая аритмия, он просто неуч!

Артур повторил слово в слово:

— Это желудочковая аритмия, вы просто неуч!

Пол выпучил глаза и схватился за голову.

— Я вижу, что это желудочковая аритмия, доктор, но что делать?

— Ничего вы не видите, вы неуч! Ну и что надо делать? — подхватил Артур.

— Спроси у него, что он уже ввёл, — сказала Лорэн.

— Что вы уже ввели?

— Ничего! — Медсестра сказала это таким высокомерным тоном, что было ясно — студент довёл её до точки кипения. — Мы в полной панике, доктор!

— Вы неуч! — третий раз повторил Артур. — Так что делать?

— Нефрин, одна инъекция два миллиграмма, и введите центральный катетер, иначе будут осложнения, черт побери! — сказала Лорэн.

— Нефрин, инъекция два миллиграмма, — повторил Артур отчётливо.

— Самое время! Я уже все подготовила, доктор, — отозвалась медсестра, — я только ждала, чтобы кто-нибудь взял дело в свои руки.

— Затем ставим центральный катетер, — заявил Артур полувопросительным, полуутвердительным тоном. — Вы умеете ставить центральный катетер? — спросил он у студента.

— Попроси поставить катетер медсестру, она обалдеет от радости, врачи никогда медсестёр до этого не допускают, — бросила Лорэн, пока студент не успел ответить.

— Я никогда не пробовал, — сказал студент.

— Мисс, центральный катетер поставите вы!

— Нет, сделайте сами, доктор. Мне бы очень хотелось, но у нас нет времени; я вам его подготовлю; в любом случае, спасибо за доверие, я это очень ценю.

Медсестра направилась в другой угол палаты, чтобы подготовить иглу и трубку.

— И что мне теперь делать? — тихонько спросил ужаснувшийся Артур.

— Пошли отсюда, — отозвался Пол. — Ты не будешь ставить ни центральный катетер, ни боковой, ни какой бы то ни было! Валим на скорости!

Лорэн продолжила:

— Ты встанешь прямо перед ним, нащупаешь двумя пальцами грудную кость — ты знаешь, что та кое грудная кость! Я направлю тебя, если ты попадёшь не туда. Затем поднесёшь иглу под углом в пятнадцать градусов и медленно, но твёрдо введёшь её. Если все нормально, то польётся беловатая жидкость, если промахнёшься — пойдёт кровь. И молись, чтоб тебе повезло, как везёт всем новеньким, иначе мы в полном дерьме — и мы сами, и парень, который лежит перед тобой.

— Я не смогу! — прошептал. Артур.

— У тебя нет выбора, и у него тоже; ему не выжить, если ты этого не сделаешь. — Лорэн улыбнулась: — Давай, и вдохни поглубже, прежде чем втыкать.

Медсестра подала катетер Артуру.

— Держи его за пластиковый конец, и удачи!

Артур поднёс иглу к месту, которое указала ему Лорэн, медсестра внимательно наблюдала за ним.

— Отлично, — прошептала Лорэн, — наклони немного меньше, а теперь давай, одним движением.

Игла вошла в грудную клетку.

— Остановись, поверни чуть-чуть краник сбоку на трубке.

Артур повиновался. Через трубку потекла мутная жидкость.

— Bravo, мастерская работа, — сказала она, — ты только что спас его.

Пол, который пару раз едва не потерял сознание, повторял как заводной тихим голосом: «Не может быть, не может быть...»

Освобождённое от давящей на него жидкости сердце диабетика забилося в нормальном ритме.

Медсестра поблагодарила Артура.

— Теперь я сама им займусь, — сказала она.

Артур и Пол попрощались и вышли в коридор.

Уже покинув палату, Пол не смог удержаться, засунул голову обратно в приотворённую дверь и бросил студенту: «Вы просто неуч!»

На ходу он обратился к Артуру:

— Ну и нагнал ты на меня страху!

— Она мне помогла, она все мне подсказывала, — пробормотал тот.

Пол покачал головой:

— Я скоро проснусь, и, когда я позвоню тебе и расскажу, какой кошмар

мне сейчас снится, ты будешь смеяться. Даже представить не можешь, как ты будешь смеяться и издеваться надо мной!

— Пошли, Пол, не будем терять время.

Втроём они зашли в палату 505. Артур нажал на выключатель, и неоновые светильники зажглись, мигнув пару раз. Он подошёл к постели.

— Помоги мне, — бросил он Полу.

— Это она?

— Нет, соседский парень. Конечно это она! Поставь каталку вдоль постели.

— Ты всю жизнь этим занимался?

— Вот так, подхвати её под колени, и осторожнее с капельницей. На счёт три поднимаем. Раз!

Два! Три!

Получилось. Артур прикрыл тело одеялом, отцепил бутылку с жидкостью для переливания и прикрепил на стояк.

— Первый этап завершён, а теперь спускаемся быстро, но без суеты.

— Хорошо, доктор, — сердито ответил Пол.

— На пару вы отлично справляетесь, — пробормотала Лорэн.

Они повернули к лифтам. Медсестра окликнула их с другого конца коридора, Артур медленно повернулся.

— Да, мэм?

— Все в порядке? Вам не нужна помощь?

— Нет, у нас все хорошо.

— Ещё раз спасибо.

— Не за что.

Двери лифта открылись, и они загрузились в кабину. Артур и Пол дружно выдохнули.

— Три топ-модели, две недели на Гавайях, спортивная машина по моему выбору и яхта!

— О чём ты говоришь?

— О моих гонорах — я подсчитываю, сколько ты мне должен в качестве гонорара за сегодняшний вечер.

Когда они вышли из служебного лифта, вестибюль был пуст. Они пересекли его быстрым шагом.

Тело Лорэн загрузили в салон «скорой помощи». На сиденье Артура лежали документы на перевозку и записка: «Позвоните мне завтра, не хватает двух бумаг. Карен (415) 725-00-00 — пост 2-4. P.S. Счастливо».

«Скорая помощь» покинула Мемориальный госпиталь.

— В конце концов, похитить больного не так уж трудно, — сказал Пол.

— Потому что не так уж многим это нужно, — ответил Артур.

— И я их понимаю. Куда направляемся?

— Сначала ко мне.

Согласно выработанному Артуром плану, им предстояло вернуться к нему домой и переложить тело в его машину. Пока Пол отгонит «скорую помощь» в гараж отчима, Артур перенесёт в машину все вещи, приготовленные для поездки и пребывания в Кармеле. Аптечные препараты уже были тщательно упакованы и сложены в переносной холодильник.

Подъехав к гаражу, Пол нажал на пульте кнопку, открывающую раздвижную дверь, но она осталась закрытой.

— Так всегда бывает в плохих детективах, — сказал он.

— Что бывает? — спросил Артур.

— Просто в плохих детективах как раз в такой момент сосед решает прикинуться крутым парнем и, забыв о хороших манерах, орёт: «Что там за бардак?» В данном случае не срабатывает пульт, дверь не открывается, а это «скорая помощь» из гаража моего отчима, и внутри неё тело, и стоит она перед твоим домом ровно в тот час, когда все соседи выводят пописать своих собачек.

— Дай сюда пульт!

Пол повиновался, пожав плечами. Артур нервно надавил на кнопку — никакого результата.

— А он ещё считает меня идиотом.

— Батарейка сдохла, — сказал Артур.

— Конечно, дело в батарееке, — саркастично заключил Пол, — все гении горят на таких мелочах, после чего их и замечают.

— Я поднимусь за другой, а ты пока сделай пару кругов по кварталу.

— Молись, чтоб у тебя нашлась хоть одна, гений!

— Не отвечай, иди, — вмешалась Лорэн.

Артур выскочил из «скорой помощи» и помчался по лестнице; влетел в квартиру и начал рыться на всех полках. Ничего... Он вывернул ящики секретера, комода, кухонного стола; Пол тем временем в пятый раз объезжал квартал.

— Если меня не заловит полицейский патруль, то я самый везучий во всём городе, — пробурчал Под заворачивая на шестой круг ровно в ту секунду, когда на встречу выехала полицейская машина «Фигушки, я не козёл, а в данный момент меня бы это очень устроило!»

Полицейский сделал знак опустить стекло, Пол повиновался.

— Вы заблудились?

— Нет, я жду коллегу, он поднялся за вещами, а потом мы поставим Дейзи в гараж.

— Кто это Дейзи? — спросил полицейский.

— «Скорая помощь», сегодня у неё последний день, старушка дожила своё, десять лет мы с ней крутимся вместе, так что расставаться тяжело, понимаете? Куча воспоминаний, целый кусок жизни.

Полицейский кивнул. Он все понимал, но попросил особо не задерживаться — в этом квартале люди любопытны и пугливы.

— Знаю, я сам здесь живу. Только заберу напарника, и мы уедем.

Патрульная машина удалилась.

В квартире царил почти такой же кавардак, как в голове Артура. Внезапно он застыл посреди гостиной, нащупывая мысль, которая могла бы их спасти.

— Пульт от телевизора, — прошептала Лорэн.

В изумлении он повернулся к ней и бросился к чёрной коробочке. Он буквально отодрал крышку с задней панели и вытащил батарейку, которую немедленно вставил в пульт от гаража. Затем подбежал к окну и, свесившись, нажал на кнопку.

Пышущий яростью Пол заходил на девятый круг, когда увидел, как дверь гаража с шумом открывается. Он ринулся внутрь, моля Бога, чтобы закрылась она быстрее, чем открывалась, дело и впрямь было в батарейке, ну что он за кретин!»

Тем временем Артур спустился в гараж.

— Все в порядке?

— У меня или у тебя? Я тебя сейчас растерзаю!

— Лучше помоги мне, у нас ещё много дел.

— Я только тем и занимаюсь, что помогаю тебе!

Они перенесли тело Лорэн с большой осторожностью. Усадили на заднее сиденье, закрепили флакон с жидкостью между двумя подлокотниками, укутали одеялом. Глядя со стороны, можно было подумать, что женщина спит.

— У меня такое ощущение, что я в фильме Тарантино, — прошипел Пол. — Знаешь, бандит, который избавляется от...

— Заткнись! Ты сморозишь сейчас чушь...

— Ну и что, одной чушью больше или меньше... Лорэн положила руку на плечо.

— Не ругайтесь, у вас обоих был тяжёлый день, — миролюбиво сказала она.

Это подействовало, и уже спокойно Артур продолжил:

— Поезжай в гараж отчима, я заеду за тобой через десять минут, только поднимись за багажом.

Пол уехал, не сказав ни слова. На пересечении с Юнион-стрит он не заметил полицейской машины, которая недавно останавливала его.

— Пропусти «скорую» и следуй за ней! — велел старший из полицейских.

Когда десять минут спустя «скорая» въехала в ворота гаража, полицейские притормозили и вернулись на свой обычный маршрут. Пол так никогда и не узнал, что за ним следили.

Артур приехал через четверть часа. Пол вышел на улицу и забрался на переднее сиденье «сааба».

— Ты осматривал достопримечательности?

— Я медленно ехал, из-за неё.

— Ты так и спланировал, что мы приедем на заре?

— Именно; а теперь расслабься, Пол. У нас уже почти получилось. Ты мне оказал огромную услугу, я это знаю; я только не знаю, как тебе это сказать, и ты рисковал, это я тоже знаю.

— Давай рули! Ненавижу благодарности.

Машина выехала из города, свернула к океану и наконец покатила по шоссе № 1 вдоль скал к бухте Монтеррей, к Кармелу — то есть туда, куда собиралась отправиться Лорэн утром в начале этого лета на своём стареньком «триумфе».

Артур предоставил руль Полу, а сам смотрел в окно. Ещё одно пробуждение ждало его в конце этого путешествия. Пробуждение стольких воспоминаний, спящих так давно...

ГЛАВА 10

Артур изучал архитектуру в университете Сан-Франциско. В двадцать пять лет он продал маленькую квартирку, которую завещала ему мать, и отправился в Европу, в Париж, чтобы провести ещё два года в школе Камандо. Он устроился в небольшой студии на улице Мазарини и провёл там два восхитительных года. Потом ещё год он продолжал своё образование во Флоренции и наконец вернулся в родную Калифорнию.

Обвешанный дипломами, он поступил к Миллеру, известному в городе архитектору-дизайнеру, и на полставки работал в Музее современного искусства. Там он и встретил Пола, будущего компаньона, с которым два года спустя создал архитектурное бюро. На волне экономического подъёма бюро становилось все известнее, там работало уже около двадцати служащих.

Пол занимался делами административными, Артур рисовал и чертил. Каждому своё; никогда и тени не пробегало между двумя друзьями, которых ничто и никто не отдалял друг от друга более чем на несколько часов.

У них было много общего. Общие представления о дружбе, о том, что составляло вкус жизни; детство, проникнутое схожими переживаниями. Сходные пустоты в жизни.

Как и Пола, Артура вырастила мать. Отец Пола бросил семью, когда мальчику было пять лет. Артуру было три года, когда его отец уехал в Европу и погиб в авиакатастрофе. «Его самолёт поднялся так высоко в небо, что остался на звёздах». Лилиан ждала долго, потом надела траур, хотя в душе не смирилась со смертью мужа.

Десять первых лет жизни Артур провёл на берегу океана, недалеко от изумительной деревни Кармел, где у Лили — так он называл мать — был большой дом. Весь из белого дерева, он возвышался над морем, нависая над огромным садом, спускающимся к пляжу.

Во флигеле жил Энтони. Неудавшийся художник, которого Лили приютила, «подобрала», как говорили соседи. Он был другом Лили. Вместе с ней Энтони поддерживал парк, ограду, фасады, которые почти каждый год красились заново, и долгие вечерние беседы. Он не заменял Артуру отца, но восполнял пустоту в жизни мальчика, образовавшуюся на месте исчезнувшего мужчины.

Артур учился в деревенской школе. Утром Энтони отвозил его туда,

вечером часа в четыре за ним заезжала мать. Эти годы оказались бесценными. Мать была лучшим другом Артура. Лили научила его всему, что можно любить сердцем. Иногда она будила его рано утром, просто чтобы полюбоваться восходом солнца и услышать звуки зарождающегося дня. Она научила различать запахи цветов. По контуру листа научила распознавать дерево, чьим убранством он был. Водила Артура по большому саду, открывая лики природы, в одних уголках облагороженные, в других дикие.

Рассказывала о птицах и просила Артура повторять вслух их названия. В огороде, который с любовью обрабатывал Энтони, Лили велела Артуру собирать овощи, выросшие будто по волшебству, «но только те, что уже поспели». У берега океана заставляла считать волны, которые в погожие дни ласкали прибрежные камни, словно извиняясь за ярость штормов. «Чтобы уловить дыхание моря, его напряжение, его настроение». «Море притягивает к себе наш взгляд, а земля — наши ноги», — говорила Лили. По связи между облаками и ветром учила определять погоду и очень редко ошибалась.

Артур знал каждый уголок сада, мог ходить по нему даже с закрытыми глазами, даже пятясь. Здесь от него не было тайн.

Артур, вслед за Лили, больше всего полюбил розы, Розарий был местом, словно отмеченным магией. Там смешивались сотни запахов. Лили приводила туда Артура, чтобы рассказать истории, в которых дети мечтали стать взрослыми, а взрослые — обернуться детьми.

Однажды в начале лета, когда только занималась заря, Лили зашла к Артуру в комнату, присела на кровать у изголовья и провела рукой по его кудрям.

— Вставай, мой Артур, просыпайся, идём со мной.

Маленький мальчик поймал пальцы матери, сжал их в ладошке и повернулся, положив щеку ей на руку. Лицо её озарилось улыбкой, выразившей всю нежность этой минуты.

От руки Лили шёл запах, который Артур запомнил навсегда. Каждое утро Лили, сидя за туалетным столиком, смешивала ароматические эссенции и лёгкими касаниями наносила на шею. Это одно из воспоминаний, слившихся с памятью об ароматах.

— Подымайся, мой дорогой, нам нужно опередить солнце. Через пять минут жду тебя внизу на кухне.

Ребёнок надел старые шаровары, толстый свитер и потянулся, зевая. Он одевался в тишине, мать приучила его беречь покой зари; обул резиновые сапоги, отлично зная, куда они отправятся после завтрака.

Одевшись, спустился в большую кухню.

На столе уже стояли чашки с кофе. Лили приучила сына любить кофе, его вкус, а главное — аромат.

— У тебя все в порядке?

— Да, мама.

— Тогда открой глаза пошире и погляди как следует вокруг. Хорошие воспоминания не должны быть мимолётными. Впитай их в себя. Они станут источником твоих вкусов и воспоминаний, когда ты станешь мужчиной.

— Но я уже мужчина!

— Я хотела сказать — взрослым.

— А мы, дети, совсем другие?

— Да! Мы, большие, испытываем тревоги, которых детство не знает; ты можешь назвать это страхами.

— А чего боишься ты?

Она объяснила ему, что взрослые боятся самых разных вещей: старости, смерти, боятся понять, что они жили неправильно, боятся болезней, иногда даже детского взгляда; боятся, что их осудят.

— Знаешь, почему мы так хорошо понимаем друг друга, ты и я? Потому что я тебе не вру, потому что я говорю с тобой, как со взрослым, потому что я не боюсь. Взрослые боятся из-за того, что не умеют чувствовать массу вещей. Именно чувствовать я тебя и учу. Вот сейчас нам хорошо, и это «хорошо» состоит из множества частичек: мы оба, наш стол, наш разговор, мои руки, которые ты разглядываешь, запах комнаты, привычная мебель, покой начинающегося дня.

Она встала, собрала чашки и поставила их в эмалированную раковину. Потом провела губкой по столу, смахнула кучку крошек в подставленную лодочкой руку.

Рядом с дверью стояла плетёная корзина с кучей лесок, уже снабжённых крючками. На крышке корзины лежали хлеб, сыр и колбаса, завернутые и полотенце. Лили взяла корзину под мышку, Артура за руку.

— Идём, мой дорогой, а то опоздаем.

Они спустились по дорожке, которая вела к маленькой пристани.

— Посмотри на эти разноцветные судёнышки, они похожи на букет морских цветов.

Артур, как обычно, зашёл в воду, отцепил лодку от причального кольца и подтянул к мосткам. Лили положила в неё корзину и забралась сама.

— Ну, гребь, мой дорогой.

Когда береговая линия ещё не пропала из вида, Артур вынул весла из

уключин и положил на дно лодки. Лили уже вытащила из корзины рыболовные снасти и насадила наживку на крючки. По традиции она готовила для Артура только первую удочку; потом он должен был, преодолевая отвращение, сам насаживать маленького красного червячка. Закрепив пробковую катушку между ногами на дне лодки, Артур обвязал нейлоновую леску вокруг указательного пальца и забросил в воду, вместе с привязанным свинцовым грузилом, которое быстро увлекло за собой приманку. Если место окажется удачным, очень скоро он вытащит рыбку.

Они сидели лицом друг к другу. Несколько минут прошло в молчании. Лили напряжённо разглядывала Артура и вдруг спросила странным голосом:

— Артур, ты знаешь, что я не умею плавать. Что ты будешь делать, если я упаду в воду?

— Я прыгну тебя вылавливать, — ответил ребёнок.

Лили мгновенно пришла в ярость:

— Ты говоришь глупость!

Артур застыл, поражённый резкостью ответа.

— Постараться добраться до берега, вот что ты должен сделать! — Лили сорвалась на крик: — Только твоя жизнь имеет значение, никогда не забывай этого и никогда не оскорбляй судьбу, играя с ней, поклянись!

— Клянусь, — ответил испуганный ребёнок.

— Сам видишь, — смягчившись, сказала она, — ты должен был бы дать мне утонуть.

Тогда маленький Артур расплакался. Лили вытерла его слезы кончиком указательного пальца.

— Иногда мы бессильны перед судьбой, желаниями или порывами, и это мучительно, часто не переносимо. Такое чувство будет преследовать тебя всю жизнь, иногда забываясь, а иногда превращаясь в наваждение. Искусство жить во многом зависит от нашей способности преодолевать собственное бессилие. Это трудно, потому что бессилие часто порождает страх. Оно сводит на нет наши силы, разум, здравый смысл и открывает дорогу слабости.

Ты узнаешь много страхов. Борись с ними, но не подменяй их слишком долгими колебаниями. Подумай, реши и делай! Не поддавайся сомнениям, неспособность отвечать за собственный выбор отравляет жизнь.

Каждый вопрос может превратиться в игру, каждое принятое решение научит тебя лучше узнать и понять самого себя. Заставь мир двигаться, это же твой мир!

Посмотри на пейзаж, которым тебе дано наслаждаться, посмотри, как вырисовывается вдали берег, будто кружево, как солнце зажигает там тысячу разных огоньков. Каждое дерево, отдаваясь ласкам ветра, колышется в собственном ритме. Ты думаешь, природа из страха придумала все эти мелочи... Но самая прекрасная вещь, которую дала нам земля, то, что превращает нас в человеческие существа, — это счастье делиться с кем-то. Тот, кто не умеет делиться, — калека, инвалид без чувств.

Ты увидишь, Артур, сегодняшнее утро отпечатается в твоей памяти. Потом, когда меня не будет, ты вспомнишь о нём, и это воспоминание будет тёплым, потому что мы разделили этот миг.

Если я упаду в воду, ты не бросишься меня спасать, это было бы глупо. Все, что ты должен был бы сделать — это протянуть руку, чтобы помочь забраться обратно в лодку, но если у тебя не получится и я утону, твоя душа будет спокойна. Ты принял правильное решение не рисковать бессмысленно жизнью, но ты сделал все, чтобы меня спасти.

Артур заработал вёслами. Лили взяла голову мальчика в свои ладони и нежно поцеловала в лоб.

— Я сделала тебе больно?

— Да. Ты никогда не утонешь, если я буду рядом.

И я прыгну в воду, я достаточно сильный, чтобы вытащить тебя.

Лили угасла так же изящно, как жила. В утро смерти своей матери мальчик подошёл к её постели:

— Почему?

Мужчина, стоящий у постели, не сказал ничего, только поднял глаза и посмотрел на ребёнка.

— Мы были так близки, почему она не сказала мне «до свидания»? Я бы никогда так не сделал. Ты ведь большой, ты знаешь — почему? Скажи мне, я должен знать... Все всегда врут детям, взрослые думают, что мы дурачки! Но ты, если ты храбрый, скажи мне правду, почему она ушла вот так, пока я спал?

У детей иногда бывает взгляд, который будит в вас такие воспоминания, что просто невозможно оставить вопрос без ответа.

Энтони положил руки на плечи мальчика.

— Она не могла поступить по-другому, смерть не приглашают, она приходит сама. Твоя мать проснулась посреди ночи, боль была ужасной, Лили ждала восхода солнца, но, несмотря на все её попытки остаться в сознании, она угасла.

— Значит, это я виноват, что спал.

— Нет, конечно нет, ты не должен так думать. Хочешь узнать настоящую причину, почему она ушла, не попрощавшись?

— Да.

— Твоя мама была настоящей леди, а настоящие леди умеют уходить достойно, не беспокоя тех, кого любят.

Во взволнованном взгляде мужчины мальчик прочёл тайный договор, о котором раньше только догадывался. Он смотрел, как скатывается по щеке слеза, пробираясь в проступившей щетине.

Мужчина провёл по векам тыльной стороной руки.

— Видишь, я плачу, — сказал он, — поплачь и ты, слезы уносят печаль...

— Я буду плакать потом, — ответил маленький мужчина, — печаль связывает меня с ней, я не хочу её терять. Она была моей жизнью.

— Нет, милый, твоя жизнь перед тобой, а не в воспоминаниях. В этом все, чему она тебя учила; никогда не забывай, что она говорила тебе ещё вчера: «За мечты надо платить». Её смертью ты платишь за мечты, которые она тебе дала.

— Эти мечты стоят слишком дорого... Энтони, оставь меня одного, — сказал ребёнок.

— Но ты один с нею. Закрой глаза, и ты забудешь о моём присутствии, в этом сила чувств. Ты один с самим собой. Сейчас ты отправляешься в долгий путь.

— Она красивая, правда? Я думал, смерть испугает меня, но она кажется мне красивой.

Артур взял мать за руку; голубые вены, проступавшие на нежной и белой коже, казалось, отражали течение жизни Лили — бурное, переливчатое. Он поднёс руку к своему лицу и медленно погладил себя по щеке, прежде чем поцеловать ладонь.

Какой поцелуй мужчины мог бы соперничать с этим?

— Я люблю тебя, — сказал он, — я любил тебя любовью ребёнка, теперь ты останешься в моём сердце мужчины, до последнего дня.

— Артур? — окликнул его Энтони.

— Да?

— Вот письмо, она просила передать его тебе; а сейчас я уйду.

Оказавшись один, Артур понюхал письмо, вдохнул аромат, которым оно было пропитано, и распечатал.

Мой большой Артур!

Когда ты будешь читать это письмо, я знаю, что в глубине

души ты будешь очень сердиться на меня за то, что я натворила. Мой Артур, это моё последнее письмо тебе и в то же время моё завещание любви.

Моя душа улетает на волне счастья, которое ты мне дал. Жизнь чудесна, Артур, но замечаешь это, когда она на цыпочках уходит от тебя.

Жизнь иногда заставляет, нас сомневаться во всём. Никогда не опускай руки, сердце моё. С того дня, как ты родился, я видела в твоих глазах свет, отличавший тебя от других. Я видела, как ты падал и подымался, сжав зубы, когда любой ребёнок расплакался бы. Это мужество — твоя сила, но и твоя слабость. Будь осторожен; чувства созданы для того, чтобы делиться ими, сила и мужество могут обратиться против того, кто использует их не к месту. Мужчины тоже имеют право плакать, Артур, мужчинам тоже знакома печаль.

С этого дня меня не будет рядом с тобой, чтобы отвечать на твои детские вопросы. Пришёл момент, когда ты должен стать маленьким мужчиной.

В долгом плавании, что ждёт тебя, никогда не теряй частицы души ребёнка, никогда не забывай свои мечты, они станут двигателем твоего существования, от них будут зависеть вкус и запах каждого твоего утра. Скоро ты узнаешь другую любовь, отличную от той, которую ты испытываешь ко мне; когда этот день придёт, подели её с той, кого ты полюбишь, чувства созданы для того, чтобы делиться ими; самые лучшие воспоминания рождаются, из мечты, воплощённой вместе. Одиночество — это сад, где душа высыхает; цветы, которые там растут, не имеют запаха.

У любви чудесный, вкус; люби. Помни: чтобы получать, надо отдавать; помни, что надо быть самим собой, чтобы уметь любить. Мой большой мальчик, доверься себе, будь верен своей совести и своим чувствам, живи свою жизнь, она у тебя всего одна. Отныне ты несёшь ответственность за себя и за тех, кого ты полюбишь. Не теряй достоинства, сохрани навсегда тот взгляд, который объединял нас, когда мы делили зарю.

Помни о часах, которые мы провели вместе, срезая розы, разглядывая луну, различая запахи цветов, прислушиваясь к звукам дома, чтобы понять их. Это вещи очень простые, иногда они даже кажутся устаревшими, но не позволяй озлобленным

людям или скептикам посягать на эти часы, волшебные для тех, кто умеет их проживать. У таких часов и мгновений есть название, Артур, — «очарование». И только от тебя зависит, чтобы в твоей жизни было очарование. И в этом самая большая радость долгого путешествия, которое тебя ждёт.

Мой маленький мужчина, я оставляю тебя. Не отдаляйся от этой земли, она так прекрасна. Я люблю тебя, мой большой, ты был смыслом моей жизни, я знаю, как сильно ты меня любишь, я ухажу со спокойной душой, я горжусь тобой.

Твоя мама

Мальчик сложил письмо и убрал в карман. Поцеловал ледяной лоб матери. Потом прошёл вдоль книжных полок, проводя пальцем по переплёткам. «Когда умирает мама, это как пожар в библиотеке», — говорила она.

Он вышел из комнаты твёрдым шагом, как она его учила. «Уходя, мужчина не должен оглядываться».

Артур спустился в сад, от утренней росы исходила мягкая свежесть; ребёнок подошёл к розарию и встал на колени.

— Она ушла, она больше не будет подрезать вам стебли. Если бы вы знали, — сказал он, — если бы только вы могли понять...

Ветер заставил цветы ответить движением лепестков; тогда и только тогда он, окружённый кустами роз, дал волю слезам.

Энтони издали наблюдал за этой сценой.

— Ах, Лили, ты ушла слишком рано для него, — прошептал он, — слишком, слишком рано. Артур теперь один, а кто, кроме тебя, умел входить в его мир? Если там, где ты сейчас, у тебя есть какая-то власть, открой ему двери нашего мира.

День был самым долгим из всех, которые знал Артур; поздно вечером Энтони сидел рядом с ним. И тот и другой молчали. Они прислушивались к звукам ночи, погружаясь в воспоминания.

Долгие минуты Энтони сидел неподвижно — Артур заснул на его плече, и он боялся разбудить мальчика. Только убедившись, что мальчик крепко спит, он поднял Артура на руки и отнёс в дом. Лили ушла всего несколько часов назад, но в атмосфере дома уже ощущалась перемена. Отзвуки, запахи, оттенки словно подёрнулись дымкой, прежде чем совсем исчезнуть.

«Воспоминания должны остаться навечно, такие мгновения должны

застыть», — бормотал Энтони, поднимаясь по лестнице. Зайдя в комнату Артура, он положил его на кровать и, не раздевая, прикрыл одеялом. Потом погладил мальчика по голове и вышел на цыпочках.

Через несколько недель после смерти Лили Энтони запер все комнаты, оставив открытыми только две внизу, где собирался прожить остаток дней. Он отвёз Артура на вокзал и посадил в поезд, который отвёз мальчика в закрытую школу-пансион.

Жизнь там была приятной, учителя уважаемы, иногда любимы.

Артур принёс с собой воспоминания, которые оставила ему мать, и заполнил ими свой мир до отказа. Он научился полноценно проживать каждый миг и вёл себя так, как диктовали ему правила, усвоенные от Лили. Артур был спокойным ребёнком; став подростком, он сохранил тот же тип характера. А молодой человек, в которого превратился подросток, казалось, вообще не знал, что такое перепады настроения.

Артур был нормальным учеником, ни гениальным, ни плохим, оценки всегда были чуть выше среднего, — кроме истории, где он блистал. Артур спокойно переходил из класса в класс, и так до выпускного экзамена.

Как-то июньским вечером в конце учёбы Артура вызвала к себе директриса. Миссис Стенард рассказала, как его мать, узнав, что поражена недугом, который неизбежно сводит в могилу, оставляя неясным только одно — какую отсрочку он даст вам, прежде чем унести с собой, — приехала поговорить с ней. Это было за два года до смерти Лили. Она провела здесь долгие часы, вникая во все детали.

Перед отъездом его мать доверила директрисе некоторые вещи, в том числе ключи — от дома в Кармеле, где он вырос, и от маленькой городской квартиры. До последнего времени эту квартиру сдавали внаём, но согласно инструкциям, её освободили ко дню совершеннолетия Артура. Деньги, полученные за аренду, были переведены на его счёт, как и остатки сбережений, завещанных матерью. Сумма позволяет получить высшее образование и даже более того.

Артур взял связку ключей, которую миссис Стенард положила на стол. Брелком служил маленький серебряный шарик с бороздкой посередине и крошечной защёлкой. Артур откинул маленький крючок, и шарик распался на две половины, открыв на каждой из них миниатюрную фотографию. На одной был семилетний Артур, на другой — Лили.

— Какое высшее образование ты собираешься получить? — спросила директриса.

— Я хочу стать архитектором.

— Ты не поедешь в Кармел, чтобы посмотреть дом?

— Нет, пока нет, и ещё не скоро.

— Почему?

— Она знает почему. Это секрет.

Директриса встала, Артур тоже. Когда они подошли к дверям кабинета, она обняла его и крепко прижала к себе. Вложила в руку Артура конверт.

— Это от неё, — прошептала она ему на ухо, — для тебя; она попросила меня передать его тебе именно в этот момент.

Миссис Стенард распахнула тяжёлые створки дверей, Артур вышел и не оборачиваясь зашагал по коридору, сжимая в одной руке тяжёлую связку ключей, а в другой — письмо.

ГЛАВА 11

Машина преодолевала последние минуты длинной ночи; фары высвечивали оранжевые и белые полосы, которые поочерёдно отмечали то поворот, вырубленный в скалах, то прямую линию в обрамлении болота и пустынного пляжа. Лорэн задремала, Пол, сосредоточившись на дороге, молча вёл машину, поглощённый мыслями. Артур воспользовался затишьем и незаметно вытащил из кармана письмо, которое положил туда, когда доставал из секретера связку ключей.

Он распечатал конверт, и оттуда вырвался запах, неся с собой воспоминания — сочетание двух эссенций, которые мать смешивала в большом флаконе жёлтого хрусталя с серебряной матовой крышкой. Аромат, исходящий от бумаги, высвободил воспоминания о Лили.

Артур вытащил письмо из конверта и осторожно развернул его.

Мой большой Артур!

Если ты читаешь эти строки, значит, ты принял решение и едешь в Кармел. Мне так любопытно узнать, сколько тебе сейчас лет.

В руках у тебя ключи от дома, где мы вместе провели столько прекрасных лет. Я знала, что ты не поедешь туда сразу, а будешь ждать, пока почувствуешь себя готовым разбудить дом.

Скоро ты войдёшь в дверь, звук которой мне так хорошо знаком... Пройдёшь по комнатам, наполненным — ностальгией, откроешь ставни, впуская солнечный свет, которого мне будет так не хватать.

Ты должен зайти в розарий. За столько времени розы, конечно, стали дикими.

Ты войдёшь в мой кабинет. В шкафу ты найдёшь чёрный чемоданчик, открой его, если хочешь. Там лежат тетради; на их страницах я писала тебе каждый день.

Жизнь лежит перед тобой; ты единственный её хозяин. Будь достоин всего, что я любила.

Я люблю тебя и на небе, я берегу тебя.

Твоя мама Лили

Когда они приехали, заря уже занималась. Небо превращалось в бледно-розовый шёлк, струящийся длинными волнистыми лентами, которые, казалось, иногда касались горизонта. Артур показывал дорогу. Прошли годы, однако он узнавал каждый километр, каждую ограду; все, что бы они ни проезжали, напоминало о детстве. Он сделал знак рукой, когда следовало съехать с автострады. За очередным поворотом уже угадывался край имения. Пол следовал его указаниям; они выехали на грунтовую дорогу, размытую зимними дождями и высушенную летней жарой, и наконец оказались перед зелёным портиком из кованого железа.

— Приехали, — сказал Артур.

— Ключи у тебя есть?

— Я открою ворота, подъезжай к дому и подожди меня. Я хочу спуститься к дому пешком, — сказал Артур.

— Она пойдёт с тобой или останется в машине?

— Спроси у неё сам!

— Нет уж, обойдусь!

— Побудь один, сейчас так будет лучше, — обратилась Лорэн к Артуру.

Тот улыбнулся и сказал Полу:

— Она остаётся с тобой, везунчик!

Оставшись в одиночестве, Артур огляделся. Широкие полосы красноватой земли, засаженные серебряными соснами, секвойями, гранатовыми деревьями и цератониями, плавно спускались к самому океану. Земля была усеяна порыжевшими на солнце иголками. Он ступил на маленькую каменную лестницу, идущую вдоль дороги. На полпути он скорее угадал, чем увидел остатки розария справа. Сад был заброшен, множество сливающихся запахов вызвали хоровод воспоминаний.

Когда он проходил мимо, цикады на мгновение смолкали, чтобы ещё громче запеть за его спиной. Высокие деревья склонялись под лёгким утренним ветром. Океан разбивал редкие волны о скалы. Прямо перед собой он увидел заснувший дом — таким, каким оставил в своих мечтах.

Ему показалось, что дом стал меньше. Фасад слегка пострадал от времени, но крыша была в порядке. Ставни закрыты.

Пол, поставив машину у входа, ждал Артура.

— Долго же ты спускался!

— Больше двадцати лет!

— Что теперь делать?

Они решили перенести тело Лорэн в кабинет на первом этаже. Без колебаний Артур вставил ключ в замочную скважину и повернул в

обратную сторону, как и следовало. Память содержит частицы воспоминаний и умеет их извлекать — никто не знает как и почему — в любой момент.

Артур вошёл в коридор, открыл дверь кабинета слева от центрального входа, пересёк комнату и поднял жалюзи. Он сознательно не смотрел по сторонам — время узнавания придёт позже. Быстро уложили тело на диван-кровать и установили капельницу.

Артур задвинул шпингалет на ставнях и кивнул Полу, чтобы тот шёл за ним на кухню: «Я приготовлю кофе». Он открыл шкаф над мойкой, достал металлический предмет необычной формы и начал его развинчивать, вращая каждую часть в противоположную сторону.

— Это что такое? — спросил Пол.

— Итальянская кофеварка, вот что!

Артур объяснил, как она действует. Единственная хитрость заключалась в том, чтобы вовремя снять кофеварку с огня, потому что «вскипевший кофе — пропавший кофе!». Когда он завершил свои объяснения, Пол присвистнул:

— Слушай, в этом доме нужно быть двуязычным инженером, чтобы приготовить кофе?

— Куда больше, мой друг, требуется талант, это же целый церемониал!

Артур включил газовый баллон под раковиной. Потом повернул кран слева от плиты и наконец нажал на кнопку поджига.

— Думаешь, газ ещё есть?

— Энтони никогда бы не оставил дом с пустым газовым баллоном в кухне. Спорим, что ещё, как минимум, два полных баллона стоят в гараже...

Потом машинально поднялся, подошёл к выключателю и нажал на него. Жёлтый свет залил комнату.

— А откуда электричество?

— Я позвонил в компанию, чтобы снова подключили, то же и с водой, если тебя это интересует, но лучше погаси, надо протереть от пыли лампочки, иначе они лопнут, как только нагреются.

— Где ты этому научился — готовить кофе по-итальянски и протирать лампочки, чтобы не лопнули?

— Здесь, приятель, в этой самой комнате. И ещё многим другим вещам.

— А как там кофе, готов?

Артур поставил на деревянный стол две чашки, налил в них дымящийся кофе.

— Подожди.

— Почему?

— Потому что ты обожжёшься, и потом, сначала его надо вдохнуть. Так, чтобы аромат проник в ноздри.

Лорэн подошла сзади к Артуру и обняла его. Положив ему голову на плечо, она прошептала:

— Мне здесь нравится. Тут так хорошо, тут так спокойно.

— Где ты была?

— Совершала хозяйский обход.

— Ну и как?

— Ты сейчас с ней говоришь, да? — прервал его Пол безнадежным тоном.

Не обратив ни малейшего внимания на вопрос Пола, Артур обратился к Лорэн:

— Тебе правда нравится?

— Надо было бы покапризничать... — ответила она, — но тебе придётся поделиться со мной секретами, это место ими полно, я их чувствую в каждом предмете.

— Если я тебе надоел, делай вид, что меня здесь нет! — гнул своё Пол.

Лорэн не хотела быть неблагодарной, но намекнула, что ей очень хотелось бы остаться с ним наедине. Она с нетерпением ждёт, когда он проведёт её по дому. Добавила, что хочет с ним поговорить.

Пол ждал, когда Артур удостоит его словом, но тот снова углубился в разговор с невидимой собеседницей. Пол решился прервать их:

— Ладно, если я тебе больше не нужен, то я хотел бы вернуться в Сан-Франциско; в бюро много работы, и потом, твои беседы с невидимкой действуют мне на нервы.

— Слушай, старайся шире смотреть на вещи, а?

— Что-что? Я, наверно, не расслышал. Ты только что сказал человеку, который помог тебе воскресным вечером спереть тело в больнице, причём на ворованной машине, и который пил кофе в трех часах езды от собственного дома, не спав перед этим всю ночь, что ему надо шире смотреть на вещи? Ты просто надутый индюк!

— Я не это хотел сказать.

Пол не желал разбираться, что именно хотел сказать Артур, а предпочёл бы вернуться домой, пока они не поругались, «потому что такое вполне вероятно, знаешь ли, и было бы обидно, учитывая все затраченные усилия».

Артур спросил, не слишком ли Пол устал, чтобы пускаться в обратную

дорогу. Пол успокоил его, заверив, что после такого крепкого кофе он продержится ещё несколько часов. На самом деле это он нервничает, оставляя друга без машины в заброшенном доме.

— В гараже стоит фордовский фургончик.

— Когда он последний раз ездил, твой фордовский фургончик?

— Давно!

— Ас места фордовский фургончик сдвинется?

— Конечно, заряджу аккумуляторы, и он сдвинется! Артур проводил Пола до машины.

— Не волнуйся за меня, ты и так много сделал.

— Конечно я за тебя волнуюсь. При нормальных обстоятельствах я не оставил бы тебя одного в этом доме. Хотя меня и вгоняла бы в дрожь мысль о привидениях!

— Катись!

Пол завёл мотор и опустил стекло перед тем, как тронуться с места.

— Ты уверен, что всё будет в порядке?

— Уверен.

— Ладно, тогда я поехал.

— Пол?

— Что?

— Спасибо.

— Пустяки.

— Нет, ты ведь так рисковал ради меня, даже не понимая всего, только из верности и дружбы, я знаю.

— Я знаю, что ты знаешь. Ладно, я поехал, а то мы разнюнимся. Береги себя и звони.

Обещание было дано, и «сааб» исчез за холмом. Лорэн вышла на крыльцо.

— Ну что, — сказала она. — Давай начнём хозяйский обход?

— Сначала внутри или снаружи?

— Прежде всего, где мы находимся?

— Ты в доме Лили.

— Кто это — Лили?

— Лили была моей матерью, и здесь я провёл первую половину моего детства.

— Её нет уже давно?

— Очень давно.

— И ты никогда сюда не возвращался?

— Никогда.

- Почему?
- Поговорим позже, сначала все осмотрим.
- Почему? — продолжала настаивать она.
- Я забыл, что в предыдущей жизни ты была упрямым мулом.

Потому что!

- Это из-за меня ты снова открыл дом?
- Ты не единственный фантом в моей жизни, — мягко сказал он.
- Тебе нелегко быть здесь. Ты сделал это для меня?
- Я это сделал, потому что пришёл момент попробовать.
- Попробовать что?
- Открыть чёрный чемоданчик.
- Не хочешь объяснить, что за чемоданчик?
- Воспоминания.
- И много их здесь?
- Почти все. Это мой дом.
- Твоя мать умерла неожиданно?
- Нет, она умерла от рака, и она знала. Это только для меня случилось очень быстро. Идём.

И Артур повёл Лорэн к океану, окаймлявшему сад. Они уселись у скал.

- Если бы ты знала, сколько часов я провёл сидя здесь вместе с ней.

Мы часто приходили сюда посмотреть на заход солнца. Один закат не похож на другой. Из-за температуры океана, воздуха, из-за многих вещей краски неба никогда не бывают одинаковыми. Как в городах люди возвращаются в определённый час, чтобы посмотреть новости по телевизору, так здесь люди выходят посмотреть заход солнца, это ритуал.

- Ты долго прожил здесь?
- Мне было десять лет, когда она умерла.
- Сегодня вечером ты покажешь мне заход солнца!
- Здесь это обязательно, — улыбаясь, сказал он.
- Дом отлично сохранился, — сказала Лорэн.
- Энтони маниакально следил за ним. Садовник, мастер на все руки,

рыбак, кормилица, сторож — Энтони был неудавшимся художником, и мама приютила его. Он жил здесь во флигеле.

До того как папа попал в авиакатастрофу, Энтони был другом моих родителей. Я думаю, он всегда любил маму, даже когда папа ещё был здесь. Подозреваю, что они стали любовниками, но намного позже. Она поддерживала его в жизни, он поддерживал её. Они мало разговаривали между собой, во всяком случае, когда я бодрствовал, но они необычайно понимали друг друга. Им хватало одного взгляда. В молчании они

находили прибежище от всех жестокостей, с которыми обоим пришлось столкнуться в жизни.

Им было так спокойно вместе, что других это обескураживало. Казалось, что Лили и Энтони избрали своим кредо отказ от гнева или возмущения.

— Что с ним стало?

— Энтони на десять лет пережил Лили. Остаток жизни он провёл, ухаживая за домом. Лили оставила ему деньги — таков был её стиль: предвидеть все, даже непредвиденное. В этом Энтони был похож на неё.

Он умер в больнице в начале зимы. Одним солнечным и свежим утром он проснулся усталым. Смазывая петли ворот, он внезапно почувствовал глухую боль в груди. Пошёл между деревьями, пытаясь вдохнуть воздух, которого вдруг стало не хватать. Старая ель, под которой он проводил весенние и летние сиесты, приняла его под свои ветви, когда он, обессиленный, упал. Ошеломлённый болью, Энтони дополз до дома и позвал соседей. Его отвезли в отделение неотложной помощи в Монтеррей, где он и умер через день.

После его смерти семейный адвокат связался со мной, чтобы узнать, как поступить с домом. Он сказал мне, что был поражён, когда побывал там. Энтони все убрал, как если бы уезжал в путешествие, в тот день, когда почувствовал себя плохо.

— Может быть, это он и собирался сделать?

— Энтони — уехать в путешествие? Нет, даже чтобы заставить его съездить за покупками, требовались долгие переговоры, и начинать их надо было загодя. Нет, я думаю, у него сработал инстинкт, как у старого слона: он почувствовал, что пришёл его час. Или, возможно, он устал и поддался.

Тут Артур вспомнил, что однажды ответила мать на его вопрос о том, бояться ли взрослые смерти: «Если ты хорошо провёл день, рано встал, чтобы пойти со мной на рыбалку, набегался, поработал в розарии с Энтони, то к вечеру ты устал. И даже ты, который терпеть не может укладываться в постель, будешь счастлив улечься.

Жизнь напоминает один из таких дней. Мысль, что в конце ты отдохнёшь, приносит спокойствие и утешение. Когда всё становится трудным и утомительным, вечный сон не пугает, как раньше».

Мама была уже больна, и я думаю, она знала, о чём говорила.

— А ты ей что сказал?

— Я вцепился в её руку и спросил, не устала ли она. Она улыбнулась. Короче, я хотел сказать, что не верю, будто Энтони устал жить, нет, это не депрессия; я полагаю, к нему пришла мудрость.

Они направились к дому, но Артур свернул, чувствуя, что готов зайти в розарий.

— Мы идём к сердцу королевства, в розовый сад!

— Почему «сердце королевства»?

— Лили была помешана на розах. На моей памяти розы были единственным предметом её перепалок с Энтони. Она заказывала черенки по каталогу, её гордостью было разведение сортов со всего мира, особенно если в примечании указывалось, что климатические условия, необходимые для благополучного существования растения, совершенно отличны от местных. Для неё становилось делом чести уличить садоводов в невежестве и вырастить из черенка куст.

— И много таких кустов было?

Он насчитал около ста тридцати пяти. Однажды, когда начался страшный дождь, Энтони и мать встали среди ночи и побежали в гараж за огромным куском брезента. Энтони закрепил три угла брезента кольями, а четвёртый они вдвоём держали на вытянутых руках, один — забравшись на складную лестницу, другая — стоя на вышке теннисного судьи. Когда гигантский зонтик становился слишком тяжёлым от скопившейся дождевой влаги, они его встряхивали. Буря длилась больше трех часов. «Если бы дом загорелся, я уверен, они меньше бы всполошились. Посмотрела бы ты на них наутро, они были как две развалины». Но розарий был спасён.

— Посмотри, — воскликнула Лорэн, — сколько ещё здесь цветов!

— Да, это дикие розы, они не боятся ни солнца, ни дождя; тебе лучше надеть перчатки, если хочешь их срезать — на них полно шипов.

Они провели большую часть дня, вновь и вновь открывая для себя уголки просторного сада, окружающего дом. Артур показывал деревья, зарубки, которые когда-то оставил на коре. Обходя кругом одну из сосен, он показал место, где сломал ключицу.

— Как ты умудрился?

— Я созрел и упал с дерева!

День пролетел незаметно. Вечером они вернулись на берег океана, уселись на камни и увидели картину, ради которой люди съезжаются со всего мира. Лорэн широко развела руки и воскликнула: «Микеланджело сегодня в ударе!» Артур глянул на неё и улыбнулся. Вернувшись в дом, они вместе совершили «уход за телом», потом Артур развёл огонь в камине в маленькой гостиной.

— Так что такое чёрный чемоданчик?

— Ты ничего не забываешь!

— Нет, просто внимательно слушаю.

— Это чемодан, который принадлежал маме; она хранила там письма и сувениры. Я думаю, что этот чемодан, по сути, содержит все главное в её жизни.

— Что значит — «я думаю»?

Чемодан был великой тайной. Весь дом принадлежал Артуру, кроме шкафа, где лежал чемодан. Доступ был категорически запрещён. «И я не стал рисковать!»

— Где он?

— В кабинете.

— И ты так ни разу и не вернулся, чтобы открыть его? Поверить не могу!

Глядя, как Лорэн скептически сморщила лоб, Артур признался:

— Ладно, правда в том, что я всегда трусил.

— Почему?

— Не знаю; боялся, что это изменит образ, который я сохранил, боялся, что печаль будет слишком сильной.

— Сходи за ним!

Артур не двинулся с места. Лорэн настаивала, чтобы он сходил за чемоданчиком. Бояться нечего. Если Лили убрала всю свою жизнь в чемоданчик, то именно для того, чтобы однажды сын узнал, какой была мать. Она любила его не для того, чтобы он жил, не прикасаясь к её образу.

— Риск любви в том, что любишь недостатки так же, как и достоинства, они неразделимы. Чего ты боишься — что станешь осуждать мать? Ты по натуре не судья. Ты не можешь отворачиваться от того, что там хранится, ты нарушаешь её же закон!.. Ведь она оставила чемоданчик, чтобы рассказать о себе, чтобы ты продолжил то, что время не позволило сделать ей, чтобы ты действительно узнал её, не только как ребёнка, но глазами и сердцем мужчины!

Артур несколько секунд размышлял. Потом встал, пошёл в кабинет и открыл шкаф. Посмотрел на чёрный чемоданчик, лежащий на полке, взялся за потёртую ручку и понёс прошлое в настоящее.

Вернувшись в гостиную, он сел по-турецки рядом с Лорэн, и они поглядели друг на друга, как два ребёнка, обнаружившие шкатулку с сокровищами.

Переведя дыхание, он сдвинул две защёлки, и крышка открылась. Чемодан был наполнен конвертами самых разных размеров, в них лежали письма, фотографии, какие-то маленькие предметы, самолётик, слепленный из крутого теста, который Артур изготовил ко Дню матери, пепельница из пластилина — его же подарок на Рождество, ожерелье из ракушек

непонятного происхождения, серебряная ложечка и детские пинетки. Настоящая пещера Али Бабы. Сверху лежало адресованное ему письмо.

Мой Артур!

Вот наконец ты и дома. Время затягивает раны, хотя не избавляет нас от шрамов. В этом чемодане ты найдёшь все мои воспоминания — и о тебе, и до тебя, и те, о которых я не могла рассказать, потому что ты был ещё ребёнком. Ты увидишь меня другими глазами, ты многое узнаешь; я была твоей мамой, но я была и женщиной, со страхами, сомнениями, поражениями, сожалениями и победами. Чтобы давать советы, которыми я тебя щедро наделяла, я тоже должна была ошибаться, и со мной это случалось часто. Родители — это горы, на которые всю жизнь стараешься взобраться, пока однажды сам не заметишь, что играешь их роль.

Знаешь, нет ничего более сложного, чем вырастить ребёнка. Всегда стараешься поступать правильно, прекрасно зная, что беспрестанно ошибаешься. Для большинства родителей все сводится к любви, даже если иногда не можешь избавиться от доли эгоизма. Жизнь — вовсе не священнодействие. В тот день, когда я закрыла этот чемоданчик, я испугалась, что разочарую тебя.

Я не знаю, сколько лет тебе будет, когда ты прочтёшь это письмо. Я представляю тебя молодым красивым мужчиной лет тридцати, может, старше. Боже, как бы я хотела прожить эти годы рядом с тобой. Если бы ты знал, до какой степени мысль, что я не увижу тебя утром, когда ты открываешь глаза, не услышу звук твоего голоса, когда ты меня зовёшь, опустошает меня. Эта мысль причиняет мне большую боль, нем недуг, который уносит меня так далеко от тебя.

Я всегда любила Энтони настоящей любовью, но эта любовь так и не стала моей жизнью. Потому что я боялась — твоего отца, той боли, которую я могла ему причинить, боялась разрушить то, что я создала, боялась признать, что я ошиблась. Я боялась нарушить установленный порядок, боялась начать все сначала, боялась, что ничего не получится, что все останется лишь мечтой. Но не прожить эту любовь было кошмаром. Ночью и днём я думала о нём, и я его себе запрещала.

Когда твой отец умер, страх остался — страх предать, страх

за тебя. Все превратилось в бесконечную ложь.

Энтони любил меня так, как любая женщина мечтает быть любимой хотя бы раз в жизни. И я не смогла вернуть ему эту любовь — из-за трусости. Я прощала себе слабости, я находила удовольствие в дешёвой мелодраме и не знала, что жизнь проходит слишком быстро, а я позволяю ей пройти мимо меня.

Твой отец был хорошим человеком, но Энтони в моих глазах был единственным: никто не смотрел на меня так, как он, никто не говорил со мной так, как он; рядом с ним ничего не могло случиться со мной, я чувствовала себя абсолютно защищённой. Он понимал каждое моё желание и не уставал выполнять их. Вся его жизнь была основана на гармонии, на теплоте, на умении давать. Он протягивал мне руку, а я искала смысл существования в борьбе и не умела принимать дары. Я струсилась, я заставила себя поверить, что это счастье невозможно, что жизнь не может быть так сладка.

Единственную ночь мы занимались любовью; тебе было тогда пять лет. Я забеременела, но тогда не сохранила ребёнка. Я никогда не говорила об этом Энтони, но уверена, что он знал. Он всегда все угадывал во мне.

Возможно, хорошо, что все произошло именно так, — из-за моей болезни. Но я всё же думаю, что болезнь, может быть, не развилась бы, если бы я была в мире с самой собой. Все эти годы мы жили в тени моей лжи, я лицемерила с жизнью, и она мне этого не простила.

Вот ты и узнал намного больше о твоей матери. Я колебалась, говорить ли тебе, в очередной раз боясь осуждения. Но не я ли учила тебя, что худшая ложь — это ложь самому себе?

Существует так много вещей, которые мне бы хотелось разделить с тобой, но нам было отпущено мало времени. Энтони не стал тебе отцом из-за меня. Когда я узнала о своей болезни, было уже поздно отступать.

Ты найдёшь массу всего в неразберихе, которую я тебе оставляю, твои фотографии, мои, Энтони, его письма — не читай их, они принадлежат мне. Они здесь, потому что я не могла решиться с ними расстаться. Ты спросишь, почему нет фотографий твоего отца, — я порвала все однажды ночью — я была в гневе на себя...

Я старалась сделать лучшее из возможного, любовь моя,

лучшее из всего, что могла сделать женщина, какой я была, со всеми своими достоинствами и недостатками; но знай, что ты был моей жизнью, всем её смыслом, самым прекрасным, что со мной произошло. Я молюсь, чтобы однажды и ты узнал это несравненное чувство — иметь ребёнка; ты многое поймёшь.

Моей самой большой гордостью было бы остаться твоей Мамой, навсегда.

Я люблю тебя.

Кили Артур сложил письмо и положил на чемодан. Лорэн увидела, что он плачет, подошла к нему и вытерла слезы кончиком указательного пальца. Удивлённый, он поднял глаза, и горе его было смыто неясностью её взгляда. Потом палец Лорэн скользнул к его подбородку и приподнял его. Артур провёл рукой по её щеке, потом их губы соприкоснулись...

— Почему ты делаешь это для меня, Артур?

— Потому что я люблю тебя, и тебя это не касается.

Он взял её за руку и повёл из дома.

— Куда мы идём? — спросила она.

— К океану.

— Нет, здесь, — сказала она, — сейчас.

Она встала перед ним и расстегнула ему рубашку.

— Но как ты сумела, ты же не могла?..

— Не задавай вопросов, я не знаю...

Она заставила рубашку соскользнуть с его плеч, проведя руками по спине. Он почувствовал, что растерялся — как можно раздеть фантом? Она улыбнулась, закрыла глаза и в ту же секунду оказалась обнажённой.

— Мне достаточно было подумать о модели платья, и оно немедленно оказывалось на мне; не представляешь, как я этим попользовалась...

Она обвила его вокруг него и поцеловала.

В душу Лорэн проникло его мужское тело, а её душа проникла в тело Артура — на миг объятия... Чемодан был открыт.

ГЛАВА 12

Инспектор Пильгез явился в госпиталь в одиннадцать часов.

Старшая по смене позвонила в полицию, как только заступила на службу, в шесть часов утра. Пациентка в коме исчезла из госпиталя, и речь идёт о похищении.

Записку с соответствующей информацией Джордж Пильгез нашёл на своём столе, когда пришёл на работу, и пожал плечами, задаваясь вопросом, почему дела такого рода вечно сваливаются именно на его голову. Сорвав зло на Наталии, которая распределяла вызовы, поступающие в Центральную диспетчерскую, он развернулся на каблуках и отбыл. Начиналась плохая неделя. И она была лишь продолжением другой плохой недели, которая закончилась два дня назад.

В больнице Джордж Пильгез встретился со старшей медсестрой Ярковицки. Она увидела перед собой плохо выбритого мужчину, полноватого, но не лишённого элегантности.

— Это ужасно, — сказала она, — никогда ничего подобного не случалось.

Тем же тоном она добавила, что председатель административного совета госпиталя был вне себя и хотел бы повидаться с инспектором после полудня. Он должен вечером доложить о случившемся членам совета. «Вы ведь найдёте её, инспектор?»

— Возможно, если вы мне расскажете все с самого начала.

По словам Ярковицки, похищение произошло в момент смены служб. Вечернюю сестру ещё не нашли, а её ночная сменщица подтвердила, что во время обхода в два часа ночи место было пустым. Она подумала, что пациентка умерла, а постель ещё не прибрали. Такова традиция — в течение двадцати четырех часов постель, на которой скончался пациент, остаётся незанятой. И только когда Ярковицки делала свой первый обход, она осознала всю драматичность происшедшего и забила тревогу.

— Может быть, больная очнулась от комы, почувствовала, как ей тут надоело, и отправилась пройтись — что вполне понятно, если она пролежала довольно долго.

— Я очень ценю ваш юмор, поделитесь им с её матерью, она сейчас в кабинете начальства и придёт сюда с минуты на минуту.

— Да, конечно, — согласился Пильгез, разглядывая носки своих башмаков. — А в чём может заключаться выгода или смысл, если это

похищение?

— Какое это имеет значение? — ответила раздражённо медсестра, как если бы они зря теряли время.

— Знаете, — сказал Пильгез, устремляя на неё настойчивый взгляд, — как бы странно это ни звучало, девяносто девять процентов преступлений имеют мотив. В принципе больного в коме не похищают воскресным вечером просто для того, чтобы посмеяться. Кстати, вы уверены, что её не перевели в другое отделение?

— Я уверена; в приёмном отделении остались справки о транспортировке, её увезли на «скорой помощи».

— Какая компания? — спросил он, доставая блокнот.

— Никакая.

Когда утром ей сообщили, что кровать 505 свободна, она тут же отправилась в приёмное отделение. В регистратуре ей передали документы, и она сразу увидела, что дело неладно. Не хватало одного формуляра, а синий был заполнен неправильно.

— Я не понимаю, как эта кретинка позволила себя надуть...

Пильгез пожелал узнать данные «кретинки». Её звали Эммануэль, и вчера она дежурила на входе...

— Это она допустила.

Джордж чувствовал, что у него начинается звон в голове от звуков голоса старшей медсестры. Поскольку в момент происшедшего она отсутствовала, Пильгез взял список вчерашнего персонала и с чистой совестью откланялся.

Из машины он позвонил Наталии и попросил пригласить в участок всех лиц из списка.

К концу дня он выслушал всех и узнал, что в ночь с воскресенья на понедельник фальшивый доктор, переодетый в халат настоящего медика и, кстати, весьма антипатичный на вид, появился в госпитале в сопровождении санитаря скорой помощи и с подложными документами на перевозку. Эти двое без всяких трудностей забрали тело мисс Лорэн Клайн, пациентки, находящейся в глубокой коме.

Однако свидетельство студента-медика внесло поправки в рапорт: фальшивый доктор мог быть и настоящим. Вышеозначенный студент позвал его на выручку, и тот оказал ему значительную помощь. Как уточнила медсестра, которая принимала участие в этом непредвиденном вмешательстве, точность, с которой он осуществил введение катетера, заставляла думать, что он был хирургом или, как минимум, работал в службе скорой помощи.

Пильгез поинтересовался, мог ли простой медбрат ввести катетер, и получил разъяснение, что медсестра или медбрат достаточно подготовлены, чтобы провести такого рода процедуру, но все обстоятельства — быстрота решения, указания, данные студенту, и уверенность движений — свидетельствуют скорее в пользу его принадлежности к врачебному корпусу.

— Есть идеи по этому делу? — спросила его Наталия, уже собравшись уходить.

— Ничего не складывается. Врач, который вроде бы приехал похитить из госпиталя женщину в коме, работа профессиональная, «скорая помощь» подставная, бумаги поддельные.

— И что ты думаешь?

— Возможно, торговля органами. Крадут тело, перевозят в секретную лабораторию, оперируют, забирают части, которые их интересуют, печень, почки, сердце, лёгкие, и все это продаётся баснословные деньги не слишком щепетильным клиникам.

Оставшись один на этаже (ночная бригада размещалась внизу), Пильгез включил компьютер и соединился с центральной картотекой. Набрал на клавиатуре слово «клиника» и закурил сигарету, ожидая, пока сервер найдёт то, что надо. Через несколько минут принтер начал выплёвывать страницы распечатки. Инспектор собрал всю кипу и отнёс к себе на стол, ворча:

— Ну вот, навалил!

И чтобы определить, кто из них мог быть замазан в деле, осталось только связаться с сотней региональных банков и выяснить список частных клиник, которые обращались с просьбой о банковской ссуде за последние десять месяцев. Из полутьмы от входа донёсся вопрос Наталии:

— Почему за последние десять месяцев?

— Потому что таков полицейский инстинкт. А почему ты вернулась?

— Потому что таков женский инстинкт.

— Очень мило с твоей стороны.

— Всё зависит от того, куда ты потом поведёшь меня ужинать. Думаешь, напал на след?

На его взгляд, след казался слишком простым. Он решил, что неплохо бы Наталии созвониться с отделом контроля муниципальной патрульной службы и поинтересоваться, не мелькало ли в текущих рапортах за воскресную ночь какое-нибудь упоминание о «скорой помощи».

— Никто не гарантирован от случайной удачи, - заметил он.

Наталия сняла трубку.

Дежурный полицейский проглядел данные на своём компьютере. Ни одного рапорта подано не было. Наталия попросила расширить поиск на весь район, но экран был нем. Дежурный искренне сожалел, но ни одна машина срочной службы не была объектом ни уличного происшествия, ни рутинного контроля в ночь с воскресенья на понедельник.

Наталия повесила трубку, предварительно попросив сообщить, если вдруг появится новая информация.

— Очень жаль, но у них ничего нет.

— Ну что ж, поведу-ка я тебя ужинать, поскольку банки ничего нового нам сегодня не сообщат.

Они отправились в «Перри» и сели в зале, выходящем окнами на улицу.

Джордж рассеянно слушал Наталию, поглядывая сквозь стекло на улицу.

— Как давно мы знакомы, Джордж?

— Это один из вопросов, которые никогда не надо задавать, красавица моя.

— Почему?

— В любви нет места арифметике!

— Всё-таки сколько?

— Достаточно, чтобы ты меня выносила, и недостаточно, чтобы ты меня больше не могла выносить!

— Нет, гораздо дольше!

— С клиниками неувязка. Я всё время упираюсь в мотив преступления: в чём здесь интерес?

— Ты видел её мать?

— Нет, завтра утром.

— Может, это она, ей надоел госпиталь.

— Не говори глупости, только не мать, это слишком рискованно.

— Я хочу сказать, возможно, она решила положить всему конец. Приходить каждый день и видеть своего ребёнка в таком состоянии... Иногда начинаешь думать, что лучше бы все прекратилось, начинаешь соглашаться с мыслью о смерти.

— И ты себе представляешь, как мать проворачивает подобное дело, чтобы убить собственную дочь?

— Нет, ты прав, это слишком дико.

— Без мотива мы ничего не найдём.

— Остаётся твой след — клиники.

— Думаю, это тупик, я там ничего не чувствую.

— Зачем ты так говоришь? Ты же хотел, чтобы я осталась с тобой поработать сегодня вечером!

— Я хотел, чтобы ты поужинала со мной сегодня вечером! Нет, это слишком бросается в глаза. Они никогда не смогли бы повторить подобный трюк, все больницы будут на чеку, а я не думаю, чтобы цена одного тела стоила такого риска. Сколько стоит почка?

— Две почки, печень, селезёнка, сердце — все вместе около ста пятидесяти тысяч долларов.

— Ещё дороже, чем у моего мясника, подумать только!

— Ты отвратителен.

— Сама видишь, это ложный путь — для клиники, даже оказавшейся на мели, сто пятьдесят тысяч долларов ничего не изменят. Нет, деньги здесь ни при чём.

— Возможно, дело в срочной необходимости получить конкретный орган.

Она продолжила свою мысль: для кого-то наличие или отсутствие нужного органа и его совместимость могли быть вопросом жизни и смерти. Люди умирают, потому что не могут вовремя получить почку или печень. Кто-то, располагающий достаточными финансовыми возможностями, мог заказать похищение человека в состоянии необратимой комы, чтобы спасти, например, своего ребёнка или себя самого.

Пильгез счёл этот след сложным, но допустимым, Наталия не видела в своей теории особой сложности, для Пильгеза же эта сложность заключалась в том, что круг подозреваемых существенно расширился, придётся искать не обязательно преступника. Чтобы выжить самому либо спасти ребёнка, многие способны поддаться соблазну пожертвовать кем-то, кто признан клинически мёртвым. Преступник мог считать, что к нему неприменимо понятие убийства — если учитывать конечную цель.

— Ты полагаешь, что следует прочесать все клиники и искать богатого пациента, ожидающего донорского органа? — спросила она.

— Я и не надеюсь; это муравьиная работа и в крайне деликатной области.

Мобильник Наталии зазвонил, она включила его, внимательно выслушала, что-то записала на салфетке и поблагодарила собеседника.

— Кто это?

— Из службы контроля, тот, с кем я недавно разговаривала.

— И что?

Контролёру пришлось в голову передать сообщение ночным патрулям, просто чтобы проверить, не заметил ли кто-нибудь чего-то

подозрительного в связи с машиной скорой помощи, не внеся этого в рапорт.

— И что?

— А то, что мысль оказалась отличной. Один из патрулей засёк и отследил допотопную «скорую помощь», которая вчера вечером ездила кругами по кварталам Грин-стрит, филберт и Юнион-стрит.

— Чую знакомый запах...

— Они остановили парня за рулём этой «скорой», и он рассказал, что машина отправляется на покой после десяти лет беспорочной службы. Они подумали, что водитель привязался к своей колымаге и тянет время, прежде чем в последний раз отвести в гараж.

— Какая модель?

— «Форд», семьдесят первая модель.

Пильгез быстро подсчитал в уме. Если «форд», отправленный на свалку вчера вечером после десяти лет работы, был произведён в семьдесят первом году, думается, что его должны были одиннадцать лет хранить в целлофане, прежде чем начать использовать. Шофёр просто вешал лапшу на уши полицейским. След был у Пильгеза в руках.

— Есть кое-что ещё лучше, — добавила Наталия.

— Что?

— Они проследили его до гаража, куда он поставил «скорую». И у них есть адрес. Хочешь, отправимся туда прямо сейчас?

— Нет, завтра утром, гараж наверняка закрыт, а без ордера я ничего не смогу сделать. И потом, я хотел бы там появиться, не привлекая особого внимания. Мне нужно заловить не «скорую», а тех типов, которые ею воспользовались.

Пильгез заплатил по счёту. Они вышли и остановились на тротуаре. Место, где засекли «скорую помощь», находилось через перекрёсток от того, где они только что ужинали, и Джордж поглядывал в конец улицы, будто пытаясь различить туманный образ.

— Знаешь, чего бы мне хотелось? — спросила Наталия.

— Нет, но ты мне сейчас скажешь.

— Чтобы ты переночевал у меня, сегодня мне не хочется спать одной.

— У тебя имеется зубная щётка?

— У меня осталась твоя!

— Идём, я тоже хотел остаться с тобой сегодня. Уже много времени прошло.

— С прошлого четверга.

— Вот я и говорю.

Вторник прошёл плодотворно. Встретившись с миссис Клайн, он отнёс все подозрения в её адрес, узнав, что медики сами предлагали поставить точку. Уже два года закон закрывал глаза в подобных случаях.

Мать готова была сотрудничать. Она была потрясена по-настоящему. Пильгез умел отличать людей искренних от тех, кто изображал страдания. Миссис Клайн совершенно не подходила на роль человека, способного организовать подобную операцию.

В гараже Пильгез обнаружил подозреваемую «скорую помощь». Оказалось, предприятие специализировалось на ремонте машин срочных служб. Там работало около сорока механиков и человек десять администрации. Итого, около пятидесяти потенциальных подозреваемых.

Хозяин внимательно выслушал инспектора и задал только один вопрос — почему преступники благовоспитанно вернули машину на место. Пильгез пояснил, что кража привлекла бы излишнее внимание полицейских. Возможно, кто-то из работников гаража был замешан в деле и надеялся, что заимствование пройдёт незамеченным. Надо искать соучастников. Тем более что на замочной скважине не было следов взлома.

Пильгез спросил у хозяина, чем могли руководствоваться злоумышленники, выбирая именно эту колымагу. В ответ он услышал, что она была единственной на ходу. На вопрос, возможно ли, чтобы кто-то забрал ключ и изготовил дубликат на протяжении дня, хозяин ответил положительно. Таким образом, под подозрение попадали все. Пильгез попросил выдать ему личные дела персонала и личные дела тех служащих, кто покинул гараж за последние два года. В участок он вернулся около двух часов дня. Наталия ещё не пришла с обеда, и он погрузился в глубокое изучение пятидесяти семи коричневых папок.

Наталия появилась ближе к трём часам, с новой причёской, готовая к саркастическим замечаниям Джорджа.

— Помолчи, Джордж, сейчас ты скажешь какую-нибудь глупость, — заявила она, входя и даже ещё не положив сумочку.

Пильгез поднял глаза от бумаг, оглядел Наталию и выдавил улыбку. Наталия, не дожидаясь, пока Пильгез заговорит, подошла к нему и прижала указательным пальцем к его губам, чтобы не дать открыть рот: — У меня есть нечто, что заинтересует тебя куда больше моей причёски, но я расскажу, только если ты воздержишься от комментариев, идёт?

Он сделал вид, что ему заткнули рот кляпом, и издал утробный звук, означающий, что уговор принят. Она убрала палец.

— Звонила миссис Клайн, она вспомнила одну деталь, которая может оказаться важной, и просила тебя перезвонить. Она дома и ждёт твоего

звонка.

— Но мне ужасно нравится твоя причёска, и она тебе очень идёт.

Наталия улыбнулась и отошла к своему столу.

Миссис Клайн по телефону пересказала Пильгезу странный разговор с молодым человеком, случайно встреченным на набережной.

Она подробно описала встречу с неким молодым архитектором, который якобы познакомился с Лорэн в отделении неотложной помощи, когда порезал руку. Он утверждал, что часто обедал с Лорэн. Собака вроде узнала его. Но ей показалось маловероятным, чтобы дочь ни разу не обмолвилась о нём, особенно если, как он говорил, встречи длились два года.

— Получается, что вы предлагаете мне отыскать некоего архитектора, который порезался два года назад, которого лечила ваша дочь и которого мы должны подозревать, потому что во время случайной встречи с вами он выразил крайнее несогласие с идеей эвтаназии?

— Вам это не кажется серьёзным следом? — спросила она.

— Нет, не кажется! — И он повесил трубку.

— Ну и в чём дело? — поинтересовалась Наталия.

— Это здорово, что ты немного подрезала волосы.

— Понятно, рано обрадовались.

Пильгез опять погрузился в личные дела служащих гаража, но ни в одном не содержалось ничего наводящего на подозрения. Раздосадованный, он схватил телефонную трубку и, зажав её между ухом и подбородком, набрал номер госпиталя. Оператор подошла на девятом гудке.

— Да уж, с вами лучше не умирать!

— А с этим следует обращаться непосредственно в морг, — не задержалась с ответом дежурная.

Пильгез представился и спросил, позволяет ли её информационная система найти данные обращений в неотложную службу — по отделениям и по типу ранений.

— Зависит от периода, который вас интересует, — ответила она и добавила, что медицинская тайна в любом случае не позволяет ей выдавать подобного рода информацию, тем более по телефону.

Он швырнул трубку, не дав ей договорить, схватил плащ и быстрым шагом направился к машине. Промчался через весь город с мигалкой на крыше и завывающей сиреной. Не прошло и десяти минут, как он прибыл в Мемориальный госпиталь и предстал перед дежурной в приёмном покое.

— Вы попросили меня найти молодую женщину в коме, которую у вас

изъяли в ночь с воскресенья на понедельник, так что или мне здесь будут помогать и перестанут давить на нервы рассказами о залежалых врачебных тайнах, или я займусь другим.

— Чем я могу вам помочь? — спросила Ярковицки, появляясь в дверном проёме.

— Сказать мне, могут ли ваши компьютеры найти архитектора, который поранился и попал на приём к вашей исчезнувшей коллеге.

— За какое время смотреть?

— Возьмём два года.

Она склонилась над компьютером и нажала несколько клавиш на клавиатуре.

— Сейчас проверим данные на поступавших и поищем архитектора, — сказала она. — Это займёт несколько минут.

— Я жду.

Экран вынес вердикт за шесть минут. Ни один архитектор с такого рода повреждений не проходил лечения за последние два года.

— Вы уверены?

Она была категорически уверена, графа «профессия» подлежала обязательному заполнению из-за страховок и статистики профессионального травматизма. Пильгез поблагодарил и поехал в участок. Не отрывая взгляд от дороги, он взял мобильник и набрал номер Наталии.

— Посмотри, не живёт ли какой-нибудь архитектор в группе домов, рядом с которой засекли «скорую помощь».

— То есть Юнион, Филберт и Грин?

— И Вебстер, но глянь заодно и две прилегающие улицы.

— Я тебе перезвоню, — сказала она.

Запросу соответствовал адрес только одного архитектора.

Пильгез задумался на несколько секунд и обратился к Наталии:

— У нас нет лишнего стажёра на эти дни? Пришли мне одного, пусть подежурит у дома того архитектора, который живёт внутри квадрата, и пусть постарается раздобыть его фотографию, когда тот вернётся домой.

В среду утром Пильгез узнал, что дежурство стажёра закончилось неудачей — нужный человек ночью домой не вернулся.

— Ладно, — сказал инспектор стажёру, — к вечеру положишь мне на стол всё, что касается этого типа: возраст, педик он или нет, употребляет ли наркоту, где работает, есть ли у него собака, кошка, попугай, где он в данный момент, где учился, служил ли в армии, все его страстишки. Позвонишь армейским, в ФБР, мне плевать, но я должен все знать.

— Я сам гомосексуалист, инспектор! — возразил стажёр не без

некоторой гордости. — Но это мне не мешает выполнить задание.

В среду утром солнце взошло над Кармелом в лёгкой дымке. Лорэн проснулась рано. Она вышла из комнаты, чтобы не будить Артура, и теперь бесилась от собственной неспособности приготовить ему хотя бы самый простенький завтрак. Тем острее она радовалась тому, что он мог прикоснуться к ней, чувствовать её и любить как живую женщину.

Лорэн столкнулась с чередой явлений, понять которые никогда не могла. И вспомнила, как отец однажды сказал ей: «Формулу можно вывести, только решив множество уравнений. Нет ничего невозможного, лишь границы нашего рассудка определяют некоторые вещи как непостижимые. Это вопрос времени и рамок, в которые заключён наш мозг. Пересадить сердце, заставить летать самолёт, который весит триста пятьдесят тонн, ходить по Луне — это потребовало много труда, но главное — воображения. Поэтому, когда наши высоколбые учёные утверждают, что невозможно пересадить мозг, передвигаться со скоростью света, клонировать человеческое существо, я говорю себе, что они просто не научились понимать, что возможно все, это лишь вопрос времени — времени, которое потребуется, чтобы придумать, как это сделать».

Все, что Лорэн переживала сейчас на собственном опыте, было нелогично, необъяснимо, противоречило основам её научных знаний. Но это было. Кроме того, в последние два дня она занималась любовью с мужчиной, испытывая чувства и ощущения, каких не знала никогда, даже когда её тело и душа были едины.

Она смотрела, как прекрасный огненный шар всплывает над горизонтом, и думала об одном — только бы все это не кончалось.

Артур проснулся чуть позже, не нашёл Лорэн в постели, накинул халат и вышел на крыльцо. Он обнаружил Лорэн на скале и обнял, прежде чем она заметила, как он подошёл.

— Это впечатляет, — сказал он.

— Знаешь, я думаю, что поскольку будущее мы себе представить не можем, то могли бы закрыть чемодан и жить настоящим. Хочешь кофе?

— Полагаю, кофе просто необходим. А потом я поведу тебя посмотреть на ушастых тюленей, как они купаются у скал на мысе.

— Настоящие ушастые тюлени?

— И тюлени, и пеликаны... А ты разве никогда ещё не бывала здесь?

— Один раз я собралась, да ничего не вышло.

— Все относительно. Зависит от того, под каким углом смотреть на вещи. И потом, мне казалось, что мы должны закрыть чемодан и жить настоящим?

К концу того же дня стажёр положил, чтобы не сказать — швырнул толстое досье, которое он собрал, на стол Пильгеза.

— И что выяснилось? — спросил тот, даже не пролистав бумаги.

Стажёр отрапортовал: за их архитектором ничего подозрительного не значилось. Парень был нормальной не придумаешь, не кололся, поддерживал хорошие отношения с соседями и ни в каких полицейских архивах не числился. Учился в Калифорнии, некоторое время жил в Европе, прежде чем окончательно обосновался в своём родном городе. Не принадлежал ни к какой политической партии, не был членом ни одной секты, не боролся ни за какую идею. Он платил налоги, штрафы и даже никогда не был задержан ни в состоянии опьянения, ни за превышение скорости.

— Короче, скучный тип.

— А чему я должен радоваться?

— Он даже не гомосексуалист!

— Но я ничего не имею против них. Что там у тебя ещё?

— Его старый адрес, фотография, тоже староватая, я получил её в Службе регистрации дорожной полиции, и она сделана несколько лет назад, он должен обновить права в конце года; статья, которую он опубликовал в «Калифорнийском архитекторе», копия диплома, список банковских счётов и справка о недвижимости.

— Как ты все это раздобыл?

— У меня приятель в налоговом управлении. Ваш архитектор сирота, он унаследовал дом в бухте Монтеррей.

— Думаешь, он там проводит отпуск?

— Он там, и единственное, что вас возбудит, так именно эта халупа.

— Почему?

— Потому что телефона там нет, что мне показалось странным для дома, стоящего на отшибе. Его как отключили десять лет назад, так больше и не включали. Зато теперь он попросил подключить электричество и воду. Он вернулся в дом впервые за очень долгое время как раз в воскресенье. Но это ещё не преступление.

— Ага, сам понимаешь, именно последняя информация мне особенно приятна!

— К вашим услугам!

— Ты хорошо поработал, и из тебя получится хороший полицейский, если мозги будут достаточно сдвинуты.

— Уверен, из ваших уст я могу воспринимать это как комплимент.

— Можешь! — подхватила Наталия.

— Навести мамашу Клайн, покажи ей фотографию и спроси, не он ли тот тип с набережной, который не любит эвтаназию, и если она его опознает, значит, мы взяли серьёзный след.

Стажёр покинул участок, а Пильгез погрузился в досье Артура.

Утро четверга принесло хорошие плоды. Стажёр доложил, что миссис Клайн опознала индивидуума на фотографии. Но настоящая новость догнала Пильгеза в момент, когда он собирался повести Наталию обедать. На самом деле новость не была новостью, а торчала у Пильгеза перед носом с самого начала, просто он вдруг уловил связь. Адрес похищенной был тем же, что и у архитектора. Накопилось слишком много улик, чтобы архитектора можно было считать случайным человеком в этом деле.

— Ты должен быть счастлив, ведь расследование продвигается? Почему у тебя такое лицо? — спросила Наталия.

— Потому что я не понимаю, в чём его интерес. Этот тип не похож на психа. Никто не станет красть тело в коме, лишь бы посмешить приятелей. Должна быть веская причина. И потом, по словам людей из госпиталя, требовался некоторый опыт, чтобы установить тот центральный кратер.

— Катетер, а не кратер. Может, он был её парнем?

— Нет, миссис Клайн заверила меня в обратном, и была весьма настойчива на этот счёт. Она почти уверена, что они незнакомы.

— Может, какая-то связь с квартирой?

Тоже нет, возразил инспектор, — как утверждает агентство по недвижимости, его выбор пал на эту квартиру по чистой случайности. Он уже был готов подписать договор о найме совсем другого жилья на Филберт, но усердный представитель агентства настоял, чтобы Артур обязательно посмотрел и эту квартиру, «которая только-только вошла в наши списки»... перед самым подписанием.

— Значит, никакой преднамеренности.

— Чистое совпадение.

— Тогда действительно ли это тот, кого мы ищем?

Нет, ответил Пильгез, ни одна деталь, взятая отдельно, не свидетельствовала о том, что архитектор замешан в это дело. Да, совпадений много. И всё-таки без мотива Пильгез ничего не мог поделать.

— Мы не можем обвинять человека, потому что он снимает квартиру женщины, которую похитили.

Скажу тебе честно, мне трудно будет найти прокурора, который не стал бы со мной спорить.

Наталия подала мысль допросить архитектора и заставить расколотся «под лампой». Сыщик усмехнулся:

— Могу себе представить начало допроса: мистер, вы снимаете квартиру одной молодой женщины в коме, которая была похищена из госпиталя в ночь с воскресенья на понедельник. Вы подключили воду и электричество в вашем загородном доме накануне похищения. Почему? И тут парень глядит тебе прямо в глаза и заявляет, что, мол, не очень понял смысл вопроса. И тебе нечего сказать, кроме одного: положи руку на сердце, он является единственным твоим следом, и тебя очень бы устроило, если бы именно он оказался преступником.

— Возьми два свободных дня и проследи за ним!

— Без постановления прокурора все, что я наскребу, будет недействительным.

— Вовсе нет, если ты привезёшь тело!

— Ты веришь, что это он?

— Я верю в твоё чутьё, в улики, и я верю, что когда у тебя такое лицо, значит, ты уже имеешь виновного, но ещё не знаешь, как его уличить. Джордж, самое главное — найти девушку, ведь даже в коме она остаётся заложницей. Оплати счёт и отправляйся в деревню!

Пильгез встал, поцеловал Наталию в лоб, положил на стол деньги и торопливо вышел из ресторана.

На протяжении трех с половиной часов, которые отделяли его от Кармела, Пильгез продолжал искать мотив преступления, а потом размышлял, как подберётся к своей жертве, не напугав и не возбудив подозрений.

ГЛАВА 13

Мало-помалу дом возвращался к жизни. Артур и Лорэн, как дети, которые раскрашивают картинки, стараясь не вылезти за контур, заходили в каждую комнату. Артур распахивал ставни, снимал чехлы с мебели, встряхивал пыль, чистил до блеска, разбирал содержимое шкафов. И потихоньку живущие в доме воспоминания превращались в сегодняшний день.

Жизнь вступала в свои права. В этот четверг небо хмурилось, а океан, казалось, стремился разбить скалы, преграждавшие ему путь в сад. В конце дня Лорэн устроилась на веранде полюбоваться разворачивающимся спектаклем. Вода стала серой и перекатывала клубки водорослей с вкраплёнными в них иголками хвои. Небо отливало сиреневым, потом почернело. Лорэн была счастлива — ей нравилось, когда природа выказывала гнев. Артур кончил наводить порядок в маленькой гостиной, в библиотеке и в кабинете матери. Завтра они приступят ко второму этажу и его трём комнатам.

Артур сел на подушки, покрывающие пол под навесом, и посмотрел на Лорэн.

— Ты в девятый раз после обеда переменила платье.

— Это из-за журнала, который ты купил; я никак не могу выбрать, они все восхитительны.

— Твой способ делать покупки — мечта всех женщин.

— Погоди, ты ещё не видел вкладки!

— А что там?

— Специальный выпуск, женское бельё.

Артур увидел самый чувственный показ мод, который только мог быть предложен мужчине. Позже, окутанные нежностью свершившейся любви, умиротворённые душой и телом, они сидели, обнявшись в темноте, и смотрели на океан. Наконец они заснули, убаюканные прибором.

Пильгез приехал с наступлением ночи и остановился в гостинице «Кармел Валли Инн». Портъе выдала ему ключ от комнаты с окнами на океан. Комната находилась в бунгало в самой верхней части парка, нависавшего над бухтой, и ему пришлось опять садиться за руль, чтобы туда добраться.

Пильгез только начал разбирать сумку, когда первые всполохи разорвали небо. «Надо же, — подумал он, — живу в трех с половиной

часах пути, и ни разу не приехал сюда, чтобы это увидеть». Его охватило желание позвонить Наталии, чтобы разделить с ней этот миг, не проживать его одному; он снял трубку, вздохнул и тихонько положил обратно, так и не набрав номер.

Вместо этого он заказал ужин и устроился с подносом у телевизора. Сон поборол его, когда не было ещё и десяти часов.

В первые утренние часы проснувшееся солнце набралось сил и засияло так, что распугало все тучи, и те убрались прочь, даже не огрызнувшись.

Артур проснулся на веранде. Лорэн крепко спала.

Укрывшись за насыпью у ворот в верхней части сада, Пильгез вёл наблюдение, вооружившись мощным биноклем, подаренным ему к двадцатилетию службы. Около одиннадцати часов он увидел Артура, который шёл в его сторону, поднимаясь по саду. Подозреваемый свернул вправо от розария и распахнул двери гаража.

Войдя в гараж, Артур увидел перед собой чехол, покрытый слоем пыли. Откинув его, Артур узнал старый фургон — «форд» 1961 года. Полускрытый брезентом коллекционный экземпляр.

Артур улыбнулся, вспомнив о пристрастиях Энтони. Обойдя машину, открыл левую заднюю дверцу, устроился на сиденье, закрыл дверцу, потом глаза и вспомнил зимний вечер перед магазином «Масиз» на Юнион-сквер. Он увидел человека в плаще, которого должен был наверняка уложить выстрелом из межгалактического ружья — в последний момент того спасла ласковая наивность матери: она встала на линию огня. Атомный дезинтегратор, замаскированный под зажигалку для сигар, безусловно, ещё должен быть заряжён. Он подумал о Деде Морозе 1965 года, который застрял где-то в трубах центрального отопления вместе с электрическим паровозиком, предназначенным ему в подарок.

Артуру казалось, что он слышит урчание мотора; он открыл окно, высунул голову и почувствовал, как волосы сдувает со лба ветром, дующим в его воспоминаниях; чуть согнув руку, он выставил наружу ладонь и стал играть ею, потому что теперь она превратилась в самолёт; он наклонял её, чтобы изменить направление воздушного потока, и чувствовал, как она то взмывает к потолку гаража, то уходит в пике.

Когда Артур вернулся в реальность, то увидел записку, прикреплённую к рулю.

«Артур, если захочешь завести машину, то найдёшь зарядник для аккумулятора на полке справа. Нажми пару раз на стартер, прежде чем включить контакт, чтобы подкачать бензин. Не удивляйся, что машина еле

тащится, это „форд“ 1961, так что все нормально. Захочешь накачать шины — компрессор в коробке, под зарядником. Обнимаю тебя. Энтони».

Он вылез из машины, захлопнул дверцу и в глубине гаража увидел лодку. Подошёл, погладил. Под деревянной скамейкой нашёл спиннинг, его собственный, зелёная леска была намотана на пробковую катушку и заканчивалась проржавевшим крючком. Артура охватило волнение, и он даже присел на корточки. Потом выпрямился, взял зарядное устройство, открыл капот старенького «форда», соединил провода и поставил аккумулятор на зарядку. Выйдя из гаража, до упора раздвинул двери.

Пильгез записывал в блокнот все, что видел. Он не отрывал взгляда от подозреваемого. Видел, как тот накрывает стол в беседке, усаживается, обедает, потом убирает посуду. Отвлёкся лишь на пять минут, чтобы съесть сэндвич, когда Артур прикорнул на подушках в тени патио.

Он продолжал следить за ним, когда Артур опять отправился в гараж, услышал звук компрессора, а потом, более отчётливо, звук заводящегося мотора, который пару раз чихнул, прежде чем заработать.

Взглядом поприветствовав машину, когда та подъехала к крыльцу, он решил прервать вахту и отправился в деревню собрать кое-какую информацию.

Около восьми вечера Пильгез вернулся к себе в комнату и позвонил Наталии.

— Ну как? — спросила она. — Есть успехи?

— Нулевые. Ничего, выходящего за рамки нормального. То есть почти. Он один, весь день чем-то занят, чистит, мастерит, делает перерывы на обед и ужин. Я поспрашивал кое-кого. Дом принадлежал его матери, она умерла давно. Потом там жил садовник, до самой своей смерти. Как видишь, он в полном праве приезжать в дом матери, когда ему заблагорассудится.

— Тогда почему «почти»?

— Потому что в его поведении есть странности: он разговаривает сам с собой, ведёт себя за столом, как если бы их было двое, иногда сидит у моря, держа руку на весу по десять минут. Вчера вечером он обнимался сам с собой в патио.

— Как это?

— Как если бы он ласкал женщину. Вот только он был один!

— Может быть, у него такая манера предаваться воспоминаниям.

— У него что-то многовато этих «может быть»!

— Ты всё ещё веришь, что след правильный?

— Не знаю, красавица моя, но в любом случае в его поведении есть одна особенность.

— Какая именно?

— Он невероятно спокоен для того, кто виноват.

— Значит, ты всё ещё в это веришь.

— Я даю себе ещё два дня, а потом возвращаюсь. Завтра совершу рейд по открытой местности.

— Побереги себя!

Артур перебирал клавиши расстроенного фортепьяно, наигрывая тему «свет луны» Массне^[2]. Это была любимая мелодия Лили.

Продолжая играть, он обратился к Лорэн, сидевшей на подоконнике в своей любимой позе: одна нога вытянута вдоль рамы, другая поджата под себя, спина опирается о стену.

— Завтра я поеду за покупками в город, а дом запру. У нас почти ничего не осталось.

— Артур, на сколько ещё времени ты собираешься отказаться от своей жизни?

— Нам обязательно обсуждать это сейчас?

— Возможно, я останусь в таком положении ещё годы, и я не уверена, понимаешь ли ты, на что идёшь. У тебя есть работа, друзья, обязательства, свой мир.

— В чём именно заключается мой мир? Я живу везде. У меня нет мира, Лорэн; мы здесь уже почти неделю, а я не брал отпуска два года, так что дай мне немного времени.

Он обнял её и сделал вид, что засыпает.

— Нет, у тебя есть мир. У каждого из нас собственная вселенная. Чтобы два существа жили друг с другом, недостаточно, чтобы они любили, они ещё должны быть совместимы, нужно, чтобы они встретились в благоприятный момент. Это не совсем наш случай.

— Я говорил, что люблю тебя? — робко спросил он.

— Ты мне дал доказательства своей любви, — ответила она, — это намного больше.

Она не верила в случай. Почему он оказался единственным существом на планете, с которым она могла общаться? Почему они так хорошо понимали друг друга? Откуда у неё бралось ощущение, что он все угадывает в ней?

— Почему ты даёшь мне все лучшее, что есть в тебе, получая так мало взамен?

— Потому что ты оказалась здесь так быстро и внезапно, потому что ты есть, и один миг с тобой — это уже невероятно много. Вчерашний день уже прошёл, завтрашний ещё не существует, только сегодняшний имеет

значение, только настоящее.

И добавил, что у него нет другого выхода, кроме как не дать ей умереть...

Но Лорэн как раз и боялась «того, что ещё не существует». Чтобы успокоить её, Артур сказал, что следующий день будет сотворён по тому образу и подобию, которое ей захочется ему придать. Её жизнь зависит только от того, какой частью самой себя она готова поделиться и что она согласна принять взамен. «Завтрашний день — тайна для всех, и эта тайна должна вызывать смех и желание, а не страх и отказ».

Он прикоснулся поцелуем к её векам, взял её руку в свою. Глубокая ночь сомкнулась над ними.

Артур разбирал багажник старенького «форда», когда заметил шлейф пыли на дороге, ведущей к дому. Пильгез — а это был он — затормозил у самых ворот. Артур встретил его, держа в руках кучу тряпья.

— Здравствуйте, я могу вам чем-то помочь?

— Я приехал из Монтеррея, в агентстве по недвижимости мне сказали, что этот дом не занят, а я хочу что-нибудь прикупить в округе, вот и приехал посмотреть, но вроде бы его уже купили, я опоздал.

Артур возразил, что дом не предназначался ни для покупки, ни для продажи, это дом его матери, и недавно он вновь в нём поселился. Он предложил выпить лимонаду, но сыщик отказался, не желая его задерживать. Артур продолжал настаивать, пригласил присесть под навесом, пообещав вернуться через минуту. Он захлопнул дверцу кузова, ушёл в дом и вернулся с подносом, на котором стояли два стакана и большая бутылка.

— Красивый дом, — заметил Пильгез, — наверно, таких в районе осталось немного?

— Не знаю, меня несколько лет здесь не было.

— И почему вы вдруг вернулись?

— Пришло время, я так полагаю: я вырос здесь, а после смерти мамы не мог собраться с силами, чтобы вернуться, и вдруг меня потянуло.

— Просто так, без всякой причины?

Артуру было не по себе, этот незнакомец задавал слишком личные вопросы, как будто знал что-то, но не хотел этого показывать. Он не связал это с Лорэн, а решил, что имеет дело с одним из спекулянтов недвижимостью, которые пытаются наладить контакт с будущими жертвами.

— В любом случае, — заключил он, — я никогда не расстанусь с домом!

— И вы совершенно правы, родительский дом нельзя продавать. На мой взгляд, это кошунство.

Пильгез почувствовал, что пора давать задний ход. Поблагодарил за гостеприимство и лимонад. Оба встали, Пильгез забрался в машину, завёл мотор, помахал рукой и отбыл.

— Чего он хотел? — спросила Лорэн, появившись у ворот.

— Купить дом, как он сказал.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже, сам не знаю почему.

— Думаешь, он полицейский?

— Нет. Наверное, у нас паранойя; не представляю, как они могли бы напасть на наш след. Скорее всего, это спекулянт или агент по недвижимости, прощупывает почву. Не беспокойся. Останешься здесь или поедешь со мной?

— Поеду! — ответила она.

Через двадцать минут после того, как они уехали, Пильгез пешком вернулся к дому. Удостоверился, что входная дверь заперта, и начал обходить по периметру нижний этаж. Все окна закрыты, но только на одном были закрыты и ставни. Этого оказалось достаточно, чтобы полицейский сделал выводы. Он не стал задерживаться и вернулся к машине, набрал номер Наталии. Сообщил, что ни доказательств, ни улики не прибавилось, но что он по-прежнему чувствует — Артур виновен, вот только мотива все ещё нет.

Пильгез был уверен, что ключ к загадке заключён именно в мотиве. И этот мотив должен быть крайне важен, чтобы человек, вроде бы уравновешенный и не испытывающий особой нужды в деньгах, пошёл на такой риск. Но Пильгез не видел, как подступить к решению проблемы. Все классические мотивы были изучены, и ни один из них не вёл по верному пути.

Тогда ему пришла мысль сблефовать: опереться на ложь, чтобы выяснить правду, захватить подозреваемого врасплох и попытаться уловить реакцию, жест, который подтвердит или перечеркнёт сомнения. Он завёл мотор, заехал внутрь владения и остановился у центрального входа.

Артур и Лорэн приехали часом позже. Выйдя из «форда», Артур посмотрел Пильгезу прямо в глаза.

— Должен сказать две вещи! — произнёс Артур. — Первое — дом не продаётся и не будет продаваться; второе — это частное владение!

— Знаю, и мне плевать, продаётся он или нет; пора мне представиться.

Ещё не договорив, он достал значок. Подойдя вплотную к Артуру,

заявил:

- Мне надо с вами поговорить.
- По-моему, вы уже это и делаете.
- Разговор долгий.
- Я не спешу.
- Я могу зайти?
- Нет, только с ордером!
- Вы не правы!
- А вы были не правы, когда лгали мне!
- Можем ли мы, по крайней мере, присесть на веранде?
- Можем.

Они сели в кресла-качалки. У Лорэн, остановившейся на ступеньках, был совершенно перепуганный вид. Артур глазами сделал знак, чтобы успокоить её и дать понять, что все под контролем.

- Чем я могу быть вам полезен? — спросил он полицейского.
- Объясните мне, что вас побудило... Именно тут я забуксовал.
- Побудило к чему?
- Я знаю, что это вы.

— Да, верно, это я, и был таким с момента рождения, и никогда не страдал шизофренией. О чём вы говорите?

Он хотел поговорить о теле Лорэн Клайн и обвиняет Артура в похищении из Мемориального госпиталя одного с помощью сообщника на старой машине скорой помощи в ночь с воскресенья на понедельник. Сообщил, что «скорая помощь» обнаружена в ремонтной мастерской. Развивая свой тактический план, заявил об уверенности, что тело находится здесь, в этом доме, а ещё точнее — в единственной комнате с закрытыми ставнями.

- Я только не понимаю — почему, и это не даёт мне покоя.

Он близок к завершению карьеры и заслуженной пенсии и не любит загадок. Он хочет знать, что двигало Артуром.

— Мне плевать, сумею ли я упечь вас за решётку. Я всю жизнь только тем и занимался, что отправлял людей в тюрьму, и лишь для того, чтобы через несколько лет они оттуда вышли и принялись за старое. Вы получите максимум пять лет, и черт с вами... Но я хочу понять...

Артур сделал вид, что ничего не понял.

- Что за история с телом и «скорой помощью»?

— Я постараюсь отнять у вас как можно меньше времени; вы согласитесь без ордера показать мне помещение с закрытыми ставнями?

- Нет!

— А почему, раз вам нечего скрывать?

— Потому что это помещение, как вы его называете, было комнатой и кабинетом моей матери, и после её смерти оно остаётся закрытым. Это единственное место, куда у меня так и не хватило духу войти, именно поэтому ставни закрыты. Больше двадцати лет никто не открывал эту дверь, и я переступлю порог один и только когда почувствую себя готовым. И уж во всяком случае не для того, чтобы играть в ваши полицейские игры. Надеюсь, я ясно выразился.

— Да. Мне ничего не остаётся, как удалиться.

— Не буду вас задерживать.

Пильгез встал, направился к машине; открывая дверцу, он обернулся и посмотрел Артуру в глаза, заколебался на мгновение, но решил блефовать до конца:

— Если вы хотите зайти в эту комнату в одиночестве, что я вполне понимаю, советую сделать это сегодня вечером. Потому что я упрямый, и завтра к концу дня вернусь с ордером. Ваше одиночество кончится. Разумеется, вы можете решиться перевезти тело за ночь в другое место, но что до кошек-мышек, тут я намного сильнее вас, у меня за плечами тридцать лет стажа... Я оставлю визитку с номером своего телефона, на случай, если вы захотите что-либо сообщить.

— Вы не получите ордер!

— Каждый должен заниматься своим делом; всего хорошего.

Артур остался стоять, свесив руки; сердце отбивало бешеный ритм.

ГЛАВА 14

— Нужно рассказать ему правду и договориться с ним! — сказала Лорэн.

— Нужно не терять времени и перевезти твоё тело в другое место.

— Нет, я не хочу, хватит! Он наверняка где-то караулит и схватит тебя прямо на месте преступления. Артур, остановись, это твоя жизнь; ты же слышал, что он говорил: тебе грозит пять лет тюрьмы!

Артур чувствовал, что сыщик блефует, ничего у него нет, и ордера ему никогда не получить. Он изложил свой план: с наступлением ночи они выйдут из дома со стороны, обращённой к океану, и положат тело в лодку.

— Мы поплывём вдоль берега и спрячем тебя в гроте на два-три дня. Если полицейский устроит обыск, то останется с носом, извинится и будет вынужден оставить меня в покое.

— Он будет следить за тобой, потому что он сыщик, и упрямый сыщик, — возразила Лорэн. — Твой единственный шанс выпутаться из этой истории — договориться с ним. Сделай это немедленно, потом будет поздно.

— Твоя жизнь на кону, поэтому тело перевезём сегодня ночью.

— Артур, подумай сам, мы не можем бегать всё время, опасность слишком велика.

Артур повернулся к ней спиной, повторяя: «Сегодня ночью». Остаток дня прошёл в напряжении. Они мало разговаривали, едва обменялись парой взглядов.

Ближе к вечеру Лорэн обвила Артура руками.

Он нежно поцеловал её.

— Я не могу позволить им забрать тебя, понимаешь?

Она понимала, но не могла позволить ему ломать свою жизнь.

Он подождал, пока начнётся ночь, и выскользнул из дома через балконную дверь. Дошёл до прибрежных камней и понял, что сами волны противятся его надеждам. Огромные буруны обрушивались на берег, заставляя забыть о придуманном плане. Первый же вал разобьёт лодку в щепки.

Артур присел на корточки и обхватил голову руками. Лорэн положила руку на плечо Артура и опустилась на колени.

— Идём в дом, — сказала она, — ты простудишься.

— Я...

— Не говори ничего, прими это как знак; мы проведём эту ночь, ни о чём не беспокоясь, завтра что-нибудь придумаешь, а может быть, на заре погода успокоится.

Но Артур понимал, что означали порывы ветра — буря продлится минимум три дня.

Они поужинали и разожгли огонь в камине. Разговаривали мало. Артур пытался что-нибудь придумать, но ни одна мысль не приходила ему в голову. Снаружи ветер удвоил силу, сгибая деревья так, что они едва не ломались; оконные стекла звенели под струями дождя; океан повёл беспощадную атаку на бастионы скал.

— Раньше я так любил, когда природа бушует, а сегодня вечером все иначе.

— Ты, похоже, настроен очень мрачно; не стоит. Мы ведь не расстаёмся. Ты всё время твердишь мне, что не нужно думать о завтрашнем дне, так возьмём этот миг, пока он ещё наш.

— На этот раз у меня не получается, я больше не умею жить только настоящим, не думая о завтра. Не понимаю, как удаётся тебе.

— Я думаю о минутах, которые текут сейчас, и они вечны.

Лорэн попросила Артура представить, что он выиграл на конкурсе приз — каждое утро банк открывает ему кредит в 86 400 долларов. Но есть правила.

— Первое заключается в том, что все, не истраченное за день, вечером изымается, и смухлевать нельзя — скажем, нельзя перевести деньги на другой счёт, можно только их истратить, но каждое утро, когда ты просыпаешься, банк открывает тебе новый счёт — 86 400 долларов на текущий день.

Второе правило: банк имеет право прервать игру без предупреждения; в любой момент он может заявить, что всё кончено, счёт закрыт и нового не будет.

— Что бы ты сделал?

Артур пожал плечами.

— Но ведь это просто: каждое утро, когда ты просыпаешься, тебе дают 86 400 долларов, с единственным условием, чтобы ты все их потратил в течение дня, неиспользованный остаток у тебя забирают, когда ты отправляешься спать, это такой подарок, но игра может закончиться в любой момент.

Вопрос: что бы ты сделал с деньгами?

Он ответил, что потратил бы каждый доллар на собственное удовольствие и на то, чтобы закупить кучу подарков тем, кого любит. Он

бы использовал каждый цент из этого волшебного банка, чтобы привнести счастье в свою жизнь и жизнь окружающих, «даже тех, кого я не знаю, потому что не уверен, что сумел бы тратить на себя и близких 86 400 долларов в день; но к чему ты клонишь?».

Она ответила:

— Такой волшебный банк доступен каждому из нас — это время! Рог изобилия, из которого постоянно текут секунды...

Каждое утро, просыпаясь, мы получаем кредит в размере 86 400 секунд жизни в день, и, когда мы засыпаем вечером, запас исчезает, а что не было прожито за день — пропало.

Каждое утро волшебство начинается по новой, нам опять дают кредит в 86 400 секунд. И мы играем по правилу, обойти которое невозможно: банк может закрыть счёт в любой момент без предупреждения; жизнь может остановиться в любую секунду. Что мы делаем с нашими ежедневными 86 400 секундами? А секунда жизни поважнее доллара, правда же?

После аварии Лорэн ежедневно поражалась, как мало людей осознает, насколько время исчислимо и бесценно. Если хочешь понять, что такое год жизни, задай вопрос студенту, который завалил годовой экзамен. Если хочешь понять, что такое месяц, спроси у матери, которая родила недоношенного ребёнка и ждёт, когда его извлекут из инкубационной камеры. Если неделя — спроси человека, который работает на конвейере или в шахте, чтобы прокормить семью. Если день — спроси влюблённых, которые ждут встречи. Если час — спроси у страдающего клаустрофобией человека, который застрял в лифте. Секунда — посмотри на выражение лица того, кто в тысячную долю мига избежал смерти, или спроси у спортсмена, который только что выиграл серебряную медаль на Олимпийских играх вместо золотой, ради которой тренировался всю жизнь.

— Жизнь волшебна, Артур, и я знаю, что говорю, потому что после аварии я ощущаю цену каждого мгновения. Поэтому прошу тебя, давай воспользуемся каждой секундой, которая нам осталась.

Артур обнял Лорэн и прошептал ей на ухо:

— Каждая секунда с тобой ценнее любой другой.

Они провели остаток ночи, не отрываясь друг от друга. Сон охватил их ранним утром; буря не унялась, скорее наоборот.

Звонок мобильного телефона разбудил их около десяти часов, это был Пильгез, он просил Артура о встрече. Надо поговорить, сказал он и извинился за своё вчерашнее поведение.

Артур заколебался, не зная, как реагировать. Он подумал о проливном дожде, который не позволит им остаться снаружи, и предположил, что Пильгез воспользуется этим предложением, чтобы попасть в дом. Отбросив колебания, Артур пригласил полицейского на второй завтрак — возможно, чтобы почувствовать себя сильнее и сбить с толку противника.

Лорэн воздержалась от комментариев, только меланхолично улыбнулась, но Артур этого не увидел.

Инспектор появился два часа спустя.

Когда Артур открыл ему, вслед ворвался такой мощный шквал ветра, что Пильгезу пришлось помогать хозяину закрывать дверь.

— Настоящий ураган! — воскликнул он.

— Я уверен, что вы пришли не для того, чтобы говорить о погоде.

Лорэн прошла вслед за ними в кухню. Пильгез бросил плащ на стул и уселся за стол. Накрыто было на двоих; обед состоял из салата «Цезарь» с жареной курицей и омлета с грибами. Тут же... — бутылка каберне.

— Очень любезно с вашей стороны оказать мне такой приём, я не хотел вас затруднять.

— Что меня действительно затрудняет, инспектор, так это упорство, с которым вы преследуете меня вашими абсурдными историями.

— Если они настолько абсурдны, как вы говорите, я не долго буду вас преследовать. Ведь вы архитектор?

— Вам это уже известно.

— И какая именно архитектура вас привлекает?

— Я реставрирую памятники архитектуры.

— То есть?

— Даю новую жизнь старинному зданию, сохраняю творение в камне, отреставрировав его так, чтобы приспособить к современной жизни.

Пильгез попал в точку, он заманил Артура в область, которой тот был страстно увлечён и где его можно было бы подловить, задав внезапно нужный вопрос.

Но Пильгез угодил в собственную ловушку. Он был увлечён рассказом подозреваемого.

Артур прочёл ему настоящую лекцию по истории строительства, от древней архитектуры к традиционной, с экскурсами в модерн и современные стили. Сыщик был зачарован, он задавал один вопрос за другим, и Артур отвечал. Разговор длился уже больше двух часов, но время летело незаметно.

Чашки кофе следовали одна за другой, а Лорэн с изумлением наблюдала, как между Артуром и инспектором рождалась странная связь,

будто между двумя сообщниками.

На одном из поворотов истории о том, как был задуман и сконструирован мост Голден-Гейт, Пильгез прервал Артура, положив свою руку на его, и резко сменил тему. Он хотел поговорить с ним, как мужчина с женщиной, без оглядки на то, что он полицейский. Он чувствовал и знал, что тело женщины спрятано в запертой комнате в конце коридора. Однако ему непонятен мотив похищения.

Пильгез считал Артура образованным, замечательным, в общем, таким, каким бы всякий отец хотел видеть своего сына. Но почему ради похищения тела женщины он пошёл на риск сломать собственную жизнь?

— Обидно. Мне показалось, что мы симпатизируем друг другу, — сказал Артур, вставая.

— Так и есть, но это не имеет значения, или наоборот, только это и имеет значение. Я уверен, что у вас была настоящая, хорошая причина, и я предлагаю вам свою помощь.

Пильгез хотел быть честным до конца и начал с того, что признал: ордера у него нет и не будет, потому что не хватает доказательств. На то, чтобы встретиться с судьёй и всё-таки убедить выдать ордер, ему потребуется три-четыре дня. Этого достаточно, чтобы Артур перевёз тело. Но тогда Артур совершит ошибку. Сейчас Артуру ещё можно помочь. И Пильгез предлагает такую помощь. Если, конечно, Артур согласится поговорить с ним и объяснить, где ключ к тайне.

Артур спрятался за ироничный тон. Он ценил великодушный жест и благожелательность инспектора. Но и он, в свою очередь, не понимает гостя. Артур принял и угостил Пильгеза, а тот продолжает упорствовать и настаивать на абсурдных обвинениях.

— Нет, это вы упорствуете, — возразил Пильгез.

— Тогда почему вы, считая меня виновным, хотите мне помочь?

Сыщик ответил. За профессиональную жизнь он размотал немало гнусных дел. И у всех виновных имелась общая черта: они были преступниками, извращенцами, маньяками, отпетыми негодяями. Судя по всему, Артур не подходил ни под одну из этих категорий. Пильгез потратил жизнь на то, чтобы сажать преступников в каталажку. Так разве не имеет он права помочь приличному человеку, который, возможно, просто попал в трудное положение.

— Очень любезно с вашей стороны, и я говорю совершенно искренне; мне было приятно общаться с вами, но я вовсе не нахожусь в том положении, которое вы упомянули. Я вас не выпроваживаю, но меня ждёт работа; возможно, нам ещё представится случай повидаться.

Пильгез не стал возражать. Он безнадежно покачал головой, встал и потянулся за плащом. Лорэн, которая на протяжении всего разговора сидела в уголке, вскочила и пошла за ними, когда они направились по коридору, ведущему к входной двери.

Перед дверью в кабинет, где лежало тело Лорэн, Пильгез остановился, глядя на дверную ручку.

— Так вы открыли её, вашу шкатулку с воспоминаниями?

— Нет ещё, — ответил Артур.

— Иногда так трудно погружаться в прошлое, нужно много сил и мужества.

— Знаю, именно их я и стараюсь обрести.

— И я знаю, что не ошибаюсь, молодой человек, мой инстинкт меня никогда не подводил.

Когда Артур уже собирался двинуться дальше, дверная ручка начала поворачиваться, и дверь приотворилась. Артур увидел в дверном проёме Лорэн; она грустно улыбнулась ему.

— Почему ты это сделала? — прошептал Артур, чувствуя, как у него перехватывает дыхание.

— Потому что я люблю тебя.

С того места, где они стояли, Пильгез увидел лежащее на кровати тело с капельницей.

— Слава богу, она жива.

Он зашёл в комнату, оставив Артура у входа, и опустился у кровати на колени.

Лорэн обняла Артура. Она поцеловала его в щеку, очень нежно.

— Ты бы не смог, а я не хочу, чтобы ты испортил всю свою оставшуюся жизнь из-за меня, я хочу, чтобы ты жил свободным, я хочу тебе счастья.

— Но моё счастье — это ты. — Она прижала палец к его губам.

— Нет, не так, не при таких обстоятельствах.

— С кем вы разговариваете? — спросил полицейский по-дружески.

— С нею.

— А теперь вы должны мне объяснить, если хотите, чтобы я вам помог.

Артур посмотрел на Лорэн; в глазах его была обречённость.

— Ты должен рассказать ему всю правду, поверит он тебе или нет.

— Идёмте в гостиную, — обратился он к Пильгезу — я вам всё объясню.

Мужчины устроились на диване, и Артур рассказал все с самого

начала, с того вечера, когда незнакомая женщина, спрятавшаяся в его квартире в шкафу ванной комнаты, сказала: «То, что я сейчас расскажу, непросто представить и невозможно допустить, но если вы согласитесь выслушать мою историю, если вы согласитесь отнестись ко мне с доверием, тогда, может быть, в конце концов мне удастся все объяснить, а это очень важно, потому что, сами того не зная, вы — единственный человек в мире, с которым я могу поделиться тайной».

Пильгез слушал Артура, не перебивая. Потом он встал и оглядел Артура с ног до головы.

Артур сказал:

— В вашей коллекции стало одним психом больше... Пильгез перебил его:

— Она здесь, рядом с нами?

— Сидит в кресле напротив и смотрит на вас. Пильгез потёр подбородок и покачал головой.

— Конечно, — сказал он, — конечно.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Артур.

Он собирается поверить ему! А если Артур задаётся вопросом почему, то ответ прост: чтобы придумать подобную историю и пойти на такой риск, на который он пошёл, недостаточно быть сумасшедшим, надо быть полным психом. А Артур вовсе не псих.

— Ваша история должна быть полной правдой, чтобы вы решились предпринять то, что сделали. Я не очень верю в Бога, но я верю в человеческую душу, и потом, я очень хотел бы вам верить.

— Что вы будете делать?

— Я могу без риска отвезти её в госпиталь в своей машине?

— Да, можете, — ответил Артур голосом полным тоски. — Но я не хочу, чтобы меня с ней разлучили, я не хочу, чтобы её подвергли эвтаназии!

Пильгез сказал, что это уже борьба на другом поле. Он не всесилен. Он и так рискует, возвращая тело, и у него всего ночь и три с небольшим часа на дорогу, чтобы придумать хорошее объяснение, как он обнаружил жертву, не найдя похитителя. Поскольку она была жива и невредима, он полагал, что сумеет устроить так, чтобы дело закрыли. Что до остального, то больше он ничего сделать не мог, но и это уже немало, верно?

— Я знаю! — поблагодарил Артур.

— Даю вам обоим ещё одну ночь. Завтра я заеду около восьми, сделайте так, чтобы она была готова к отъезду.

— Почему вы это делаете?

— Я вам уже говорил. Потому что вы мне симпатичны, и потому что я

вас уважаю. Я никогда не узнаю, правдива ли ваша история. Но в любом случае, по логике ваших рассуждений, вы действовали в её интересах. Можно даже допустить, что это была законная защита. Или же помощь человеку, находящемуся в опасности. Мне плевать. Мужество — достоинство тех, кто действует во благо, тех, кто приходит на помощь. И действует именно в тот момент, когда следует действовать, а не просчитывать угрозы. Ладно, хватит болтать, пользуйтесь оставшимся временем.

Полицейский пошёл к дверям. Артур и Лорэн пошли следом. Жестокий шквал ударил им в лицо, когда они открыли входную дверь.

— До завтра, — сказал Пильгез.

— До завтра, — ответил Артур, не вынимая рук из карманов.

Пильгез исчез в порывах бури.

Артур не спал всю ночь; ранним утром он пошёл в кабинет. Подготовил тело Лорэн, поднялся к себе в комнату и собрал чемодан, закрыл ставни в доме, отключил газ и электричество. Им обоим придётся вернуться в Сан-Франциско — Лорэн не могла долго находиться далеко от своего тела, не ощущая крайней усталости. Они все обговорили за ночь и решили, что так и будет. Как только Пильгез погрузит тело, они тоже отправятся в обратный путь.

Инспектор явился в назначенное время. За четверть часа Лорэн была устроена на заднем сиденье машины полицейского. В девять дом уже был заперт, и две машины направились в сторону города.

Пильгез приехал в госпиталь к полудню, Артур и Лорэн вернулись в квартиру приблизительно в то же время.

ГЛАВА 15

Пильгез доставил неподвижную пассажирку в отделение неотложной помощи. Меньше чем за час тело Лорэн поместили в ту же палату, откуда оно было изъято. Инспектор вернулся к себе в участок и немедленно направился в кабинет начальника. Никто никогда не узнал содержание двухчасового разговора. А когда он завершился, инспектор с толстым досье под мышкой подошёл к Наталии, бросил папку перед ней на стол и, глядя ей в глаза, приказал убрать эти документы в ящик для завершённых и закрытых дел, причём без промедления.

Артур и Лорэн устроились в квартире на Грин-стрит и провели вторую половину дня на набережной, гуляя вдоль берега. Никаких признаков подготовки к процедуре эвтаназии не было, и это давало надежду — возможно, после всех событий мать Лорэн отказалась от своих намерений.

Они поужинали в ресторане — ел, естественно, только Артур — и к десяти часам вечера пришли домой, чтобы посмотреть фильм по телевизору.

Жизнь вернулась в нормальное русло. Артур время от времени появлялся на работе — он заходил туда подписать бумаги. Оставшуюся часть дня они проводили вместе, отправляясь в кино или гуляя по парку. На один из уикендов они уезжали в Тайберн, в дом, который Артуру оставлял один из друзей на время своих поездок в Азию. Начало другой недели провели, плавая на яхте от бухты к бухте.

Они пересмотрели все представления в городе — мюзиклы, балеты, концерты и спектакли. Часы, которые они проводили вместе, были похожи на длинные каникулы, когда не отказываешь себе ни в чём, не думаешь ни о чём, кроме того, что происходит сейчас. Теория 86 400 секунд, как они её называли.

Люди, которые с ними сталкивались, принимали Артура за сумасшедшего, видя, как он разговаривает сам с собой или гуляет, неуклюже отставив руку в сторону. В ресторанах, где они бывали, официанты привыкли к мужчине, который, сидя за столом один, внезапно наклонялся и целовал чью-то воображаемую руку; или разговаривал нежным голосом с пустотой; или, выходя, замирал, пропуская перед собой несуществующую персону. Одни думали, что он сумасшедший, другие, — что вдовец, не желающий смириться со смертью жены.

А сам Артур наслаждался каждым мгновением, сплетавшим кружево

их любви. За эти несколько недель они стали сообщниками, любовниками и спутниками жизни.

Пол больше не волновался, убедив себя, что его друг просто переживает кризис. Успокоенный тем, что похищение осталось без последствий, он взял на себя руководство бюро. Пол не торопил события. Важно было одно — чтобы тот, кого он называл своим братом, почувствовал себя хорошо или хотя бы лучше.

Три месяца прошли в безмятежной близости. Но вдруг все перевернулось.

Они вместе дочитали последнюю страницу романа и Артур закрыл книгу. Легли спать и заснули поздно ночью в объятиях друг друга.

Около шести часов утра Лорэн рывком села в постели и закричала, зовя Артура. Он проснулся и посмотрел на Лорэн. Лицо её было бледно и прозрачно.

— Что случилось?

— Обними меня, умоляю.

Артур обнял Лорэн. Не успел он повторить свой вопрос, как она положила руку на его щеку, колючую от пробивающейся щетины, погладила с бесконечной нежностью. Глаза Лорэн налились слезами, и она заговорила:

— Пришла минута, любовь моя, они забирают меня, я исчезаю.

— Нет! — сказал он, сжимая её ещё крепче.

— Боже, как я не хочу покидать тебя. Я мечтала, чтобы эта жизнь никогда не кончалась, даже до того, как она началась.

— Ты не можешь уйти, не надо, пожалуйста!

— Не говори ничего, я чувствую, что у меня мало времени. Ты дал мне то, о чём я даже не подозревала; благодаря тому, что ты дал мне пережить, я поняла, сколько самых простых вещей может подарить любовь. Все, что у меня было до тебя, не стоит и одной секунды, которую мы провели вместе. Я хочу, чтобы ты навсегда запомнил, как сильно я любила тебя. Я не знаю, к каким берегам ухажу, но если существует что-то вне этого мира, я и там буду продолжать любить тебя с той же силой и радостью, какими ты наполнил мою жизнь.

— Я не хочу, чтобы ты уходила!

— Ш-ш-ш, не говори ничего, послушай меня.

С каждым словом Лорэн становилась все прозрачней. Артуру казалось, что она рассеивается.

— У меня перед глазами цвет твоих улыбок, — снова заговорила Лорэн. — Спасибо за наш смех, за всю нежность. Я хочу, чтобы ты жил,

чтобы ты вернулся к своей жизни, когда меня больше не будет здесь.

— Я не смогу без тебя. Не уходи, умоляю!

— Я не могу, это сильнее меня. Знаешь, мне не больно, просто мне кажется, будто ты отдаляешься, я слышу тебя, как сквозь вату, и ты расплываешься у меня перед глазами. Мне так страшно, Артур. Мне так страшно без тебя. Обними меня ещё крепче.

— Я держу тебя, ты меня больше не чувствуешь?

— Не очень, Артур.

Так плакали они оба — стыдливо, молча. Они чувствовали ещё глубже смысл каждой секунды жизни, ценность мгновения, важность одного-единственного слова. Они держали друг друга в объятиях. В несколько минут, не завершив поцелуя, Лорэн исчезла.

Руки Артура сомкнулись на нём самом; он скорчился от боли и громко зарыдал. Все его тело сотрясалось, голова моталась из стороны в сторону, ногти впились в ладони.

— Нет!

Это слово, которое он кричал в животной жалобе, звенело в комнате так, что задрожали стекла.

Он попытался встать, но покачнулся и упал на пол.

Он потерял сознание на долгие часы.

Придя в себя, Артур еле дотащился до подоконника, где Лорэн так любила сидеть, и устремил глаза в никуда.

Артур погрузился в мир пустоты. Пустота проникала в его вены, добираясь до сердца. И ритм сердца с каждым днём становился все глуше.

В первые дни пустота будила в Артуре гнев, неуверенность, ревность — не по отношению к другим людям, а к украденным мгновениям, к уходящему времени. Предательская пустота, проникая все глубже, изменяла чувства, обостряя их, будоража всплесками, делая пронзительными. Чувства становились все обостреннее. Он ощущал всей плотью неудовлетворённую потребность — в другом человеке, в любви.

Так мучается желанием тело, так нос пытается уловить запах, так ладонь стремится прикоснуться к живому, чтобы ласкать, так глаз сквозь слёзы видит лишь воспоминания, так кожа жаждет ощутить другую кожу, так руки смыкаются на пустоте, а каждый палец сгибается в привычном ритме, так балансирует нога, лишённая опоры.

Он пребывал в прострации долгие дни и ещё более долгие ночи. Он передвигался от рабочего стола, где писал письма фантому, к кровати, где лежал, уставившись в потолок невидящим взглядом. Телефонная трубка косо лежала на аппарате, но Артур не замечал этого. Ему было все равно,

он не ждал ничьего звонка.

В ту ночь он вышел на улицу, пытаясь заставить себя подышать воздухом. Но сил у него хватило ровно на то, чтобы перейти на другую сторону дороги и, пройдя несколько десятков метров, присесть на приступку невысокой ограды. Под таким углом контуры улицы образовали коридор, и в конце его над маленьким садиком возвышался дом в викторианском стиле.

Только из одного окна ещё выбивался лучик света в эту безлунную ночь — это было окно его гостиной. Дождь прекратился, но лучше Артуру не стало. За оконным проёмом он угадывал Лорэн, её плавные движения.

Она ушла на цыпочках сердца.

Артуру казалось, что среди теней на мостовой он видит изящный изгиб её силуэта, исчезающего за углом. Как обычно, когда он чувствовал себя незащищённым, Артур засунул руки поглубже в карманы, ссутулился и зашагал по улице.

Вдоль серо-белых стен он шёл по следам Лорэн. Шёл медленно, чтобы никогда не догнать её. Дойдя до угла, заколебался, потом, подталкиваемый холодом, двинулся дальше. Он вновь переживал каждую минуту внезапно оборвавшейся жизни.

Артур. Сомнение и связанный с ним выбор — это две силы, заставляющие звучать струны наших чувств. Запомни, что важна только гармония этого звучания.

Голос матери и воспоминания о ней поднялись из самых глубин души. Артур бросил последний взгляд вдаль и повернул обратно с ощущением вины за проигрыш.

Светлеющее небо предвещало восход бесцветного дня. Любое раннее утро наполнено тишиной, но не всякая тишина — синоним пустоты, иногда она бывает насыщена пониманием. О такой тишине Артур вспоминал, возвращаясь.

Артур лежал на ковре в гостиной, когда в дверь отчаянно забарабанили. Он не встал.

— Артур, ты там? Я знаю, что там. Открой, черт тебя подери! Открой! — кричал Пол. — Открой, или я её вышибу!

Артур встал и направился к двери, повернул защёлку и сразу же вернулся обратно, рухнув на диван.

Вошёл Пол и оторопело остановился посреди комнаты. Десятки листов бумаги, исписанные от руки, устилали ковёр. Пошёл на кухню. Там не было свободного места от пустых консервных банок. В мойке грудой лежала грязная посуда.

— Так, тут! была война?

Артур не ответил.

— Они пытали тебя, перерезали голосовые связки? Эй, ты оглох? Это я, твой компаньон! Ты в столбняке или так надрался, что не можешь про трезветь?

Артур зарыдал. Пол присел рядом и тронул его за плечо.

— Артур, что произошло?

— Она умерла, уже десять дней назад. Она просто ушла однажды утром. Они убили её. Я не могу пережить это, Пол, не могу!

— Я вижу. — Пол обнял Артура. — Поплачь, поплачь, сколько можешь. Говорят, слезы смывают горе.

— Я только и делаю, что плачу!

— Ну и что, продолжай, запас ещё есть, не все выплакано.

Пол глянул на телефон и встал, чтобы поправить трубку.

— Я набирал твой номер раз двести!

— Плевать мне на телефон!

— Кончай! Вся эта история и так в голове у меня не укладывалась, но теперь она не укладывается у тебя. Ты жил во сне, Артур. Вернись в реальный мир, ты же гроишь свою жизнь. Ты не работаешь, у тебя вид, как у бомжа после попойки, ты худой, как палка, у тебя физиономия из документального фильма про Великую депрессию. В бюро тебя давно не видели, люди интересуются, жив ли. Ты влюбился в женщину в коме, придумал себе историю на грани галлюцинации, выкрал её тело, а теперь — в трауре по призраку.

Ты хоть понимаешь, что где-то в этом городе живёт психоаналитик, который не знает, что скоро станет миллионером. Ты должен лечиться. У тебя нет выбора, я не могу оставить тебя в таком состоянии. Всё это было сном, который превратился в кошмар.

Пола прервал телефонный звонок. Он снял трубку, потом протянул её Артуру:

— Это полицейский, и он сейчас взорвётся. Он уже несколько дней пытается до тебя дозвониться. Хочет немедленно с тобой поговорить.

— Мне нечего ему сказать.

— Ты поговоришь с ним, или я тебя изобью. — И Пол приложил трубку к уху Артура.

Тот, услышав несколько слов, вскочил и лихорадочно принялся искать ключи от машины.

— Что происходит? — поинтересовался его друг.

— Нет времени, я должен найти ключи.

— Они хотят тебя задержать?

— Да нет! Не пори чушь, а помоги!

— Ага, тебе лучше, ты снова меня облаял.

Артур обнаружил связку ключей, извинился, сказал, что объяснять нет времени, у него нет ни секунды, и он позвонит вечером.

— Не знаю, куда ты собрался, но если в общественное место, то я горячо советую тебе переодеться и провести мочалкой по лицу.

Артур заколебался, потом бросил взгляд на своё отражение в зеркале, помчался в ванную, отвёл глаза от шкафа — некоторые вещи вызывают слишком болезненные воспоминания. Через несколько минут он был вымыт, выбрит, переодет. Даже не попрощавшись, вылетел из квартиры и кинулся по лестнице к гаражу.

Машина на полной скорости пронеслась через город и припарковалась у Мемориального госпиталя. Он не стал терять времени, запирая дверцу на ключ, и бегом направился в приёмный покой. Когда, запыхавшись, Артур вбежал туда, Пильгез уже ждал его, сидя в кресле. Инспектор встал и взял его за плечо, успокаивая.

Мать Лорэн тоже уже была в госпитале. Учитывая обстоятельства, Пильгез все ей объяснил. Ну, почти все. Миссис Клайн ждала их на пятом этаже в коридоре.

ГЛАВА 16

Мать Лорэн сидела на стуле у входа в палату реанимации. Увидев Артура, она встала и направилась навстречу. Она обняла его и поцеловала в щеку.

— Я вас не знаю, мы только один раз встретились, вы помните, это было на набережной... Собака узнала вас, собака! Я не знаю почему и не все понимаю, но я вам так обязана, что никогда не сумею отблагодарить.

Дальше она стала говорить спокойнее. Десять дней назад Лорэн вышла из комы — почему, никто не знает.

Однажды рано утром энцефалограмма, до того совершенно прямая, вдруг ожила. Сигнал заметила дежурная медсестра. За несколько часов палата превратилась в улей, кишаций медиками, которые сменяли один другого, чтобы высказать своё мнение или просто чтобы увидеть ту самую пациентку, вышедшую из глубокой комы.

Первые дни Лорэн оставалась без сознания. Потом постепенно начала шевелить пальцами, потом — руками и ногами. Вчера она впервые открыла глаза и огляделась вокруг, но говорить ещё была не в состоянии.

Некоторые профессора полагали, что, возможно, её придётся заново учить говорить, другие были уверены, что постепенно речь, как и всё остальное, вернётся.

Вчера вечером она движением век ответила на вопрос врача. Она была очень слаба и с огромным трудом могла приподнять руку. Доктора объясняли это атрофией мускулов, она слишком долго не двигалась.

Но и это восстановится. Сканирование мозга дало оптимистические результаты.

Артур не дослушал её и зашёл в палату. Кардиограф издавал регулярное успокаивающее попискивание. Лорэн спала. Она была бледна, но по-прежнему красива. Когда Артур увидел её, то почувствовал, как от волнения перехватило дыхание. Он присел на краешек постели, взял её руку в свои и поцеловал ладонь. Потом устроился на стуле и так, не отводя взгляда от Лорэн, замер на долгие часы.

В начале вечера Лорэн открыла глаза, пристально посмотрела на Артура и улыбнулась.

— Все хорошо, я здесь, — сказал он ей тихо. — Не утомляйся, скоро ты заговоришь.

Лорэн нахмурила брови, лицо выражало недоумение. Потом она снова

улыбнулась, опять заснула.

Артур приходил в госпиталь каждый день. Он садился и ждал, когда Лорэн проснётся. Артур разговаривал с Лорэн, рассказывал, что происходит вокруг. Лорэн не могла говорить, но по-прежнему пристально смотрела на Артура, когда он к ней обращался, а потом снова засыпала.

Так прошло десять дней, в течение которых миссис Клайн и Артур, сменяясь, дежурили у Лорэн. Однажды миссис Клайн сообщила Артуру: вчера вечером к Лорэн вернулась речь — она, запинаясь, произнесла несколько слов хриплым голосом.

Артур зашёл в палату и сел поближе к Лорэн. Она спала. Он провёл ей рукой по волосам.

— Мне так не хватает звука твоего голоса, — сказал Артур.

Лорэн открыла глаза, взяла его руку в свои, неуверенно посмотрела на него и спросила:

— Кто вы? Почему всё время здесь?

Артур сразу все понял. Сердце его сжалось, он улыбнулся с огромной нежностью и любовью и ответил:

— То, что я сейчас расскажу вам, непросто представить и невозможно допустить, но если вы согласитесь выслушать мою историю, если вы согласитесь отнестись ко мне с доверием, тогда, может быть, в конце концов, мне удастся все объяснить, а это очень важно, потому что, сами того не зная, вы — единственный человек в мире, с которым я могу поделиться тайной.

---

notes

Примечания

1

Репозиция — исправление смещения кости с фиксацией её в анатомическом положении. (Прим. перев.)

Тема из оперы Ж. Массне «Вертер».